



ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

ХАРБИН

роман



Евгений Анташкевич
Харбин

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Анташкевич Е. М.

Харбин / Е. М. Анташкевич — «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-122673-2

«Харбин» – классический русский роман, многоплановый и многослойный, густонаселенный, развивающийся на протяжении длительного времени. Мы немного знаем про Дальний Восток вообще и про Харбин в период между Гражданской и Второй мировой. А там происходили такие события, в которых принимали участие разведки практически всех ведущих стран мира. Главный герой романа – офицер барон фон Адельберг пытается вернуться в китайский город, ставший на несколько десятилетий русским, и оказывается в тисках между «золотой казной» Российской империи и замыслами советской и японской разведок.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122673-2

© Анташкевич Е. М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Книга первая	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	45
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	61
Часть вторая	67
Глава 1	67
Глава 2	68
Глава 3	75
Глава 4	76
Глава 5	80
Глава 6	87
Глава 7	90
Глава 8	94
Глава 9	96
Глава 10	97
Глава 11	99
Глава 12	103
Часть третья	108
Глава 1	108
Глава 2	110
Глава 3	114
Глава 4	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Евгений Анташкевич

Харбин

Книга первая

*Я думала, Россия – это книжки.
Всё то, что мы учили наизусть.
А также борщи, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И тёмные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон.
Всё дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колёс.
Россия – вздох.
Россия – в горле камень.
Россия – горечь безутешных слёз.*

Ларисса Андерсон, харбинская поэтесса

*Если укреплять своё сердце решимостью каждое утро и каждый
вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже принадлежит
Вечности, Путь будет для него свободен.
Ямамото Цунэтомо (Бусидо, кодекс чести самурая)*

*...Так души смотрят с высоты
На ими брошенное тело!..*

Ф. И. Тютчев

Степан Фёдорович Соловьёв поднялся по ступенькам просторного холла управления и протянул прапорщику паспорт. Стоявший на расслабленных ногах прапорщик взял, среди бумажек на столе выбрал заказанный пропуск – и вдруг зацепился взглядом за широкоую, в две ладони, орденскую колодку Соловьёва и распрямился:

– Проходите, пожалуйста! – козырнул он. – А что в такую рань, товарищ полковник? Не спится?

– Бывший полковник, знаете ли... старая привычка, я уже много лет встаю рано... И акклиматизация даёт о себе знать, с Москвой всё же семь часов разница...

– А бывших у нас не бывает, товарищ полковник! – сказал прапорщик и заулыбался. – А по поводу акклиматизации, конечно, знаю, сам летал, а потом мучился!.. Проходите.

Степан Фёдорович посмотрел на прапорщика, поблагодарил и пошёл налево к лифту: «Разговорчивый! Застоялся! Небось за всю ночь ни с кем словом не перекинулся!»

Вчера вечером полковник Соловьёв прилетел из Москвы по приглашению Совета ветеранов на празднование семидесятилетия Хабаровского краевого управления КГБ. У самого трапа его торжественно, с цветами встретили молодые сотрудники. В гостиничном номере Сте-

пан Фёдорович только-только успел разложить немногочисленные вещи и ополоснуть лицо, как зазвонил телефон. «Литерный, что ли? – Он усмехнулся. – Да нет, меня-то чего слушать, тем более одного?»

Он снял трубку:

– Слушаю!

– Степан Фёдорович, извините за беспокойство, я подумал, что минут пятнадцати – двадцати вам хватит, чтобы распаковаться и привести себя в порядок. Вы потом могли уйти в город, вы же местный, хабаровский, поэтому я решился вас побеспокоить! – Голос в трубке был молодой и очень громкий.

– Хорошо, хорошо, – Степан Фёдорович немного отстранился, – беспокойте! Только представьтесь!

– Ой, извините, это я только что встречал вас в аэропорту, я Евгений Мальцев, лысаватенький такой...

Степан Фёдорович вспомнил, что среди встречавших был один такой – разговорчивый и весёлый.

– Слушаю, Евгений... как вас по отчеству?

– Да можно просто Женя!

– Слушаю вас, «просто Женя»! – Соловьёву стал нравиться задорный голос позвонившего.

– Степан Фёдорович, вы меня извините, когда мы ехали в машине и вы узнали, что я из Москвы, как-то разговор невольно перешёл на меня, и не очень удобно было...

– Помню, мне, хабаровчанину, стало любопытно, как ты, москвич, сюда забрался, в такую даль?

– Да! Так вот, мне неудобно было вас перебивать, а вы просили кое-что по архивам... Мы нашли. Так что, если вы не особенно устали, можно было бы посмотреть...

– Ты имеешь в виду прямо сейчас?

– Нет, сейчас, – в трубке замялись, – вы, наверное, хотите отдохнуть или прогуляться по городу...

Соловьёв не дал ему договорить:

– Да, Женя, ты правильно рассуждаешь, давай завтра! Я действительно немного устал, поэтому сегодня – мэй ёу фанцзы! Хорошо?

– Что? Как вы сказали?

Соловьёв на секунду задумался.

– Нет, нет, ничего! Давай завтра!

– Ну конечно, Степан Фёдорович! Тогда до завтра! Отдыхайте! Я вас утром побеспокою!

Соловьёв попрощался, положил трубку и повернулся к окну.

Окно его одноместного номера в гостинице «Центральная» выходило на площадь Ленина, он её помнил с детства ещё немощёной. С четвёртого этажа было хорошо видно, как, теснясь около плескавшегося струями нарядного фонтана, в мареве сгустившейся за день жары медленно гуляли, будто плавали, хабаровчане с детьми. Там же, рядом с большими стендами, увешанными фотографиями, сидели ленивые, разморённые солнцем фотографы с массивными аппаратами, свисавшими между колен толстыми чёрными объективами.

Номер был тесный и душный, но Соловьёв не стал открывать форточку, чтобы не налетели комары, а ещё хуже мошка, которая летом – так в Хабаровске было во все времена – не даст продыху. Только что был тяжёлый перелёт, целых восемь часов... и возраст – уже далеко за семьдесят... Стало побаливать сердце; Степан Фёдорович вынул из пакетика таблетки, которые положила ему жена, и не глядя сунул одну под язык.

* * *

Утром он проснулся рано, на часах было около пяти, он понял, что больше не заснёт, оделся и вышел.

Город ещё только розовел в рассветных лучах, солнце поднималось из-за спины, из-за здания гостиницы, поэтому дома напротив, через площадь: Высшая партийная школа и недавно построенная, облицованная белым мрамором городская больница – стояли наполовину закрытые тенью. Степан Фёдорович любил эти ранние часы, эту нежную, без озноба прохладу только что ушедшей ночи и это небо, синее и бесконечное.

Он оглянулся, от гостиницы, на ступеньках которой он стоял, налево и направо расходилась похожая на коромысло, разделённая площадью надвое, улица Пушкина: налево она спускалась к Уссурийскому бульвару, когда-то там тонким ручейком протекала речка Плюси́нка и на берегу стоял его дом; направо она тоже спускалась, уже к Амурскому бульвару, там тоже когда-то протекала тоненькая речка, называвшаяся Черды́мовка.

Степан Фёдорович посмотрел налево и увидел свой дом – кирпичный, красно-коричневый, крепкий, такой же, как и был, только не стало деревянной лестницы, когда-то он по ней бегал. К дому можно было подойти, но что-то внутри подсказывало: «Не надо! Там уже всё чужое!»

Он постоял на крыльце ещё секунду и пошёл на площадь.

Перед самым вылетом из Москвы Степан Фёдорович подумал – узнает он город или не узнает: «Может – узнаю, а может, и нет! А может – город меня не узнает! Мэй ёу фанцзы! Их-ху мать!»

«Узнаю?! – думал он сейчас. – А сколько я тут был? Родился, крестился, учился... потом в Москву, в начале тридцатых! Потом снова сюда – в сорок пятом. А потом? А потом Китай, Харбин! А потом нас оттуда попёрли, то ли в пятьдесят седьмом, то ли в пятьдесят восьмом? Когда нас из Харбина-то попёрли?.. – Он на секунду остановился около фонтана, в котором в это раннее время ещё не включили воду. – Вот, кажется, в пятьдесят восьмом и попёрли. После этого год здесь сидел – отписывался!»

Большая асфальтированная площадка перед управлением на Волочаевской была пустая, стояли три дежурные машины: светло-серая «Волга» ГУВД, уазик управления особых отделов Краснознамённого Дальневосточного военного округа с чёрными военными номерами и чёрная «Волга» УКГБ. Прапорщик, несмотря на раннее время, впустил и даже не стал звонить и спрашивать разрешения у дежурного.

Старый железный лифт с узорчатой дверью одиноко прогромыхал на пятый этаж по всей вертикали пустого и тихого управления; Соловьёв вышел из кабины, забыл придержать тяжёлую дверь, и та оглушительно бабахнула: «Чёрт бы тебя побрал, старый хрен, сейчас ещё дежурного разбудишь! Потом будет жаловаться!»

По скрипящему паркету пустого, гулкого коридора он прошёл в левое крыло, туда, где находился кабинет сотрудника разведподразделения Хабаровского управления Евгения Мальцева; посмотрел на старую эмалированную дощечку на двери «555» и вытащил из-за верхней притолоки ключ.

В узком высоком кабинете, куда он вошёл, стояли три рабочих стола и три сейфа; он огляделся и увидел слева большую, даже огромную, во всю стену, от потолка и до пола, от входной двери и до самого окна карту:

«СССР и прилегающие территории»

«Ты смотри какая!.. – Соловьёв подошёл и задрал голову. – От Северного полюса и до... – он опустил голову, – Бомбея и Калькутты. – Потом посмотрел слева направо и справа налево: – Надо же! От Англии и до Японии!..»

Карта смотрелась очень красиво – яркими красками рельефно изображены горы, реки, озёра и леса и тонкими, почти незаметными красными линиями только-только обозначены государственные границы. Степан Фёдорович был приятно удивлён и несколько минут стоял и любовался. Ему нравилось, что границы на карте помечены едва заметно и не мешают, поэтому можно было, как бы не нарушая их, перемещаться по всей Европе и Азии куда хочешь, в любом направлении, хоть целыми племенами и народами.

«И название правильное: «Эс-Эс-Эс-Эр и прилегающие территории!» – с улыбкой подумал он, повернулся и на противоположной стене увидел другую карту, на которой в правом верхнем углу было написано:

**«Карта Северной Маньчжурии.
Издана Экономическим бюро КВЖД
1926 год».**

Она была меньше, но тоже большая и не цветная – Соловьёв подошёл ближе, – но и не чёрно-белая: бумага, на которой тушью были нарисованы города, дороги, водные пути, телеграфные линии и многое другое, уже утратила белизну; от старости она приобрела мягкий оттенок слоновой кости и поэтому больше напоминала древний, пропитанный временем пергамент.

Степан Фёдорович смотрел, и ему стало казаться, что карта эта ему знакома, что он её когда-то уже видел. Он был в кабинете один, но на всякий случай оглянулся, вытащил кнопку, крепившую нижний край к стене, и заглянул на обратную сторону. Нет, он не мог её видеть – на обороте, на старой, уже ставшей ломкой марле, на которую были наклеены листы, стоял выцветший фиолетовый прямоугольный штамп «УНКВД ДВК» с регистрационным номером за 1946 год. Эта карта могла попасть в управление с трофеями, а в 46-м он уже работал с китайскими коммунистами там, в Харбине, и вообще к трофеям не имел никакого отношения. Чуть выше штампа он обнаружил резолюцию «Уничтожить», написанную толстым синим карандашом, и рядом неразборчивую, витиеватую закорючку подписи.

Да, в сорок шестом он точно работал в Харбине и то ли её видел, то ли не видел, но что-то такое от неё исходило...

– Степан Фёдорович! Вы уже здесь?

Соловьёв вздрогнул и обернулся, в дверях стоял запыхавшийся Евгений Мальцев.

Степан Фёдорович посторонился, уступая ему место в узких проходах между столами:

– Да, Женечка! Спасибо тебе! Ключ я нашёл, как договорились. А ты что же так рано?

Почему не дома?

– Да вот, Степан Фёдорович, я сейчас с дочкой один кукую, жена в больнице на сохранении. – Вошедший молодой человек небольшого роста, с улыбочивым круглым лицом и ранней лысиной переводил дыхание. – Бегал за питанием в молочную кухню.

– А сколько дочке? – поинтересовался Степан Фёдорович.

– Годик с небольшим. Замотался я с ней, надо кормить, поить, спасибо соседке, что помогает.

– Молодая соседка? – поинтересовался Соловьёв.

– Да! – удивлённо ответил Мальцев.

– Так беги домой! Корми и пои, а то ей, бедняжке, и пописать будет нечем, я имею в виду дочку!

Мальцев прыснул:

– Хорошо, спасибо, Степан Фёдорович! Вот архивные дела, – Мальцев вытащил из сейфа две папки, – а я пошёл?

– Постой! – остановил его Соловьёв. – Откуда это? – Он показал на карту Маньчжурии.

– А-а-а! Я знал, что вам понравится, а есть ещё одна, карта Харбина́ тридцать восьмого года издания, на русском языке, со всеми русскими названиями, эмигрантская, хотите, покажу?

«Харбина́» Мальцев произнёс с ударением на последний слог.

– Да? А где ты их добыл?

– Архивные, точнее, трофейные! Эта, – он показал на карту Маньчжурии, – досталась мне от моих предшественников, старших коллег, а харбинскую я сам откопал.

– Вот как? – удивился Степан Фёдорович. – Ну давай, показывай!

Мальцев полез в нижний ящик стола, вытащил сложенную карту, начал разворачивать, но Степан Фёдорович его остановил:

– Вот что, молодой человек! Эдак ты дочь-то голодом заморишь, мы тут до вечера не закончим. Я вижу, ты ко всему этому тоже с интересом!

Мальцев согласно пожал плечами.

– Ты мне это всё оставь, а сам беги, потом обсудим, а то и соседке, сам понимаешь... – Степан Фёдорович многозначительно сдвинул брови, – будет нечем! Мэй ёу фанцзы!

Мальцев снова прыснул:

– Как вы сказали – «мэй ёу фанцзы»? А что это?

– Потом объясню, беги!

«Оперок! Хороший оперок, – подумал он, когда Мальцев вышел. – Были когда-то и мы!...»

Соловьёв взялся за стул, сел, сдвинул на край чёрную, на изогнутой шарнирной ноге настольную лампу и начал разворачивать эмигрантскую карту Харбина: «Харбина́! Правильно! Ударение на последний слог!» Он стал её рассматривать, водил пальцем по линиям улиц, читая знакомые названия: «...Артиллерийская, Казачья, Диагональная, Виадук, а вот Больничная, на ней была миссия, Большой проспект...» – и снова, как бы в подтверждение, почувствовал, что обе – и та, что висит у него за спиной, и эта – на столе, – в его руках уже были.

«Ладно, это карты, а что ещё нам приготовили?»

На столе одна на другой ровненько лежали две папки: он взял верхнюю, тонкую, когда-то она была нежно-голубого цвета, но выцвела и от множества фиолетовых штампов приобрела архивный вид. На обложке от руки печатными буквами было выведено:

УНКВД СССР по Хабаровскому краю.

Спецотряд № 16.

Контрольно-наблюдательное дело

«Императорская японская военная миссия»

г. Харбин. Маньчжурия.

Сотрудники.

Капитан Коити Кэндзи.

Том № 38.

1946 г.

Он хмыкнул: «Коити Кэндзи! Ну-ну! Интересно!» – он отложил эту папку и взял другую, толстую, увесистую, бурого цвета, на её лицевой стороне тоже была надпись фиолетовыми чернилами:

Дело

оперативной разработки

«Патрон».

Том № 1.

Начато: 1922 г.

Окончено: 1946 г.

«Патрон!» Вот это да! Вот это, точно, молодцы!»

Степан Фёдорович развязал тесёмки, открыл, и из-под обложки выпорхнул небольшой листок; он чуть было не слетел со стола, и Степан Фёдорович прихлопнул его ладонью. Листок был из настольного календаря со следами двух оборванных дырочек; Соловьёв прочитал:

1938 год.

23 февраля.

Среда.

День Рабоче-крестьянской

Красной армии

и флота.

20-я годовщина.

И ниже мелким шрифтом: «Восход солнца... заход... продолжительность дня...» Соловьёв с удивлением перевёл взгляд на папку – на ней значился год 1946-й.

«Откуда же ты такой вылетел? Из тридцать восьмого!»

Он положил листок на стол, снова посмотрел на папку и медленно откинулся на спинку стула.

«Патрон! Вот так так!»

Соловьёв почувствовал, как в груди что-то шевельнулось, что-то тяжёлое, ему стало трудно дышать, он удивился и подумал: «Ах, этот чёртов перелёт!» Его лоб и щёки покрыла холодная испарина, во вспотевшей ладони оказалась гильза с нитроглицерином; он положил таблетку под язык и начал рассасывать; через несколько секунд по телу пошла горячая волна, немного замутила голову и сошла; для верности он посидел ещё несколько минут, встал и вышел из кабинета. Медленно, давая возможность успокоиться сердцу, он пошёл в дальний конец коридора, к лестничной площадке с большим окном и боковым лифтом, который он помнил и который почему-то, как ему казалось, никогда не работал. Через окно был виден кусочек синего утреннего Амура и в белёсой дымке – дальние сопки Хехцёра.

«Патрон!» Не ожидал! – подумал он. – Александр Петрович! Барон фон Адельбёрг! Как же вы долго, Александр Петрович, пылились в архиве...»

Он постоял, подождал, пока успокоится сердце, и вернулся в кабинет.

За первыми ветхими страницами: «Опись документов», «Список лиц, знакомившихся с делом» и «Постановление о заведении дела» – была подшита «Анкета»:

«Патрон

Фон Адельберг Александр Петрович, барон.

Год рождения – 1885-й.

Место рождения – г. Митава.

Происхождение – потомственный остзейский дворянин...»

Часть первая

Глава 1

Паровоз окутался дымом и паром, завыл тормозами и загремел сцепками; короткий, из нескольких вагонов эшелон задрожал и остановился. На перроне, с винтовками наперевес, стояла плотная шеренга солдат чешского легиона.

– Что это может быть, Александр Петрович?

– Точно не знаю, Михаил Капитонович, но, судя по всему...

– Прикажете выяснить?

– Нет, поручик, я сам. Распорядитесь по составу «В ружьё!».

С подножки вагона соскочил офицер в полковничьих погонах русской императорской армии и, придерживая шашку, быстрым шагом пошёл к группе стоявших у входа в здание заиндевелого деревянного вокзала чешских офицеров.

– Литерный эшелон Верховного! Почему остановили? – обратился он. – Кто старший?

Один из офицеров вышел навстречу и взял под козырёк.

– Поручик Ганка! – с лёгким акцентом представился он, потом потупился и тихим голосом добавил: – Приказ начальник 3-й чешский дивизия полковник Прхал, пане полковник! Вам приказ отдать паровоз и эшелон для конфискации под моя охрана и сдать оружие.

– Как приказ? Какой приказ? Я полковник барон фон Адельберг! Повторяю, поручик, это литерный эшелон Верховного! – Он схватился за шашку, но в этот момент чехи загрохотали затворами и стало ясно, что сопротивляться бесполезно. Полковник бросил шашку и револьвер на перрон и, сопровождаемый двумя легионерами, вошёл в здание вокзала. Когда он проходил мимо чешских офицеров, то за их спинами с удивлением увидел смуглое, скуластое, раскосое лицо, почти полностью зарытое мехом огромной шапки.

«И эти здесь!»

Утром третьего дня арестованный чехами полковник Адельберг обнаружил, что ему не просунули баланду и замок с внешней стороны не просматривается; он пнул дверь и вышел. Каталажка оказалась самодеятельная: под неё было приспособлено пустое помещение, вроде дровяника, примыкавшее к залу ожидания и имевшее свой вход. Полковник вышел на свет и оказался на деревянном перроне. Первые пути, нечётные, как и позавчера, когда чехи остановили его эшелон, были пустые. На чётных стоял и подпускал струи пара защищённый большими бронированными листами паровоз с двумя платформами. К платформам гуськом шли чешские солдаты с тяжёлыми мешками с песком и укладывали внутри вдоль бортов. Между мешками верхнего ряда обустраивали бойницы, на ближней к паровозу платформе уже установили пулёмёт системы «Максим» и водили его тупым рылом: правее, левее, вверх, вниз.

«Просматривают зону обстрела, союзнички!» – подумал Адельберг.

– Эй, пане-господине! – услышал он насмешливый голос. – Не надо шевелиться, я на тебя буду прицел брать!

С платформы послышался смех, и солдаты с мешками остановились. В это время тихо и поэтому неожиданно по нечётному пути к перрону приблизился другой паровоз, который тянул ещё две платформы. Паровоз поравнялся с бронированным и дал свисток, бронированный ответил, и паровоз покатила платформы дальше.

«Маневровый! Ещё платформы к бронепоезду!»

После нескольких суток заточения глаза Адельберга отвыкли, но постепенно привыкали к тому, что светит солнце и что-то движется.

За маневренным вплотную подошёл следующий эшелон, из его первой теплушки выскочил маленького роста офицер с длинной полицейской саблей; поскользнулся на наледи, устоял и на чешском языке заорал вдоль теплушек, насколько Адельберг смог разобрать, чтобы никто не выходил и что через несколько минут «влак» пойдёт дальше.

Крик чешского офицера ударил в уши.

«Чёрт возьми! Чего я стою? Мало общался с чехами? Надо сматывать удочки, пока не поздно; за два дня не расстреляли, так сейчас быстро навестают! – Он оглянулся и увидел в нескольких шагах от себя дверь, которая вела в помещение станции. – Но прежде надо найти телеграф!» В этот момент дверь открылась, из неё вышел мужчина в фуражке и шинели железнодорожного служащего, Адельберг шагнул к нему, но тот оглянулся и свернул за угол, будто убегал. Адельберг удивился и вошёл в маленькую залу. Слева было окно кассы: через довольно чистое стекло он увидел, что контора пуста, а на столе у окна стоит телеграфный аппарат с большими бобинами, с которых ленивыми гирляндами свисает узкая бумажная лента: бобины не вращались, аппарат не издавал привычного стука, и бумажная лента не вздрагивала.

«Не работает! Выключен! Оборвана связь!» – пробежало в голове, и он понял, что с этой станции он не сможет связаться со ставкой Верховного.

«Железнодорожник, тот, что сейчас вышел, – подумал он, – наверное, и есть кассир, начальник и телеграфист!»

Он обвёл взглядом залу и увидел справа в углу рядом с высокой, от пола до потолка, чёрной чугунной печкой, обогревавшей вокзал и его недавнюю тюрьму, большой железный бак, на котором на цепи болтался блестящий мокрый деревянный резной черпак. От бака, из темноты угла, к нему шагнул высокий плотный мужик в чёрном и, как показалось Адельбергу, странном тулупе – коротком и без рукавов; мужик утёр раскрытой ладонью губы и спросил:

– Своих шукаешь?

«Ничего себе!» – подумал Адельберг, шагнул назад и невольно потянулся рукой к кобуре.

– Не хапай, ваше благородие, – мужик махнул рукой, – пустая она! Твою пистолё чехи прихватили и сабельку тож...

Мужик появился из темноты как чёрт из табакерки, всё произошло в несколько секунд: пустой зал ожидания и пустая билетная касса, неработающий телеграфный аппарат и этот...

– Своих шукаешь, ваше благородие? – снова спросил мужик.

– Что? – Адельберг прокашлялся, голос ему изменил: почти двое суток в каталажке он молчал и сейчас почувствовал, что его голос как будто бы и не его.

– Ты, ваше благородие, пытай, чего пожелаешь, я на энтой станции уже три дни! – Мужик остановился и приосанился. – А можа, есть чем на чё поменяться? А я хлебушком ссужу али рыбкой сушёной! С Байкала я! – Его предложение прозвучало неожиданно. – Сюды прибёт мануфактурой разжиться али ишо чем городским, дык вот, застрял...

– Чем же ты можешь у меня разжиться, мил-человек? – прокашлявшись, спросил Александр Петрович. – У меня и есть только то, что на мне!

– А и то хорошо, что на тебе! – Мужик сдвинул шапку на затылок и огладил смоляную, без единого седого волоса бороду. – Эвон кака шинелишка добрая, царского сукнеца... Вот только совет тебе дам, ты погоны-то да кокарду сыми, чехи тебя уже не тронут, а красные не сёдни к вечеру, так завтра к утру будут туточа. Как ты вышел из каталажки, так снова туды и угодишь, а то и того дале!

Мужик держался по-свойски, по-хозяйски и говорил уверенно.

– А ты знаешь, что я был в каталажке? – спросил Адельберг.

– Так об том на станции все знают! Ты ж казну вёз, даром тока чехи её забрали, нужда у них была в паровозе, ихний-то красные повзорвали, а получили – вот те нате – и паровоз, и казну...

«Однако быстро тут новости распространяются!» – подумал Адельберг.

– ...А как власти здесь окажутся, особенно ежели красные, так сразу к тебе с расспросами, уж точно, что про казну! Придётся ответ держать!

Это было похоже на правду: здесь, между Нижнеудинском и Иркутском, никакой власти, судя по всему, пока не было, но уже не загадка, какая будет. Стало понятно, почему убежал тот железнодорожник, который сам себе и телеграфист и начальник станции.

«Да, значит, здесь я телеграфом не воспользуюсь! А вот я спрошу...»

– Если ты про меня знаешь, так, может, и про моих людей знаешь?

– Как не знать? Подалися все на восход, на Иркутск, а можа, и дале, энтого знать не могу!

– С ними был офицер!

– Усатенький такой! Был! Сорокиным, по-моему, кличут, иль не Сорокиным, птичья кака-то фамилия, точно не упомянул, белобрысый, как не быть? И росту моего. Он было по первости за сабельку-т схватился и даже замахнулся на кого-то, когда тебе руки заломали, дак его хотели в расход пустить, а посла отпустили... и солдат твоих... а чего отпустили, не ведаю, я ихних разговоров не слышал.

«Правильно, – подумал Адельберг, – Сорокин, и «росту» действительно твоего!»

– Отпустили, говоришь, Сорокина?

– Отпустили!.. – Мужик хотел добавить что-то, но Адельберг неожиданно перебил его:

– А кожушок на тебе странного фасона или не по размеру пришёлся?

– Да нет! – Мужик вдруг смешался, опустил голову и стал переминаться с ноги на ногу.

«Украл, наверное, и сейчас будет оправдываться!» – подумал Адельберг, ему почему-то захотелось сбить этого странного человека с того уверенного тона, который тот задал с первого своего слова.

– Ночью ещё был и по размеру, и по фасону... Дак вот, пока ты спал, ночью-то, обоз тут шёл, с вашими, городскими: военными, да антелигенцией, а он и щас идёт, так шибко помороженные были, и робятишки меж имя, такая жаль! Вот рукава-то и полы и пообрезал да на завёртки отдал, чтоб на руки да на ноги робятишкам намотали...

Александр Петрович понял, что был не прав и пришедшая ему в голову мысль несправедливая; он даже захотел извиниться, но вовремя спохватился, потому что это была только мысль, а вслух он ничего не сказал.

– ...А нам не привыкать, и дома у меня этих кожушков хватит. И на твою бы стать нашлось.

Адельберг удивился.

– Дома? Ты местный? – спросил он.

– Никак нет, ваше благородие. – Мужик поднял глаза и стал смотреть уверенно, как прежде. – Я ж гутарю, байкальский я, отседа до моей деревни через Байкал надоть... никак не меньше как три дни... Но энто ладно, энто не ваша чугунка, нету угля или там дров, или, к примеру, чехи всё позабирали, так и стой! Мы по энтому трахту уж скока бегаем; нам ваша чугунка – одне хлопоты.

После этих слов Александр Петрович снова подумал, что его случайная мысль «об украденном кожушке» была несправедливая.

– А как зовут тебя, мил-человек?

– Крестили Мишкой, кличут Лопыгой али Гураном, кому как способнее! А ты?.. Ты из каковских?

Адельберг не понял.

– Из каковских ты? – повторил мужик.

– Как «из каковских»?

– Я пытаю – артилерия, али кавалерия, али пехота какая?

– Ах вот ты о чём, я из егерей!

– А-а-а, из егерей, значит, знаем мы егерей! – протянул мужик, он стал топтаться и обшаривать себя по бокам. – А табачку у тебе, случаем, нету?

– Нет, Михаил, табачку у меня нет, весь выкурил в каталажке.

– Ну, тады слухай меня, ваше благородие! – Мужик перестал перетаптываться, глянул на конторку и тряхнул заплечным мешком, удобно устраивая на плечах верёвочные лямки. – Дело оно, конечно, хозяйское, однако ж, как я кумекаю, оставаться тебе туточа резону нету! Всё одно порешат! Поэтому я об чём гутарю... ежели хочешь жить, да с пользой дела, айда со мной!

Предложение мужика было неожиданным.

– А какая тебе от меня польза?

– А никакой! С мёртвого с тебя шинель снять да погоны с кокардой внукам на чёчи отдать, пушай играют... дак ведь не дадут. Тебя разденут до исподнего, а потом уж порешат, потому предлагаю, ваше благородие, езжай со мной. Оставаться тебе тута всё одно резону нету, – повторил он, – потому как по тайге кругом партизаны. Вывезу тебя на тракт, ваши там ешшо телепаются, к ним и пристанешь, а тама, глядишь... – Мишка не договорил.

Адельберг глянул мужику в глаза, и, если бы в этот момент он уловил хотя бы тень подвоха, он бы знал, что делать, но Мишка смотрел на него прямо и открыто.

– А что, если тебя партизаны арестуют, со мной, офицером, не боишься?

– А мне чё бояться? Ежли схватят, покуда до тракта не добежим, тебя опять же стукнут, а шинель так и снять не дадут, а потом ешшо агитировать станут... А в обозе ты уже свой! – резонно сказал Мишка. – И мне по пути!

В это время открылась дверь, с улицы донеслись гулкие шаги солдатских башмаков по деревянному перрону, и в клубах пара в зал вошёл тот самый человек в форме железнодорожника, которого Александр Петрович уже видел.

Мишка замолчал, железнодорожник пристально посмотрел на них и скрылся в дверях конторки.

– Тикать тебе надобно, ваше благородие, энтот вот, самый у их красный, даром что чехи всё уже позабирали!..

«Это правда, а до обоза ещё дойти надо!» – подумал Адельберг, и вдруг ему показалось, что мужик по имени Мишка не зря появился у него на пути.

– Ну как, ваше благородие, полезай в кошёвку, туто-ка она, за углом! Али здесь останешься, судьбину пытаться?

Кривыми окраинными улицами они выбрались на Сибирский тракт.

Постукивая кнутовищем по оглобле, Мишка погонял лошадь и по дороге рассказывал, что незадолго до Крещения сам Верховный и «ашалёны с золотой казной» были взяты под охрану чехами и двинулись в сторону Иркутска; а перед Рождеством в Нижнеудинске стоял больной и обмороженный «Каплин-инерал», и там же соединились две армии...

«Каплин! Капель! Обмороженный! Это плохо!» – думал Александр Петрович, слушая Мишку.

– ...А всего-то несколько дён, как ваши отогнали отседа красных, и сейчас, надо думать, – уже под Иркутском.

Александр Петрович вздохнул: «Значит, это здесь был бой, за день до моего ареста. Опять я не успел!»

Они отъехали от станции и уже несколько вёрст как втянулись в обоз, а на выезде из деревни, на околице, перед самым трактом им показалось, что из-за заборов и плетней за ними кто-то то ли следит, то ли крадётся. Мишка занукал и во весь голос заревел на лошадь, правда, потом оказалось, что «ревел» он совсем не на лошадь:

– А нешто им, красным! Оне тожа пужливые, чисто медведи, – ему ревёшь, а он тикаёт...

По тракту бесконечной чередой шли конные упряжки. Александр Петрович обустроился в кошёвке, подоткнул мешки, набитые чем-то мягким, и огляделся.

От Омска до станции Тайга он ехал по железной дороге в хвосте штаба Верховного. На станции Тайга полтора месяца назад по приказу Колчака вместе с полуротой охраны и несколькими офицерами принял и сопровождал, до того как его арестовали чехи, небольшой эшелон с отцепившимся и отставшим вагоном с несколькими ящиками золота и ещё какими-то ценностями. По всей дороге запасные пути на станциях и отводные нитки были забиты холодными паровозами, теплушками и классными вагонами, пустыми и полными трупов замёрзших раненых и умерших от тифа. Недалеко от железной дороги, иногда пересекаясь, иногда расходясь, тянулся Сибирский тракт, по которому двигались две белые армии, остатки отбившихся воинских частей и бесконечный обоз с беженцами.

Впереди и позади Мишкиных саней ехали такие же сани, их было много, их чёрная муравьиная вереница была хорошо видна, особенно на равнине или когда тракт длинными тягунами поднимался вверх, и казалось, что обоз не имеет ни начала, ни конца. Иногда, когда обоз вытягивался в нитку, они с Мишкой обгоняли другие сани; маштачок, маленькая лошадка сибирской породы, тащившая их и доходившая вознице всего лишь под грудь, бежала бодро, и тогда Александр Петрович видел измождённых, закутанных с головой людей – мужчин и женщин, среди которых сидели дети, у детей были серые лица стариков, и старики с запавшими лицами мёртвых. Из тайги, осёдланной с обеих сторон отрядами партизан или бандитов, иногда раздавались винтовочные выстрелы и пулемётные очереди. Но в открытую партизаны не нападали, наверное, потому, что невдалеке параллельно проходила железная дорога, по которой с той же скоростью, что и обоз, двигались эшелоны с чешскими, польскими и сербскими легионерами.

Когда Адельберг угнездился в кошёвке: укрыв ноги, засунул в рукава шинели руки и начал согреваться, – он вдруг услышал, что, несмотря на громадное стечение народу, на тракте было тихо. Тихо было в тайге, тихо скользили по наезженному снегу сани, тихо храпели лошади, и даже сбруя звенела тихо, если передние сани вдруг останавливались или начинали съезжать на задние. От этой тишины появилось ощущение спокойствия и равновесия, но его опытный ум понимал, что всё это хрупкое и может сломаться от одного какого-нибудь непредвиденного случая.

– А что чехи? – спросил Александр Петрович.

– А кто их знает! Но видать, у них с красными согласие имеется, шоб особо не баловали ни те ни энти! Без того мы бы с тобой и трёх вёрст не пробежали, да ещё в твоей шинелишке, да и не с руки им!

– Что ж так?

– А то! Мы, да все остальные, своими ногами плетёмся, голодные и холодные. Вона! – И Мишка указал кнутовищем на обоз. – В тайге партизаны как у себе дома! А они, чехи, по две перьсоны на один вагон, а больше не поместится! Каждый вагон барахлом да пианинами забит под самую завязку, одних глаз нету! Ворохнись тут! Особливо против красных! Да и против белых! Далеко ли они уедут, а? Я спрашиваю! Потому они, то есть чехи, как в заднице... про-между энтими!.. – Он сверху вниз округло показал руками и незаслуженно огладил маштака кнутом. – Эх! Када тока и подотрёмси?

– Нейтральная зона, несколько вёрст! – тихо подтвердил Адельберг. – Союзники!

– Натуральная, как есть! – Мишка обернулся, и Адельберг увидел, что его глаза блестят злостью. – Союзники! Каки ж они союзники, мать их? Они – пленные наши! То бишь ваши. Сказал тоже, союзники! Таперь у вас союзники – японцы, косоглазые! Мож, ты их на станции видал! Во! Они хотя бы туто-ка – за ближним морем, а остальные, разные там хранцузы с агличанами, так они за дальним морем. Тута им чё надо? Отсель, что ли, немца воевать? Дак и немца уж нет! Замирился Ленин с немцем. А мы всё воюем! – Мишка сплюнул. – Ты вона чё,

поройся-ка, – он ткнул кнутовищем в правый борт саней, – достань снизу шапку. Она с ушами, да натяни поглубже, а то свои-то познобишь.

Адельберг нашёл под мешками большой барсучий малахайд, натянул на самый лоб и подумал, что Мишка оказался дважды прав: прав в том, что чехи, как хозяева положения, заняли всю железную дорогу, и в том, что на таком морозе и правда несложно уши «познобить».

Через несколько минут он почувствовал, что всё его тело смертельно хочет спать. Обочины тракта ни медленно, ни быстро проплывали мимо; среди кустарников то тут, то там виднелись припорошенные снегом большие бугры, это были трупы брошенных лошадей. Вверх торчали распряжённые санные дышла: если конь слабел, сани распрягали и бросали; стояли артиллерийские орудия с забитыми замками и снятыми панорамами. Попадались припорошенные бугры поменьше, это были люди, умершие от голода или тифа, начавшего свирепствовать по всему тракту ещё от Новониколаевска. В одном месте тел было сразу несколько, уложенных рядом, ногами к дороге, у них в головах, у среднего, стоял связанный верёвками берёзовый крест.

«Белые, красные, беженцы?» – задался вопросом Александр Петрович, и сон будто смазало.

А Мишка говорил. Говорил, почти не умолкая, рассказывал о разном: о том, что видел, о том, что слышал от других, а когда проезжали мимо этого креста, перекрестился и замолчал. Александр Петрович тоже перекрестился, однако ему не хотелось, чтобы Мишка молчал; сон сошёл, всё, что происходило на самом тракте и по обе стороны от него, было тягостно: и белый снег, и тишина, которая воспринималась тоже как белая, холодная и неживая, а Мишкин разговор как-то всё это скрашивал. Адельберг подумал, что, наверное, не стоит нарушать его молчание, но не удержался и спросил:

– Сколько, ты говоришь, вы по этому тракту «бегаете»?

– Дак всю жизнь и бегаем. Я и себя не помню, а всё бегаем. Ишо и до меня... уж какую сотню лет! Да вот, слышь? – Мишка глянул на него через плечо, и Александр Петрович услышал в его словах ухмылку. – Ваши тут, из Рассеи, после реформы, када земельку-то у них свою отняли, а нашу дали, царь энтот...

– Александр Второй!

– Во, он самый! Я не помню, я ишо не родилси, када ваши безземельные тутюка всё шли и шли и нашей деревеньки за Байкал-морем не миновали. Один тожеть, как ты, егерем был. Нас двое сразу родилося – двойнята, значит, я да сестрёнка-близняха, дак он мамку с сестрёнкой скрал, а меня отцу оставил, адали перепутал. А отец-то чё, гураным молоком меня и выкормил. А мамка пропала и сеструха... незнамо где. Вот нас, кто по ту сторону Байкала живёт, гуранами и кличут. То есть от козы мы, от дикой. – Мишка хохотнул. – Так-то!

– Да-а! – Александр Петрович тоже усмехнулся. – Интересная история, а посмотри, тракт старый, а верстовых столбов не видно!

Однако Мишка, видимо, не расслышал вопроса, ударил кнутовищем по оглобле, и маштачок взялся бодрее.

– Я вот что! – спросил он. – Ты Красноярский город када проходил?

– Больше месяца назад.

– Больше месяца назад! Так вот, Каплин-инерал...

«Капель!» – мысленно поправил его Адельберг.

– ...промашку дал, от Красноярска вниз пошёл по Енисею. Это я всё про ваших, значит, из Рассеи! А потёмача на Кан-речку свернул, а тама... – Мишка аж присвистнул, – тамо-ка, ваше благородие, не приведи Господь!

– А что там?

– Ключей там много, тёплых, вода текёт поверх льда, не замерзая, лёд местами тонюсенький, хруп – и ты в воде, по пояс, а то и выша! А на снег вылезешь, и весь льдом, адали

куражком, покрываешься. И такой весь Кан. Берега высоко-о-okie, чисто столбы, сосна, кедрач. Немудрено поморозиться. Немного оттёда вышло, а каки и вышли, так... И глушь... и Кан – глушь, и вся энта тайга – глушь. На сотни верст ни зимовья, ни вехи.

– Бывал там?

– Бывал раз! Боле хватит! Зимой снегу лошади по подбрюшицу, летом – гнус, сваго носа не увидеть. Тольки и времени, что в мае, покель нечисть не повылазит; да осенью, до снегов, до Покрова! Тама, говорят, энтот Каплин ноги и познобил. А ты, часом, не знал его?

– Знал! – с грустью сказал Александр Петрович. – В Германскую кампанию вместе воевали.

– Бравый был ахвицер?

– Бравый!

– Ну дак и нет его таперь, бравого! Не уберегли!

Какое-то время они ехали в тишине, слышно было только, как шевелится мороз и посвистывают полозья саней, тех, что спереди, и тех, что сзади, и крики возниц: «Понужай!», «Понужай!»

Мишка прижал ко рту руку в вязаной варе́ге и отогревал её дыханием.

– Каво ревут «понужай»? И так нюх в нюх идём. Не околел ещё, ваше благородие?

– Нет!

– Ну ин ладно! Это я про это – инерал он и есть инерал, даром что немец, Каплин твой! А царя-то пошто не уберегли? Зачем обидели его, да так, что он аж отрёкси? Это ж каку ссору надо было сотворить в столицах, чтоб так царя досади́ть. Тышу лет он правил, а тут отрёкси! А?

Пока Александр Петрович думал, что ответить, они нагнали другие сани.

– Ты спросил меня, почему кожу́х мой не по фасону, глянь на энти сани, что сейчас обгоним...

Александр Петрович посмотрел, в санях сидела закутанная баба, а с ней пятеро или шестеро детей.

– Семеро! – сказал Мишка. – Самый младший, поскрёбыш-то, у ней на грудях замотанный. Хотя ежели по правде, то шестеро, он у ней уж помер, но не отпускает она его. Дай-ка ей рыбки вяленой, вона из энтото мешка, да только брось, в руки не давай, и в зенки прямиком не гляди, а то кидается.

Александр Петрович порылся и из зашитого суровой ниткой мешка вытащил за хвост стоячую колом вяленую рыбину. Мишка оглянулся, увидел рыбину и согласно кивнул, нукну́л лошадке, дал вожжей и поравнялся с соседними санями. На санях за спиной у бабы боком друг к другу сидели дети, один из них, по виду мальчик, смотрел прямо на Александра Петровича и держал руки, как в муфте, в отрезанном от овчинного тулупа рукаве.

«От Мишкиного кожу́ха?» – подумал Адельберг, протянул рыбину, но мальчик не пошевелился и не моргну́л, а может, в сумерках этого было не разглядеть, и по самые глаза мальчик был поверх шапки замотан толстым бабьим платком.

«Пять! – подумал Александр Петрович. – Уже, наверное, только пять».

Мальчик сидел зажатый своими братьями и сёстрами, видимая часть его лица, нос и щёки были восковые, полупрозрачные и неподвижные. Адельберг приноровился и кинул рыбину так, чтобы она упала, задев спину возницы, но та тоже не пошевелилась. Мишка громче нукну́л и снова щёлкнул кнутовищем.

– Попадья! – сказал он. – Вот только батюшку еёшнова злые люди на кресте его же церкви и распяли. И как взобрались?

– Большевики?

Мишка оглянулся и неопределённо пожал плечами:

– А хто его знает? Большевики али меньшевики. Вишь, как у них всё запроста – большой, значит, большевик, меньшой, значит, меньшевик, а средний как? Чё ли средневик?

Мишкины сани обгоняли сани попадьи, Адельберг посмотрел ей в лицо и не разобрал, жива ли она.

– ...Разе в том дело?... Медведь на колокольню не утянет, а ежели и утянет, так верёвками не привяжет и гвоздями не прибьёт. Али я не прав? Люди энто сделали! Твари Божьи. Никто не родится большевиком али меньшевиком, у него и имя-то нет, када мамка его тока-тока на свет выпростает: Мишка он али Сашка. И не всяк ещё до имени своего доживёт! А ты про верстовые столбы пытаешь! На кой ляд они ей? Ей уже всё равно, скока она проехала и куда. Она уже тамо-ка! – И он ткнул кнутовищем в небо. – Только зря рыбу перевели, дак, это ничево, ещё наловим, Байкал большой, чё даст, всё твое. Царствие ей небесное! И робятишкам еёшным! – Он порылся под полой и вытащил круглый, плотно набитый кисет.

«Забыл, наверное, что у меня просил табак!» – усмехнулся про себя Адельберг.

– На вот! Закури, что ли! Дак ведь у тебя небось и завёртки-то нет. – Он открыл кисет и вытащил аккуратно разорванные газетные листки.

Александр Петрович, душа которого стала холодеть, то ли от мороза, то ли от того, что он только что увидел, был благодарен Мишке за табак, за то, что он говорит, за то, что едет, и мало ли ещё за что?

– А у нас поп сбежал сам, к красным, к партизанам, молодой ишо совсем! – сказал Мишка. – Но удиви-и-ил, вот-те крест! Причацаит он их там, что ли? Так вот детишки наши, у меня три внучки, уж год как неучами растут, грамоте не разумеют, а энто не дело.

– Так и что? – удивился Александр Петрович, о таком он слышал впервые.

– Ну а как, што? К примеру, ты человек столичный, видать, да из егерей, а можа, и гвардёя какая, так, стало быть, надо думать, и царя-батюшку видал?

– Видел!

– Значить, образованный!

Адельберг замялся.

– Вижу, что образованный. Как жеть, быть в столицэх, да при царе, и необразованным! А, к примеру, заморскими языками владеишь?

– Какие тебя интересуют? – спросил Александр Петрович, ему стало любопытно. – Может, тебя монгольский интересуе? Граница рядом.

Мишка махнул рукой и досадливо поморщился.

– С бурятами? – По-сибирски он сделал ударение на последний слог. – Не, с энtimi я и сам, слава тебе Господи. Даром, что ли, бок о бок трёмся. Какой-нибудь позаковыристей!

– Китайский, французский, английский, немецкий! Какой?

Мишка оглянулся:

– О! Энтим, немчуры который! Скоро всем на Руси жида да немчура заправлять будут!

– Это с чего же ты взял?

– Как так с чего? – Он изумился. – В Иркутске что ни лавка, то немец. Скобяное – немец, мануфактура – немец, наряд какой дочке или внучкам купить али струмент – снова немец. Ты сам-то кто? Случаем, не немец?

– Немец! – рассмеялся Александр Петрович. – Да только матушка моя русская.

– То-то и оно! Тятка твой немец, а на русской женился, стало быть, и она немка, и не была, так стала! Вот я и говорю, коли кругом немцы, так, зная-видать, его и надобно учить. А тут и русскому – некому, коли свой поп-грамотей сбёг.

В разговорах они ехали до полной темноты. Мишка рассказал, что его жена умерла при родах и оставила дочь, а та вышла замуж и родила ему трёх внучек, погодок, младшей исполнилось шесть лет, а муж оказался хворый и в верхнеудинской больнице умер. Вот для них на «промыселдобывание» он и поехал, да ещё за городскими новостями.

Далеко впереди показались огни.

– А тебя как по батюшке кличут? – спросил Мишка и оглянулся.

– Александром Петровичем!

– Дак вот, Петрович! Глянь, воона вдаль, по леву руку! Вишь, огни?

– Вижу, а что там?

– А ты не понужай! Это Черемховские копи, угольные. Самые что ни на есть красные. Тут тракт от них боком проходит, а вёрст через тридцать дорогу-т пересекает, а дале ужо Иркутск, тожеть красный! Мне туды надоть, в городе дело есть, но там я с тобой, даже ежли ты шинелишку скинешь, не проеду. Так-то! Тама ваши третьего дни красным сильно наваляли, да не остались, ушли...

Александр Петровичу вдруг стало досадно: «Чёрт бы тебя побрал! Ехали-ехали!..»

– На другие сани тебя пересадить – не возьмут, все полнёхоньки, сам видишь. К чехам тебе надоть – красные к ним в вагоны не суются! Ты же немец, по-ихнему талдычить умеешь?

– Умею!

– Подъедем, ты и договорись. Прикинься только не ахвицером, а так, городским каким, мол, жену с робятишками догоняешь, кумекаешь? А там что Бог даст, а я тебе рыбки для них подкину, полмешка, и бекешу дам, каку получше, городскую, даром, что ли, выменял?

– Хорошо, Михаил! – сказал Александр Петрович. – Ты выручаешь меня, а я не знаю даже, смогу ли я тебя отблагодарить...

– На Бога надейся! Бог приведёт – тада и отблаговаришь!

Часа через два тракт упёрся в переезд через железную дорогу, по которой вплотную медленно катились составы. Лошадь упёрлась в чьи-то стоящие впереди сани, и Мишка съехал на обочину.

– Ну вот! Сейчас я ему овса подкину, всё одно стоять незнамо сколь, а ты прощавай, а можа, ещё и свидимся.

Мишка вытащил из-под Адельберга мешок с овсом и пошёл подвешивать.

– Иди, Петрович! Долгие проводы – лишние слёзы.

Адельберг слез с кошевы, закинул мешок с рыбой за плечо, зашагал по утоптанному тракту к переезду и вдруг услышал сзади Мишкин тихий голос, так близко, как будто бы Мишка шёл за ним и шептал прямо в ухо: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки то ль вчера, то ль позавчера расстреляли да в Ангару и скинули, прямиком под лёд, так что, Петрович, будь настороже!» Александр Петрович вздрогнул и оглянулся: справа от него стояла вереница саней, на которых сидели люди и почти не шевелились. Мишки близко не было. «Неужели послышалось?» Он постоял и двинулся дальше. «Расстреляли!» – снова услышал Адельберг Мишкин голос. «Да нет, ерунда! Как это может быть и откуда ему знать?» Он поддёргнул лямки мешка и обтопал с сапог снег.

Впереди в темноте, на фоне медленно катящихся без огней вагонов угадывалась полосатая будка и чернел дом путевого обходчика, он подошёл к будке: та была пуста, шлагбаум открыт, и он увидел, что в доме обходчика все окна и двери заколочены досками. «Мертвечина!» – мелькнуло в его голове. Он снял мешок, развязал, вытащил рыбину хвостом наружу и снова завязал в расчёте на то, что, если увидят рыбий хвост, можно будет завязать разговор и напроситься в вагон, и пошёл вдоль железнодорожного полотна.

Глава 2

Адельберг шёл рядом с медленно катившимися, наглухо закрытыми вагонами. Он думал о германской войне, когда солдаты австро-венгерской армии, чехи и словаки, в Галиции, на Юго-Западном фронте, сдавались в плен и сами выдавали русским «братьям-славянам» расположение своих частей, рассказывали о желании освободиться от австрийского императора и построить свою свободную Чехию, просились в строй... Вспомнилась их ненависть к австрийцам, немцам, а особенно к мадьярам.

«Нет! Тут Мишка дал мне неверный совет. Немцем представиться мне никак нельзя!» Он полез в нагрудный карман френча и нащупал там справку на имя тверского губернского статистика Александра Петровича Кожина: «Вот это будет лучше!»

Адельберг посмотрел вперёд и увидел, что в следующем вагоне из приоткрытой двери на снег падает и мелькает узкая полоска света, и вдруг в черноту ночи, кувыркаясь и сверкая искрой, вылетел окурок.

«Сейчас закроют, и уже будет не достучаться», – подумал он и увидел, как полоска света стала сужаться, видимо, в вагоне уже докурили и стали закрывать дверь.

Он побежал, догнал вагон, грохнул кулаком в стенку и громко закричал:

– Эй, брате, есть рыба, если «Бэхеровки» глоток нальёте, отдам полмешка!

Дверь поехала обратно, и в светлом проёме показались две головы:

– Откуда пан знает про «Бэхэровка»? Я за глоток «Бэхэровка» сам полвагона отдам!

Надо было быстро что-то соображать.

– А водки или самогона? Замёрз, уже ног под собой не чувствую!

– А откуда у пана рыба?

– На тракте на серебряный портсигар выменял. Рыба, сказали, байкальская, хорошая.

– Рыба – это, пан, добре, но краще было б, чтоб портсигар остался у пана. – И дверь снова поехала.

– Пóстойте, брате, пустите хотя бы отогреться, я вашим братám много в Галиции помогал.

– Когда, пан?

– В июле шестнадцатого и позже тоже. – Адельберг старался говорить быстро, при этом он так же быстро шёл и уже начал задыхаться.

– А где?

– В Галиче, Станиславе, Надворне!..

– И что пан там делал?

В этот момент вагоны загремели, задрожали и резко остановились. Раздвижная, на роликах, тяжёлая дверь дрогнула и покатила, полностью открыв проём: на пороге стояли двое мужчин в белом исподнем, в австрийских каскетках и в валенках.

– Пан, прыгай и мешок не потеряй!

Адельберг взялся за порог вагона и почувствовал, как руки сверху ухватили его за плечи бекеш и мешок, и испугался.

«Сейчас сорвут с меня всё и вытолкают вон!»

– Не бойся, пан, нам ни рыба, ни шуба твоя не нужно, прыгай швидче! Мороз!

Адельберг сильно оттолкнулся от земли и закатился на деревянный пол теплушки, передохнув, сел, поправил на коленях полы бекеш, поддёрнул верёвочные лямки мешка и поднял глаза.

«Пусть делают что хотят! Не уйду!»

– Как пана по имени?

Над ним стояли двое рослых мужчин и глядели в упор.

Адельберг набрался духу и громко выпалил:

– Кожин Александр Петрович! Начальник штаба 1-й Заамурской бригады Юго-Западного фронта, подполковник. На статской службе...

– Пану не надо так кричать! – сказал один из них. – Пусть пан встанет и... – И он показал на роскошное ампирное, обитое розовым шёлком, с подлокотниками кресло, которое стояло рядом с дверью, – сядет тут! Вон здесь! – И подал руку.

Адельберг встал:

– Мне неудобно, чистое кресло, а я в санях сидел...

– Это ничего, пан Божин, запачкаем, выкинем, у нас ёщё есть!

Адельберг огляделся, он слышал, что чехи везут с собой много всякого добра, но в этом вагоне!..

– Садитесь, пан Божин! Вацлав, ты слышал, какая у пана фамилия, Божин! Какая красивая фамилия! Это от слова «Бог»?

Адельберг понял, что оказался обязанным ошибке их слуха, и решил – раз Божин, значит, Божин.

– Да, брате!

– А как пан Александр оказался в этот медведь-угол?

– Пробиваюсь к своим.

Чех насторожился:

– К своим, в бригада?

– Нет, к своим – это к семье.

– А где у пана семья?

– Семья у меня в Верхнеу́динске, год назад я отправил их из Москвы, у моей жены отец – верхнеудинский рыбопромышленник.

– Тут рыба, там рыба, пан так любит рыба?

Первый чех с хитрецей подмигнул второму, которого назвал Вацлавом.

Адельберг тоже улыбнулся:

– Здесь всё держится на рыбе. Да на золоте.

Чехи переглянулись.

– Так, может, у пана Александра есть тут родственник золото... как это... промышленник?

Адельберг понял, что сказал лишнее, в это время оба чеха, Вацлав, который был помоложе, и второй, имени которого Адельберг ещё не знал, подошли к нему вплотную. Стоя рядом с креслом, недалеко от двери, он прикинул, кого бить первым и как быстрее оказаться у дверного проёма, но в этот момент вагон снова сильно дёрнуло, и чехи почти повалились на него. У двери стволами к стене стояли два бельгийских пятизарядных маузера с примкнутыми штыками, до них можно было дотянуться, но от толчка они тоже повалились. Адельберг воспользовался замешательством и быстро вынул из мешка торчавшую рыбину.

– Золотом мои родственники не промышляли, а рыба – вот она.

Чехи, ещё пошатываясь после толчка и держась друг за друга, неловко улыбнулись и представились:

– Ефрейтор дру́гий драгунский полк Войтех Лебе́да.

– Рядовой саперный команда пятый пехотный полк Вацлав Ко́ллар.

Адельберг подал им руку:

– Та война закончилась, брате, сейчас другая война, и мы все – просто солдаты! Были!

– а́но, пан подполковник, а́но! Были! – И они закивали.

– Так, может, разделите трапезу с солдатом?

– Можно, пан Александр!

Войтех и Вацлав пододвинули к креслу ломберный столик орехового дерева и рядом поставили ампи́рные стулья, обитые таким же розовым шёлком.

«А гарнитур, видимо, из одного имения или, по крайней мере, от одного мастера!» – подумал Адельберг.

– Пан Александр – добрый пан, за рыба спасибо, но мы его угостим из наших запасов. – И чехи стали протискиваться в глубь теплушки, между тесно поставленными ящиками, свёртками, мешками и мебелью.

В вагоне было тепло, Адельберг снял бекешу, накинул на спинку кресла и с ужасом заметил, что на его френче остались полковничьи погоны, но чехи были заняты и на него не смотрели, он их быстро отстегнул и сунул в карман.

Теперь он мог оглядеться.

Вагон-теплушка освещался двумя керосиновыми лампами, висевшими на противоположной от двери стене. Они горели ярко, достаточно, чтобы можно было разглядеть, что в углах вагона диаметрально друг к другу расположились два накрытых плотными холстинами рояля, под ними стояли снарядные ящики; рядом с роялями вплотную к стенам были того же орехового дерева, как и ломберный столик, застеленные шёлковыми одеялами кровати с шёлковыми же подушками; друг на друге ножками вверх нагромодились стулья; на роялях, в некотором порядке красовались бронзовые и мраморные настольные лампы, каминные часы и много других дорогих безделиц, которым или не хватило места в снарядных ящиках, или они были поставлены на виду, как в городской гостиной, чтобы радовать глаз своим новым хозяевам.

Вацлав и Войтех порылись в больших плетёных бельевых корзинах и вытащили несколько свёртков, каждый – свой. Через несколько минут столик был накрыт английскими мясными консервами, головкой сыра и чем-то ещё в промасленной газете, пока не развёрнутой, но от чего хорошо пахло копчёным мясом или колбасой. Поставив всё это так, что уже не хватало места, Войтех и Вацлав снова отправились к своим корзинам и вынули, приятно звякнув, высокие хрустальные гранёные стаканы и серебряные приборы в наборе, потом Войтех спросил Вацлава:

– Сегодня чей очерёд?

Вацлав сказал:

– Мбоя! – и вытащил четверть, заткнутую настоящей пробкой.

– Это, пан Александр, конечно, не «Бэхэровка», но пить можно!

Всё это они делали медленно, размеренными, уверенными движениями людей, давно обживших своё жилище на колёсах. В четверти была прозрачная жидкость желтоватого оттенка, и на поверхности плавали оранжевые ягоды.

– Мы, пан Александр, дома это не пьём. Это чистый спирт, с ромашкой...

– Морошкой, наверное, – предположил Адельберг.

– Ано, пан Александр, – то есть правда! С морошкой. Нас тут научили!

– А правильно разводить научили? Чистый спирт!

– Думаю, что научили, но, може, пан умеет это делать краще?

– А вода есть?

– Конечно! Мы растаем снег, – сказал Войтех и указал на стоявшую на кирпичках, закреплённую в центре теплушки буржуйку.

«Как всё домовито! – невольно подумал Адельберг. – Всё есть и всё на своих местах!»

– Но вода должна быть холодной!

– Ано, пан Александр, ано, есть и холодный вода.

– Ну, тогда будем делать гидратацию спирта.

Адельберг взял пустой стакан, Войтех вынул из четверти пробку и передал бутыл, Адельберг налил немного спирта, долил столько же воды и плотно накрыл стакан ладонью.

– Что-то будет, пан Александр?

– Чистый спирт сжёт, – он поискал подходящее слово, – убил ягоду, которую вы бросили. Чехи переглянулись.

– Сейчас вода её немного разбудит, и у нас получится что-то вроде ягодной настойки. А ладонью я накрыл для того, чтобы быстрее прошла температурная реакция. – Он поднял стакан и дал потрогать его Вацлаву.

– Ано, пан, правда, стакан тёплый. И так надо делать каждый раз?

Адельберг улыбнулся:

– Если есть пустая бутылка, можно развести сразу целую и на небольшое время оставить её на морозе.

– Пан химик?

– Нет, но на фронте чему не научишься. У меня был вольноопределяющийся, учитель химии, он научил. Теперь можно разливать.

Войтех развернул газету, там действительно оказалось копчёное мясо, поднял с пола винтовку, отстегнул штык и открыл банку с консервами.

– Я люблю, когда человек умеет делать что-то своими руками, я делаю мебель, а Вацлав работал на типография. – Он посмотрел на своего товарища: – Вацлав, давай выпьем за такое приятное и неожиданное знакомство с паном Александром Божин, и за его жену пани Божинуву, и его дети. У пана есть дети?

– Да, сын!

– На́здар! За ваша семья и за ваш сын!

Они подняли стаканы, чокнулись, потом вдохнули полные лёгкие воздуха, зажали пальцами носы, выпили и шумно выдохнули.

– Это уже не спирт, это водка, настойка, – с улыбкой сказал Адельберг и выпил свой стакан без предосторожностей.

Чехи задумчиво глядели на свои пустые стаканы и чмокали губами.

– Отлично! Водка! Правда, водка, и приятно пахнет ромашкой!

– Морошкой, – с улыбкой поправил Адельберг.

В это время впереди по ходу поезда раздалась ружейная и пулемётная стрельба; чехи переглянулись, Адельберг переломил пополам галету, хрустнул ею и сказал:

– Трёхлинейка и «гочкис», наверное, впереди Черемховские копи...

– У нас информация, пан Александр, в том посёлке много красный рабочий, а дальше Иркутск, – сказал Войтех; чехи утёрли ладонями губы и стали выбирать, чем закусить.

В теплушке было покойно и тепло, поезд шёл медленно и ровно, без толчков; случайная стрельба, которая иногда звучала извне, им, людям, прошедшим войну, была привычна. Адельберг успел присмотреться к Войтеху и Вацлаву; видя, как они мирно выпили и закусывают, он вдруг ощутил сильное желание спросить про Колчака, про обстановку вообще и про всё, что он пропустил, пока плёлся со своим эшелоном в хвосте событий и сидел в каталажке, но что-то его удерживало. Он подавил в себе это желание и, только чтобы поддержать разговор, задал вопрос:

– Разве у вас с красными нет договорённости?

– Как нет? Конечно есть! Но иногда они хотят нас немного грабить! Им не хватает огнеприпасов...

– Снаряд и патроны... – пояснил Вацлав.

– ...чтобы окончательно разбить вашу белую армию, – продолжал Войтех.

– У них на восток нет армии, есть только рабочие отряды и партизаны, – снова пояснил Вацлав.

– ...Потому между нами вла́ки есть бронепоезд на безопасность.

– А большевики проверяют ваши вагоны?

– Попытка делают, но мы не позволим!

– А если силой?

– У нас тоже есть сила! Пан опасается?

– Я хочу найти семью и не хочу, чтобы этому что-то помешало.

– Пусть пан Александр ничего не опасается, пан наш гость, и мы его в обиду не дадим. Но у пана Александра нет другой вопрос? Пан не хочет знать про Колчак?

Вопрос был неожиданный, буквально минуту назад он сам хотел его задать; он хотел ответить «Хочу!», но только кивнул.

– Колчак арестовали большевики, он сейчас в Иркутск, а генерал Каппель умер от... – Войтех постучал себя кулаком по груди, – инфлюэнца и... – и показал на свои ноги около ступней, – мороз ноги!

Адельберг посмотрел на Войтеха, потом на Вацлава, тот согласно кивнул и тоже провёл по воздуху около своих ног ниже колен ребром ладони. Адельберг перестал жевать.

«Господи, неужели же это был... я слышал... голос Мишки? Но он сказал, что Колчака расстреляли! – пронеслось у него. – А как же?...» Он хотел спросить Войтеха, но тот его перебил:

– Мы ничёго дру́гой не знаем, мы простой воя́ку! Но... – Войтех горько усмехнулся, – Россия велика страна, и у неё есть ещё много храбрых генералов. Пусть пан делает ещё одну гидру... спирт, мы вспомним ваших генералов! Потому что они были и есть – поэтому мы сейчас едем домой!

Адельберг не заметил, как Вацлав подоткнул ему под край тарелки пачку сигарет, но почувствовал запах табака; Вацлав забрал пачку и снова подоткнул уже открытой. Адельберг закурил и стал разводить спирт, чехи смотрели на него, когда всё было готово, они взяли стаканы и не чокаясь выпили. Пока закусывали, тоже молчали и что-то подкладывали в тарелку Адельбергу, он этого почти не замечал, ломал пальцами галету, потом вздрогнул, выпил и обвёл взглядом обоих. У него внутри что-то всколыхнулось, он продолжал грызть галету и вдруг спросил:

– А почему вы не с красными, вы ведь тоже рабочие?

Войтех с Вацлавом переглянулись, Войтех взял бутылку и налил всем по половине стакана:

– Потому что у них сво́я революция. Ру́сские па́нство ничего нам не сделало пло́хо, а со своим панством мы едем разбираться.

– Вы тоже будете делать революцию? – спросил Адельберг.

– Нет! Германская империя и Австрийская империя те́рпили поражение, и мы будем делать новую, свободную Чехию. Так нам говорит наш Национальный комитет. С красными много венгры, мадьяр, нам с ними не по пути.

Войтех сказал это медленно, тихо, без интонаций и чокнулся с Вацлавом.

«Наверное, я веду себя неосторожно!» – подумал Адельберг, но всё же спросил:

– А вы думаете, вам удастся это сделать без революции?

– У пана Александра больная душа! – Войтех посмотрел на своего товарища, и Вацлав ответил ему таким же взглядом:

– Мы видим, что в России происходит! Как много нарушений!

– Разрушений! – поправил Адельберг.

– а́но, пан Александр, а́но, разрушений! – Войтех говорил медленно и иногда помогал себе такими же медленными жестами. – Но наша страна очень маленькая и очень красивая, и мы так не хотим. Каждая страна должен быть свой хозяин. Пусть пан делает ещё один гидра... – он посмотрел на Адельберга, – революция.

– Гидратация! – Адельберг почувствовал, как напряжение стало спадать: «В самом деле, чего я к ним? Они простые «вояку», надо сказать им спасибо за то, что они пустили меня, да ещё и кормят, и угощают, и рассказывают что-то!»

Он налил воды, накрыл стакан ладонью и почувствовал, как её всасывает внутрь.

– Русские народ – хороший народ, славяне, братья, – сказал Войтех, он вёл себя в теплушке как старший, по-хозяйски, но с уважением, и Вацлав, который был моложе Войтеха, с достоинством ему подчинялся. – Отличная гидратация! Я догадался, чем пан занимался на фронте, – сказал Войтех, обращаясь к Вацлаву. – Пан Александр делал сортировка из нас, военнопленных. Поэтому, Вацлав, мы сейчас живые и отступаем домой. Поэтому пану Божину – на́здар!

– Если так будем отступать, летом будем дома! – сказал молчавший до тех пор Вацлав, и оба засмеялись.

– Благодарю вас! – сказал Адельберг, он вдруг почувствовал голод, и его рука потянулась к большому куску толсто нарезанной копчёной говядины.

– Пану надо много покушать. – Войтех встал со стула, достал из своей корзины красивую, с перламутром десертную тарелку и вывалил в неё из банки тушёнку. – Отлично! Выпьем эту рюмку за нашего «Бэхэровка».

Вдруг Адельберг оторвался от еды, он не поверил своим ушам, когда откуда-то до него донёлся женский смех, он посмотрел на чехов и понял, что с ума он не сошёл.

– У нас весёлые молодые соседи...

– И соседки, – сказал Вацлав, и оба снова рассмеялись.

Поезд катился медленно, ускорялся, притормаживал, останавливался. Во время одной из таких остановок за дверями, сначала издалека, а потом ближе, слышались голоса, они приближались, уже можно было различить слова, и вдруг в деревянную стенку чем-то ударили, как понял Адельберг, прикладом винтовки.

– Знов проверка, – сказал Войтех, – сейчас начнут кричать.

И правда, из-за двери быстрой скороговоркой что-то закричали по-чешски, Адельберг разобрал только одно слово «Пбзор!», он знал, что по-чешски это означает «Внимание», и посмотрел на своих соседей.

– Пан Александр можно не беспокоиться, пан – гость.

«Гость! – подумал он. – И ведь правда гость, напрасно я на них вспылал».

Вацлав встал, взял маузер, загнал патрон, в это время Войтех с револьвером немного приоткрыл дверь, несколько рук с той стороны ухватились за край и сильно потянули её, двое в австрийских шинелях с погонами на плечах и в меховых шапках мигом заскочили в вагон.

Чехи опустили оружие.

– Свои, – сказал Войтех.

Вошедшие офицеры быстро заговорили, Войтех налил им спирту, но они отказались. Из их речи Адельберг смог разобрать несколько слов: «Колчак», «чрвэны», «позор», «большевик», «Иркутск». На него они не обратили внимания, и только перед тем, как спрыгнуть, один из них, старший, показал в его сторону пальцем и сказал: «Иркутск». Через четыре или пять минут в теплушке снова остались только они трое, как будто никто не заходил, только удалялись вдоль вагонов голоса и всё глуше слышались удары прикладом в стенки вагонов. Однако после появления чешских офицеров настроение изменилось: Войтех, Вацлав и Адельберг выпили чистого спирту, и Войтех предложил: «На покой».

– Пан устал, и мы пана будем ложить спать!

Александру Петровичу была предложена раскладная походная кровать, пара чистого шёлкового белья: «Чтобы вошки не было!», потом Войтех добавил: «Отлично!» – и все улеглись.

«Как там Мишка?» – почему-то подумалось Адельбергу, и сразу представилась холодная, до костей, темень, накрывшая всё на многие сотни и тысячи вёрст вокруг.

Ему показалось, что он сразу заснул, а когда проснулся, понял, что это был не сон, а провал, на короткое время, потому что чехи ещё переговаривались, потягивались и зевали. В теплушке было душно, хотелось приоткрыть дверь, но сделать этого было нельзя, хозяева теплушки ехали так каждую ночь и, скорее всего, уже привыкли спать в духоте.

«Вот тут у них непорядок – в тепле должны быть ноги, а голова – в холоде!»

Через короткое время из переднего угла вагона стал доноситься храп, это был Войтех. Он храпел мощно, перемежая густые басы подсвистом и губным хлюпаньем, так храпят русские,

когда упыются прямо за столом и там же и заснут, отвалившись на спинку стула или съехав на бок в глубоком кресле.

«Ну, теперь до утра!»

Вагоны трясло, они то ехали, то стояли. На остановках за стенкой были слышны шаги пробегающих людей, выкрики, по-русски и по-чешски, иногда отдалённо грохали винтовочные выстрелы и короткие пулемётные очереди.

«А вот этот из берданки!»

Адельберг снова вспомнил про Мишку.

«Интересно, а на какой бы он оказался стороне? – подумал он и тут же готов был хлопнуть себя по лбу. – Вот так, Александр Петрович! Ты уже совсем перестал соображать! На какой бы он оказался стороне? Ни на какой! Он на своей стороне!»

В заднем углу вагона послышался сдавленный кашель.

«Вацлав, что ли, не спит?»

Вагоны, до этого только лениво толкавшиеся, вдруг зацепились друг за друга, от головы к хвосту пулемётной очередью прозвенели сцепками, сначала приближаясь, а потом удаляясь; состав как струна натянулся и начал медленно набирать скорость. Адельберг почувствовал, как по теплушке повеяло прохладой, он подобрал откиннутое одеяло, тело перестало ощущать липкую мерзость духоты, и шум колёс начал заглушать храп Войтеха. Захотелось повернуться на бок и уже ни о чём не думать, но тут в голову снова пришла мысль о Мишке, она ещё не успела развиться, как в углу, где был Вацлав, снова раздался кашель. Адельберг услышал, как тот сел на кровати, ударил себя кулаком в грудь и попытался глубоко вдохнуть, вместо этого получилось сипение, и снова послышался надсадный кашель. Адельберг встал и в полной темноте начал пробираться между ящиками. Вацлав, в светлом исподнем, на фоне белого постельного белья, выделялся в темноте, он сидел с опущенными на пол босыми ногами и обеими руками разрывал на груди рубашку.

«Что это – тиф или инфлюэнца? – с ужасом подумал Адельберг. – Надо будить Войтеха!»

Он обернулся, но тот уже сам пробирался к Вацлаву, и Александр Петрович услышал, как спички чиркают о коробок. Наконец зажёгся слабый свет, это Войтех добрался до лампы на стене. Вацлав сидел, держал обеими руками разорванные края рубахи и смотрел в одну точку немигающими мутными глазами.

– Так уже было?

– Нет! Я не знаю. Надо звать врач!

Глава 3

Мишка, как только «их благородие» соскочил с кошевы, подвесил лошади мешок с овсом и хотел сказать своему попутчику о том, что слышал новость, но не знает, насколько она верна, что адмирала Колчака расстреляли. Однако он только увидел на фоне белого снега удаляющуюся быстрыми шагами фигуру в чёрной бекеше и махнул рукой: «Сам дознается и будет настороже. Не дитя малое».

Уже несколько часов обоз стоял, упёршись в железнодорожный переезд. Мишка было попытался заснуть, пристраиваясь и так и так, но сон не шёл. Тогда он подумал, что есть время переложить поклажу, и стал развязывать ближний мешок с рыбой, и в стоячем морозном воздухе здорово пахнуло копчёным.

«Надо завязать, нечего народ дразнить!» – подумал он и почувствовал, что кто-то ухватил и сильно потянул его за плечо.

– Где разжился, дядечка? – Голос сзади был хриплый и густо пропитанный махоркой.

Мишка успел зацепиться левой рукой за борт кошевы, правой выхватил уложенную глубоко берданку и не оглядываясь двинул прикладом назад. Голос сдавленно охнул, рука отпу-

стила плечо, но тут Мишка почувствовал сильный удар в поясницу и повалился в кошеву. Падая, он развернулся и не целясь выстрелил в стоявшую за спиной фигуру.

Нападавших оказалось двое, оба лежали на снегу, один пытался разогнуться и отползал от Мишкиных саней, другой корчился на месте, заряд попал ему ниже подбородка, и человек, хрипя, но молча, отплёвывался большими чёрными брызгами.

«Ща порвут!» – подумал Мишка, однако в стоявших рядом санях никто не пошевелился. В это время эшелон, перегородивший переезд, дёрнулся и, тихо набирая скорость, пошёл в сторону Иркутска, потом, вплотную к первому, прошёл ещё один и ещё, потом переезд на несколько минут освободился, и со стороны железной дороги, откуда-то издалека, от Черемховских копей, донеслось несколько винтовочных выстрелов и пулемётная очередь.

Обоз зашевелился и тронулся, сани перемешались на дороге, все спешили вперёд. Так же неожиданно, как пошли составы, началась метель, Мишка вскочил в сани и сильно ударил вожжами. Напавшие на него – один отполз, другой затих и так и остался на обочине, но Мишка в их сторону больше не смотрел.

Глава 4

Состав шёл быстро. Адельберг понял, что уже вот-вот Иркутск; было также понятно и то, что оставаться с легионерами больше нельзя, так сказали проверявшие состав офицеры. В свете керосинки Войтех тёр полотенцем грудь своего товарища, остро пахло укусом.

– Войтех, спасибо вам за всё, но от меня пользы не будет, поэтому дальше я постараюсь добираться сам.

Поезд стал замедлять ход.

– Ано, пан Кожин! То есть правда ваши слова! Я не желал вас огорчить, но ваш Колчак расстреляли. – Войтех сказал это, не переставая тереть грудь Вацлава. – Вперёд через четыре вагона есть санитарный вагон, если мы будем стоять, скажите, что нужен врач.

Адельберг, уже одетый, с закинутым за плечо мешком, успел немного откатить дверь, в слабой полоске света он не увидел ни шпал, ни земли, мимо горизонтально летел снег и норювил залететь в вагон; он задержался на секунду и хотел переспросить, правда ли, что Колчака... но услышал злой голос Войтеха:

– Закрывайте дверь, скорее прыгайте, пан полковник Кожин!

Он спрыгнул.

Земля оказалась близко. Адельберг коснулся её ногами и покатылся, стараясь удержать на плече мешок; через секунду он осмотрелся и удивился, что не ударился и ничего себе не сломал. Он встал и почувствовал, как уплотнённый снегом ветер подхватил его со спины и начал толкать вперёд в том же направлении, куда двигался начавший набирать скорость состав.

Он шёл уже час и думал, почему Войтех, который, как оказалось, правильно расслышал его фамилию и разглядел погоны, называл его не Кожин, а Божин: «Наверное, за полгода пути они успели надоесть друг другу, и им захотелось обновить компанию!» – это был единственный ответ, который пришёл ему в голову.

Идти было тяжело. Сильная метель меняла направление и дула то в спину, то подхватывалась откуда-то сбоку, то хлестала по лицу и не давала открыть глаза. Мимо, разогнавшись, мчались почти без промежутков состав за составом, и он с сожалением думал о том, что не смог догнать четвёртый вагон и сообщить врачам о заболевшем Вацлаве.

Изредка освещаемый летящим светом вагонных фонарей, он шёл, с трудом переставляя ноги, улучив момент, когда между эшелонами появился просвет, перешёл на другую сторону, пытаясь под прикрытием вагонов проскочить городской вокзал, и оказался на окраине какого-то посёлка, потом снова перешёл на эту сторону, пустынную, незастроенную и поэтому, как

ему казалось, более безопасную. Снег, уже не важно, с какой стороны, летел, слепил глаза, лез за воротник, набивался в шерсть отворотов бекешки, соприкасался с кожей и противно таял; мороз, по ощущениям, стоял под тридцать, но Адельберг шёл уже долго, разогрелся, был сыт и старался не обращать внимания на эти мелкие неудобства. В его голове сидела мысль о том, что после того злополучного случая на станции Тайга, когда ему поручили сопровождать вагон с золотом, всё пошло не так; это «всё» и предопределило: и то, что он сейчас один, и эту непроглядную метель, и ещё чёрт знает что, и эти новости, которые он услышал сначала от Мишки, а потом в вагоне от чехов. Под сапогами скрипел снег, а под снегом гравий насыпи; стуча на рельсовых стыках, рядом шли эшелоны, звуки, рождаемые окружающим миром, попадали в ритм с подвывающим из-под колёс ветром и ритмом его шагов, и от этого в голове пульсировало: «Колчака расстреляли! Колчака расстреляли! Каппель умер! Каппель умер! Да здравствует Каппель! Господи, что я несу, какой-то бред! Но Каппель действительно умер, а Колчака расстреляли, если верить... Мишке... и чехам! А как не верить? Идиотизм... И его так много... Только ты не успеваешь об этом подумать!» Полтора месяца назад или около того, когда проходили Новониколаевск, на здании вокзала и в городе на стенах домов он увидел расклеенные плакаты с приказом главнокомандующего белыми войсками генерала Сахарова о «героическом поступке» генерала Войцеховского, застрелившего за неисполнение приказа генерала Гривина. Текст приказа главкома и без того был разослан телеграфом по всем штабам, но зачем было вывешивать его в городе и забивать этим головы тех, кто и так не знал, куда деваться: оставаться под нож красных или лезть под пулю белых. «Вот это действительно идиотизм!» Потом самого Сахарова отдали под суд за «идиотскую», любимое словечко в войсках, сдачу Омска, набитого продуктами, тёплой одеждой, военным снаряжением и всем тем, чего стало так не хватать...

Ветер, видимо соединив свои усилия с набравшими скорость вагонами, так сильно толкнул его в спину, что он чуть не упал и вовремя отдернул руку, которая по привычке потянулась к вагонам ухватиться за что-то прочное; он припал на колено и упёрся руками в чёрные, под тонким слоем сметаемого снега, камни гравия железнодорожной насыпи.

«Чёрт побери!» – он сбился с мысли.

А Омск, несмотря на наступающих красных, до середины ноября жил спокойной жизнью, уверенный в том, что его никогда не сдадут. Волноваться начали только тогда, когда канонада была уже слышна, а Иртыш ещё не встал. И надо же было случиться такому чуду, что река замёрзла за одну ночь, за момент до того, когда думать об отступлении было бы поздно. Отправляя штабной состав на восток, Адельберг проезжал мимо начавшихся переправ по ещё опасливому льду и почувствовал болезненную жалость к тем, кто оказался в этой ситуации вот так – вдруг. А теперь чехи, молодцы, правильно сделали, что воспользовались моментом и заняли всю железную дорогу до самого Владивостока. Белое Омское правительство борется за власть с белым Самарским правительством, хотя надо вместе бороться против большевиков! Три армии возглавляют трое главнокомандующих, хотя нужен один! Владимир Оскарович Каппель рекомендует Александру Васильевичу Колчаку не отделяться от своих войск, а Колчак отвечает на это, что, мол, «не стоит беспокоиться, голубчик, меня изрядно охраняют союзники!»

«Вот тебе и союзники, прав был Мишка, он только слова, наверное, этого не знает – «идиотизм»!»

Мысли, отгороженные от внешнего мира плотной метелью, пульсировали в голове в такт шагам, он даже не заметил, как пересёк по льду какую-то речку, какой-то приток Ангары, только услышал, как замороженные железные колёса над его головой прогрохотали по замороженному железному мосту. Поднявшись на невысокий берег, он краем глаза вдруг увидел сквозь метель слева огни – ошибиться было трудно: «Иркутск! Неужели!»

Внезапно возникший город отвлек: «Почему только сейчас? Он должен был остаться у меня позади!»

Он прошагал ещё сколько-то вперёд – вроде всё правильно: справа железная дорога, слева берег Ангары, а дальше другой её берег, городской, но он должен был остаться за спиной.

«Неужели я ещё не миновал вокзал? Тогда беда!»

Адельберг остановился и попытался понять, где он находится; он повернул назад и вышел на берег притока, через который только что перешёл, и понял, что это был не просто приток, а Иркут, который впадал в Ангару ниже по течению; и сейчас он стоит, наверное, в самом опасном месте, где только мог оказаться, – впереди вокзал, где наверняка на каждом углу – красные караулы, значит, вперёд нельзя.

Он стоял.

«Как они будут отрываться от красных? Как пойдут? По тракту или вдоль железной дороги, напрямиком на Байкал? А как же ещё? – И он решил: – Надо перейти Ангару и выйти на юго-восточную окраину города!»

Александр Петрович почувствовал усталость, он догнал и уцепился за поручни никем не охраняемой площадки проходившего мимо тёмного, казавшегося мёртвым вагона; он увидел, что метель шла низом, огни города становились ближе, он постоял на летящей площадке несколько минут и соскочил.

Ангара оказалась неожиданно узкой. Адельберг быстро её пересёк и начал подниматься на городской берег, заросший чёрными, оголёнными ветром кустами. По правую руку сквозь плотные заряды снега он разглядел вмёрзшую в лёд пристань.

«Рыбная, что ли?» – Он решил проверить догадку и подошёл. Это оказалась действительно городская Рыбная пристань, он её узнал, значит, он отвернул от железной дороги всё же слишком рано.

«Может, удастся пройти через город? На льду я буду слишком заметен!»

Он по льду миновал пристань, поднялся на берег и оказался у дровяных складов, на которые из города выходила улица.

«Как же её? Дегтярная? Нет, не Дегтярная! – вертелось в голове. – Дёгтевская!» – вспомнил он.

Впервые он оказался в Иркутске в конце девятьсот четвёртого года, когда ехал в Харбин в Маньчжурскую армию на японскую кампанию, потом бывал здесь много раз.

Он пошёл по улице вдоль чёрных деревянных заборов и сразу наткнулся на намороженную поперёк ледяную стенку, за ней саженей через пятнадцать угадывалась следующая, точно такая же, во всю ширину улицы и высотой в человеческий рост. Одна примыкала своим правым плечом вплотную к заборам и оставляла узкий проход слева, следующая примыкала к заборам своим левым плечом и оставляла узкий проход справа.

«Наморозили баррикады! Изобретательные!»

Он прошёл совсем немного и вдруг услышал крик: «Стой! Стрелять буду!»

Со стороны города доносились приглушаемые метелью выстрелы.

– Стой, сволочь, стрелять буду!!! – донеслось до него совсем близко.

«Нет, через город не пройти!» На его спасение метель навалилась густо, справа он разглядел проход между заборами и какие-то закоулки, он свернул и по задам снова вышел на берег Ангары.

«Хлопнут ни за понюх табака! И Адельберг будет убит!»

Дальше по дороге вдоль берега он пошёл на юг, его никто не окликал, прибрежные кусты и метель прикрывали его. Пробиваясь через бледную летящую выюгу, впереди, совсем недалеко, он вдруг увидел что-то высокое, в несколько человеческих ростов, большое, остроконечное и чёрное; он подошёл ближе. «Памятник Александру Третьему!» – узнал Адельберг и

вспомнил, как он стоял на Никольской улице со всем своим кадетским корпусом и провожал похоронную процессию – в Москву для отпевания перевезли останки царя. Тогда за огромным катафалком шли военные, духовные и светские в чёрном трауре и золоте: султаны, плюмажи; жара, колокольный звон, единым низким дыханием накрывший всю Москву. И падающие в обморок, которых уносили полицейские.

«Не дожили вы, ваше величество! И слава Богу!»

Дорога поворачивала налево в город, Александр Петрович спустился к реке, в снежных заметях он разминулся с памятником, как будто бы император сам прошагал мимо, и увидел впереди чернеющее во льду пятно прямоугольной формы: «Полынья или прорубь? Если полынья – придётся обходить!» – но, судя по ровным краям и отвалам ледяных глыб, это была прорубь.

«Нашли время рыбу ловить! – почему-то подумал он. – Рыбу! Рыба! – застряла мысль. – Однако всё правильно, наверняка в городе нечего есть! Что за власть, куда ни пришла, везде голод и холод!» Так было в Питере, в Москве и везде, где он был, где красные взяли власть.

Он обошёл прорубь и пошёл дальше. «Рыба, рыба! Прорубь, прорубь!» – отстукивало в мозгу; он отошёл шагов двадцать или больше, и вдруг как будто кто-то ухватил его за воротник и резко остановил.

«Рыба! Какая к чёрту рыба? Колчака расстреляли и сбросили в прорубь, в Ангару!» – вспомнил он слова Мишки, и тут же сказанное всплыло в памяти дословно: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки толь вчера, толь позавчера расстреляли да в Ангару скинули, прямиком под лёд...»

Адельберг выругался и побежал обратно, его ноги скользили, он несколько раз падал, поднимался и снова падал. От берега прорубь находилась в десятке или чуть более саженей, у её обращенного к берегу края, под свеженаметённым снегом ещё угадывались следы ног. Адельберг забыл про занятый красными Иркутск и смотрел на следы. Он умел их читать, научился у своих егерей; по ним, уже еле видимым, рядом, чтобы не затоптать, он прошёл от проруби до берега и вернулся. Что-то определить было уже трудно, но он всё же различил след каблука. След был отчётливо вдавлен, и снег из него выдувала метель; носок сапога был обращён к берегу, а каблук отпечатался на самой кромке проруби.

«Спиной к проруби рыбу не ловят! Неужели здесь? – Теперь, как ему показалось, всё стало понятно. – Неужели судьба водила меня, водила и привела именно сюда?»

Он сел на торчащую ледяную глыбину и в голос завыл. А может быть, это не он завыл, а метель как-то по-особенному отражалась переливным протяжным звуком от мертвенного льда Ангары. Какое-то время он сидел неподвижно и по-крестьянски вытирал рукавом вонючей бекешки мокрое от слёз, или не от слёз, а от таявшего снега, лицо.

Силы, которые были в нём всю ночь, пока он двигался к цели, начали оставлять, он остро почувствовал голод, но не дербанить же Мишкину рыбу прямо тут. Адельберг зачерпнул снег и тут же с отвращением выкинул: убийцы топтались здесь, на этом снегу...

Александр Петрович тяжело встал, ноги были ватные и вялые, и он понимал, что если сейчас сядет, то встать ещё раз сил может уже не хватить.

Метель, смазывая подсвеченную восходящим солнцем кромку горизонта, стихала и уходила на юго-восток к Байкалу. Он с трудом добрался под бекешей до луковицы хронометра на толстой золотой цепочке, холодными пальцами нажал заводную головку и открыл крышку – было семь часов пятьдесят минут. Адельберг огляделся и увидел, что находится на окраине города; ещё несколько вёрст, и он выйдет на зимник, который выведет его к Байкалу. И вдруг снова закипела мысль: «Почему я один, почему не со всеми? Умер Володя Каппель, убит Колчак, но живы же Войцеховский, треклятый Сахаров, Вержбицкий, Молчанов. Почему я не с ними?» Он пнул каблуком глыбину, на которой сидел, та неожиданно легко оторвалась, пере-

скочила через край, ударилась о тонкий чёрный ледок, пробила и закачалась на воде. Не думая, Адельберг зачерпнул воды и умыл лицо.

«Вперёд!»

На берег, между дровяным складом и памятником ненавистному царю Александру Третьему, вышли трое мужчин с красными повязками на рукавах.

Первый остановился на спуске, потопал подшитыми валенками, утрамбовывая снег и мелкие осколки льда, и посмотрел на юго-восток вдоль берега Ангары:

– О, товарищи, глянь-ка, кто-то на льду телепается! Рыбачок, што ли?

– Щас глянем, что это за рыбачок, – сказал другой, он поравнялся с первым и снял с плеча кавалерийский карабин.

– Не, милай, коротковат будет твой винторез, дай-ка я со своей старушенции попробую, – сказал третий, шедший последним, верзила в чёрной казачьей папахе, и потянул с плеча трёхлинейку.

– Стоя, с колена... али брюхо морозить будешь? – спросил хозяин карабина и сдвинул на затылок серую солдатскую папаху.

– Пуцай пластуны брюхи морозят, стоя тоже не с руки, вона какá позёмка вётрит. Я с колена попробую! – ответил верзила.

– А можа, не стоит, можа, рыбачок, а, товарищи? – снова спросил первый.

– Тоже мне рыбачок! Ты бы, Серёга, помолчал, это небось сам Каппель Колчака ловит на крючок! Смотри-ка, вот... и смекай – рыбачок к нам побежит, а ежели не рыбачок, то от нас, – загорадаясь от ветра и прикуривая сигарку, приглушённым голосом, с паузами сказал второй. – Давай, Петрович, вонзи ему пониже хлястика.

– Хлястик? Откель ты углядел хлястик, Кеш? Я не вижу! Он же в тулупчике, – удивился Петрович.

– Вот! Посерёдке тулупчика, только пониже малость, и дай, шоб садился и долго свою рыбалку на нашей майне поминал.

Все трое засмеялись, верзила встал на одно колено, загнал папаху на затылок и, прицеливаясь, затих.

– Тока, смотри, против солнца целишь, да всё бело кругом, дистанцию скрадывает, – выдохнул с дымом хозяин карабина, которого Петрович назвал Кешей.

– Хорош трепаться! – сказал верзила. – За торосами он пропал, не видать его. – Он встал, отряхнул с колена снег, качнувшись, закинул трёхлинейку за спину и скривил губы в шутливо презрительной усмешке: – Тоже мне грамотей: «Дистанцию!» Ты, же, Кеш, драгун, а рассуждаешь, как антилирист, так, что ли?

Не обращая внимания на подначку верзилы, Кеша отдал сигарку Серёге и сказал:

– А я всё ж стрельну. – Он скинул карабин и, стоя, недолго целясь, выстрелил.

Чёрная фигура, которая саженьях в ста мелькала между торосами, исчезла.

Кешка молча забрал сигарку, затянулся и сплюнул.

– И вся рыбалка! Пойдём, братцы, доложим, что одним контриком меньше стало!

– А можа, всё же рыбачок?

– Вот по весне шука с налимом и разберутся!

Острая длинная пуля в медной оболочке скользнула по гладкому ангарскому льду, разбила в мокрую пыль небольшой торос, потеряла силу, закувыркалась и, тупо ударив и пробив заплечный мешок, зарылась в густую шерсть бекешки. Адельберг почувствовал, как обожгло правый бок, охнул и через секунду услышал выстрел. Он осел на колени под высокую, торчком замёрзшую льдину, спустил лямки мешка и расстегнул бекешу. На лёд выпала пуля, она лежала в маленькой подтаявшей лужице, на глазах успевшей замёрзнуть. Он встал, ударил нос-

ком сапога, пуля отскочила, Адельберг поднял её, сунул в карман и, не оглядываясь, только чувствуя, как под мышкой стало тепло и липко, пошёл дальше.

Он шёл на юг, куда его Ангара вела своими берегами. В том, как отступали колонны белых армий, он уже не сомневался, конечно, напрямик на Байкал, конечно, обошли город с юга и где-то, в какой-то точке, вышли на лёд.

«Надо только добраться до этой точки».

Он вновь почувствовал острый голод, дёрнул плечами, скидывая верёвочные ляжки мешка, снова заныло и стало липко под мышкой.

«Черт, надо же! – Он плотно прижал локоть. – Ничего, не размямливайся! Подумаешь, царапина! Скользнула и упала под сапог! Надо что-то съесть!» Трясущимися пальцами он развязал замёрзший, тугой верёвочный узел, вытащил за хвост большого, с локоть, омуля, хрястнул об колено и вонзился зубами в копчёное светло-розовое мясо, от которого слегка отдавало гнильцой.

«С душком!» – с удовольствием вспомнил он особенный байкальский засол. Мелкая чешуя забила рот, но он даже не подумал о том, чтобы рыбу очистить, отдирая зубами от остяка балык и глотал, почти не жуя. Через минуту в животе заурчало и во рту стало сладко-солono. «Сейчас бы хлеба или хотя бы стакан воды! – От солёной рыбы пересохло в горле. – Воды, воды, Господи, вот же вода!» Он зачерпнул снег, крепко стиснул в кулаке и почувствовал, что между пальцами стало мокро. Талая вода смочила горло, стало легче, руки перестали дрожать, прошла предательская слабость в ногах. Адельберг встал, отшвырнул наполовину ободранный рыбий скелет и добрым словом помянул Мишку.

Глава 5

По запруженному санями, военными упряжками, одиночными конниками и целыми подразделениями тракту Мишка с шага на полшага еле-еле двигался и пытался вырваться из тисков плотно зажавшего его обоза.

Станцию Иннокентьевская, почти не замеченную в продолжавшейся метели, прошёл только к утру.

«Заехать в город! Каки тама новости! Энто едино, кака у них власть! Я им не белый и не красный. Я им, – он глянул на свой тулуп, – бурый!»

Перед Глазковским предместьем Мишка съехал на лёд Иркутá и свернул влево. Он проехал под железнодорожным мостом и, оглушённый грохотом проходивших по мосту эшелонов, быстро выкатил на лёд Ангары и доехал до того места, где летом с левого на правый берег перекидывают понтонный мост. Вырвавшись из обоза, он сократил путь, а его маштаку было всё равно: тукать своими широкими и мохнатыми копытами по накатанному тракту, по льду или по разбитым кривым улочкам Глазковского предместья.

Вся Ангара между Иркутским железнодорожным вокзалом на левом берегу и дровяными складами на городской набережной на правом была укатана санями вдоль и поперёк.

«Ране такого порядка за нет, не было, шоб по Ангаре, да во все стороны! Лихое время, совсем всё поперепуталось, эхма!»

Понукая лошадь, Мишка пересёк реку, подъехал к Рыбной пристани и въехал на невысокий берег, на заметённую снегом дорогу к дровяным складам.

– Стой, хто идёт!

От угла ближнего дровяника отделились две тёмные фигуры с торчащими вверх штыками.

– Хто идёт, хто идёт! Спроси лучше, хто едет! – недовольно ответил Мишка.

– Ну, хто едет, тоже стой! – И одна из фигур сняла с плеча карабин.

Мишка тряхнул вожжами:

- И чё, твою мать, стрельнешь?
- А чё? – громко прокричала фигура. – И стрельну, впервой, што ль?
- И чё будит, коли стрельнешь?
- Чё будит? Ишо один жмур будит! Не веришь?

Мишка не стал препираться, чуть осаживая лошадь, но, не останавливаясь совсем, он медленно приближался к двум караульным с красными повязками.

- Кешка, ты, что ль? – узнал он одного из них. – Четвертаков?
- Гуран? Мишка? – Кричавший опустил ствол.

Мишка соскочил с саней и зашагал к тому, кого назвал Кешкой Четвертаковым.

- Как-эт ты к карабину штык-то примайстрячил?
- Как, как? Он тут на месте, а против белой контры штык не только к карабину примай-стрячишь.

Они рассмеялись.

- Ну и чё ты здесь сопли морозишь? Вона борода вся в сосульках.
- Опять чё? Ничё! Не знаешь, што ли, што этой ночью беляки мимо нас на Байкал убежали?
- А мне зачем?
- Как – зачем? Ты с нами или с ними?
- С медведями я да с омулем! Ладно молоть, давай-ка – завёртка твоя, а табак мой!

Пойдёт така контрибуция?

- Анекция, ещё скажи, грамотей... пойдёт!

Мишка достал кисет, Четвертаков вынул из кармана две листовки и подал одну Мишке.

- И давно вы тут?
- С ночи.
- И не помёрзли?
- Не помёрзли... Ночью-то какая метель была... Толька вот улегается! Мы в дровянике, а там и печка есть.

- Ну? Так, можа, и кипяток найдётся?

– Найдётся! – сказал Кешка, повернулся к дровянику и, зовя за собой, махнул Мишке рукой. – А тебя какие черти пригнали?

- Черти не черти, а патронишками бы разжился, – хохотнул Мишка.

- Патронишками? А на што тебе патронишки, к твоей берданке?

Мишка, довольный тем, что так неожиданно встретился с давним знакомым, достал из саней из-под поклажи карабин:

- Вона, как твой, кавалёрский!

Кешка и его спутник рассмеялись.

- Кавалерийский, Мишка, это карабин кавалерийский! Ну пойдём, ежели не шутишь, сколько тебе патронов?

От неожиданности Мишка остановился: «Эка удача, а ща глянем, хто из нас шутит!» – и с ходу выпалил:

- А мешок! Я т-те мешок рыбы, а ты мне мешок патронов!

Иннокентий хмыкнул:

- Прогадал ты, брат! У нас этих патронов – столько в тайге медведя не ходит!

Мишка не поверил, отвернулся к кошеве и стал укладывать карабин: «Нешто и вправду, а?»

Зайдя в дровяник, он огляделся: склад стоял пустой, от конторки, которая занимала правый угол, саженой на пятнадцать влево уходили сложенные из ошкуренной лиственницы стены под низким потолком. На реку выходило двое широких ворот, запертых на засовы из толстого бруса. На стенах серебрился иней и свисал с потолка, как старая паутина. Внутри небольшой

конторки учётчика стояла железная бочка с выведенной в маленькое оконце под самым потолком трубой; на печке парил полувёдерный медный чайник. Рядом с буржуйкой, на лавке, спиной к стене спал такой же длинный, как сама лавка, укрытый тулупом мужик в чёрной казачьей папахе, напяленной ниже глаз. На рукаве его тулупа тоже была красная повязка.

– Это наш главный, Петрович! – показал в сторону мужика Иннокентий. – Только вот пустой кипяток пить придётся, чаю нет!

Мишка, чтобы скрыть нетерпение, подтрунил:

– Эх, Кешка, ничего-то у тебя нет, а ишо поёшь мне про патроны... Кружка-т хоть найдётся? – спросил он со вздохом, полез в карман и вытащил мешочек, похожий на кисет.

Кешка достал из-за печки большую фарфоровую кружку с отбитой ручкой:

– Кружка? Найдётся! На вот! Такая сойдёт?

Мишка взял кружку, бросил в неё из мешочка щепоть сухих трав и ягод и налил кипятку.

– А прикрывка кака?

– Тоже есть! – Кешка снова пошарил рукой где-то внизу и подал Мишке фарфоровую крышку.

Мишка повертел в руках:

– Ни дать ни взять от этой кружки и есть. – Он посмотрел на Кешку. – Чей барский дом-то ограбили?

– Да уж какой барский! И не грабили мы ничего. Это учётчика кружка и крышка. Кагда нам дровяник под сторожевой пост сдавал, сказал, мол, пользуйтесь...

– «Сторожевой пост»!!! – ухмыльнулся Мишка. – Чё сторожите, реку, чё ли, али лёд на реке?.. Чем так сидеть, майну бы проколупали да хоть бы рыбы себе наловили!

Четвертаков никак не среагировал на Мишкины подначки:

– Майну продолбили вчера, вон под берегом, два ста сажений не будет, дак только кто в ней нынче ловить будет, да и чем? Снасть-то дома осталась.

Мишка накрыл кружку крышкой:

– А чё долбили? Под Колчака, што ль?

– Нет! Колчака на Ушакóвке хлопнули... не мы, другие, – сказал Иннокентий и махнул рукой на север. – Под другого кого... ночью тут ЧК распоряжалось. Нам приказали, мы и продолбили.

Мишка открыл крышку, и из чашки пошёл мятный, с запахом земляники и смородины дух.

– Дядь Кеш, ты погляди, какой чай получился!

Кешка оглянулся на своего напарника, который на протяжении всего разговора стоял молча и слушал.

– Ну ты, Серёга... – удивился он, – ни разу в тайге, что ль, не бывал? Не знаешь, какие там заварки сушат?

– Был с батей, малóй ищó. А когда его ремнями задавило на фабрике, больше и не был. С пацанами только, по ближним кедрачám...

Серёга, молодой парень лет пятнадцати, заросший светлой, ни разу не бритой курчавостью, горящими глазами смотрел на кружку и тянул в себя поднимающийся от неё сладковатый, ароматный дух.

– Здорово-то как!

– Мишк, ты бы дал ему хлебнуть, что ли, сироте, и давай сюда свою рыбу, а то у нас уже животы подвело! – Кешка потопал ногами и вышел из конторки за перегородку.

Паренёк, которого Кешка назвал Серёгой, увидел, что Мишка стал развязывать верёвки принесённого с собой мешка, метнулся в угол и расстелил кусок серого брезента; Мишка вывалил на брезент с тридцать или сорок омулей, и в загородке запахло копчёным. Он возился с

рыбой, не поднимая глаз, стараясь скрыть радость и ещё не веря в такую удачу, завязал пустой мешок и посмотрел на Серёгу:

- Вишь как на морозе-т дух сохраняется?
- Ага!
- Давно такова не едал?
- Так с лета!
- А как же летом? Летом она сырая! Разве што в расколóтку?..
- А я и не помню...

Иннокентий вернулся и опустил на пол солдатский сидор, сидор бякнул и мягко осел широкими, как у бабы, боками.

- Неужто всё отдашь?
- Не жалко. Контра ушла, а нам из Балаганска ещё привезут.
- А чё в Балаганске?

– Когда белые сюда подходить стали, так наши все склады и другое важное, всё в Балаганск отвезли... двести вёрст.

Мишка поднял за лямки сидор, тряхнул, и тот снова бякнул, полный патронов.

- Ну вот! – сказал он, не отрывая глаз от сидора. – А рыбу забирайте.

На лавке зашевелился мужик в папахе:

- Это кто тут такой добрый?
- Ты чё, Петрович? Не спится тебе! – повернулся к нему Четвертаков.
- Как тут спать? Вы всё балабоните да балабоните. Эт кто? – кивнул он подбородком в сторону Мишки.

- Знакомец мой с Байкала, с того берега.

- И чё ему надо?

- Да вот, рыбы нам принёс, за патроны.

– А-а! Ну, энтого добра теперь не жалко! А ты, Серёга, пойдй обойди дровяник дозором! – сказал он и с головой накрылся тулупом.

– Оставь его, Петрович! – Кешка обнюхивал рыбу. – Кого сейчас дозорить? А омулёк бравый! Пахнет как дома!

Мишка оглянулся, ища и не находя, где бы можно было присесть.

- Сам-т давно из дому? – спросил он и пододвинул ногою сидор поближе к себе.

- А как на Черемховских копиях полыхнуло, так я туда и подался.

- А дома кто? На хозяйстве?

- Известно, Марья, кому же ещё!

- И чего она, одна управляется?

– А ей чего не управляться, как младшенького летом схоронили, так она с хозяйством и управляется. Сидит на печи, слёзы льёт да снасть чинит.

Так и не найдя, куда сесть, Мишка привалился плечом к стене, свернул кульком листовку, согнул козью ножку и сыпал в неё из ладони табак.

– Ты, Серёга, не смотри на кружку-то, глотни, вмиг согреешься. – Мишка откинул дверцу буржуйки, вынул пальцами уголёк, положил на край и прикурил. – И как вы тутока революцию свою вершите, коли майну продолбали? Рыбáлить не мешает? – Ему очень хотелось как можно скорее свалить сидор в кошёвку и дать маштаку вожжей, но это был бы непорядок: не выпить чаю, не выкурить сигарку и не завести «разговора».

Иннокентий взял самого большого омуля, оторвал ему голову и стал сдирать шкуру.

– Да поутру и собрались: майна недалече, жилка с крючком, как-никак, – он подмигнул Сереге, – всегда имеются, а там кóнтра какая-то ошиивается, ну я его...

- И срезал?

- А чё ж на него, смотреть?

Серёга держал горячую кружку в ладонях.

– А я говорю – рыбачок!

Кешка оглянулся на парня:

– А ты бы сбегал и проверил? Чё зря языком молоть?

– А чё зря пулять?

– А ну-ка, выйди на дозор, через полчаса доложишь! Ишь, распился тут, смотри, губу прижжёшь! Ну-ка, шоб я тебя не видел!

Серёга обиделся, вышел и хлопнул замороженной дверью так, что с потолка посыпался иней. Четвертаков неодобрительно хмыкнул в его сторону, а Мишка сделал последнюю затяжку.

– А скажика мне, Иннокентий, дальше как жить будем?

Иннокентий бросил недочищенного омуля, распрямился и потянулся всем телом:

– А так и будем. Мы своё дело сделали, белых в Байкал-море скинули, а дальше и в океан скинем...

– Ну с энтим понятно, а здесь-то што?

– Известное дело, новую жизнь сотворим!

– А как?

– А кто его знает! Придумаем – у нас башковитых доволё!

Глава 6

Адельберг шёл на юго-восток.

Уже высокое над горизонтом солнце светило в глаза. Он почувствовал, что мороз стал отпускать, и расстегнул верхние крючки бекеши, но этого ему показалось мало, и он снял перчатки. Он давно миновал город, и можно было присесть отдохнуть, но ещё мела позёмка, а впереди было много вёрст, и терять время на отдых он не мог. Ноги то зарывались в глубокий снег, наметаемый под торосы, то скользили по чёрному, прозрачному льду.

Адельберг шёл и уже не думал ни о Каппеле, ни о Колчаке. Выйдя из-под ареста, проехав мимо красных Черемховских копей и миновав красный Иркутск, постояв над могильной прорубью Колчака – в этом у него не было сомнений – и избежав смерти от случайной пули красного патруля, он понял, что впереди у него одна последняя прямая, в конце которой – встреча с семьёй. Он подумал, что от этого его отделяет или гибель, или то расстояние, которое ему предстоит пройти, поэтому сейчас в голове была одна мысль – вперёд.

Под хруст снега он думал о жене и сыне, которого видел только на фотографиях; Анна в письмах называла его Сашиком; он видел свой дом на Разъезжей улице рядом с Соборной площадью и Свято-Николаевским собором. Последнее письмо от жены пришло тому уж полгода, с оказией, когда он был ещё в Омске; офицеры и военные чины тыловых служб иногда могли «смотреться» в Харбин. Потом Колчак оставил Омск, и okazji не стало.

Он простился с женой ранней осенью 1914 года. Тогда, в первых числах сентября, его и ещё нескольких офицеров вызвали в штаб Заамурского округа для вручения казённого пакета и определили в Ставку русской армии, под начало Верховного главнокомандующего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и дали три дня на сборы и прощание с семьями.

Война уже шла, но Харбин продолжал жить обычной жизнью, только прибавились новые тревоги. Из Петербурга и Москвы приходили военные новости, исправно печатались газеты, работал телеграф, все радовались победам и огорчались неудачам. Как и всю Россию, харбинцев расстроило поражение армии Самсонова и его самоубийство. Об этом говорили.

Из штаба, не заходя к себе в бригаду, Александр Петрович сразу пошёл домой – он решил отложить все дела до завтра. По дороге хотел придумать что-то утешительное для жены, но

не успел, потому что штаб округа располагался на Большом проспекте, в нескольких сотнях шагов от дома, однако Анны дома не оказалось. Александр Петрович переоделся в домашнее и стал ждать. Анна отсутствовала недолго и, когда пришла, удивилась тому, что он не на службе, положила сумочку, откинула вуалетку и тревожно спросила:

– Что-то случилось?

– Я уезжаю в Барановичи, в ставку его высочества.

– Надолго?

Александр Петрович только пожал плечами.

Анна прошла в спальню, через некоторое время вернулась, переодетая в домашнее платье, позвала китайца-боя и повара и отпустила их.

– Ну что ж! Тогда давай пить чай.

Тот день до конца и ещё два они провели вдвоём, и только на третий день, к вечеру, уже на перроне харбинского вокзала, когда поезд тронулся и Александр Петрович вскочил на подножку, она сказала:

– Возвращайся!

«Вот я и возвращаюсь», – думал Адельберг.

Идти становилось всё труднее из-за нагромождения припорошенных печной гарью – Иркутск был ещё близко – торосов, и дорога между ними терялась.

Перчатки давно сняты, ворот расстёгнут. Адельберг сдвинул на затылок шапку, подставляя вспотевший лоб ветру, но ветер казался тёплым и не приносил облегчения.

«Вот я и возвращаюсь!» – думал он.

Солнце поднялось в зенит и припекало даже через шапку. Впереди, сколько можно было видеть, простирался лёд большой реки; сопки по берегам Ангары становились всё ближе и выше и из голубых превращались в чёрные и строго очерченные. По его прикидкам, ещё несколько часов, и он должен дойти до той воображаемой точки, где остатки колонн Белой армии вышли на Ангару, чтобы идти дальше к Байкалу.

Вдруг Александру Петровичу показалось, что лёд на мгновение ушёл из-под ног, он остановился поправить шапку и дотронулся до лба. Лоб был потный. Он приложил снег, тот быстро растаял, потёк по лицу и стал замерзать в густой щетине. Александр Петрович понял, что жарко ему, скорее всего, не оттого, что после метели потеплело, если вода замерзает в бороде, а что-то тут другое. Он задрал рукав бекешки и рукавом френча вытер лицо, оно снова быстро покрылось потом. Он почувствовал, как пот течёт между лопатками, сначала горячий, а потом холодный.

«Чёрт побери, неужели я заболел? Как некстати! Надо немного отсидеться», – подумал он и пожалел, что не додумался попросить у Вацлава и Войтеха хотя бы немного спирту. Он прошёл ещё несколько шагов и нашёл, как ему показалось, удобное место. Когда Ангара становилась, а перед этим шла крупными льдинами, они, особенно около берега, наталкивались друг на друга, подминали одна другую, выворачивали наружу и так смерзались. Он увидел большую, торчащую вертикально льдину, к которой ступенькой примёрзла льдина поменьше.

Александр Петрович сел.

«Сейчас! Пять минут! Нет, десять! Только не заснуть!» Он снова залез под бекешу и вытащил хронометр.

«Пятнадцать минут, и надо идти!»

Мешок, поставленный между коленями, обдал его пряным запахом копчёной рыбы, но есть не хотелось, хотелось пить.

«Дойду до своих и рыбу раздам! – Он стал осторожно разжёвывать и сосать снег. – И попрошу хлеба!»

«Хлеба! Хлеба!...» Эта мысль как будто бы прилипла, он проглотил талую воду и пожевал губами, чувствуя вкус не воды, а пахучей корки, которую только что откусил и начал медленно жевать. Он перестал ощущать назойливый и сладковатый запах рыбы, только под ногами внизу пятном на белом снегу чернел мешок. На глаза и плечи опустилась усталость, тяжёлая, и придавила к ледяному сиденью; ноги рядом с мешком потеплели.

Он так сидел в полудрёме-полуяви, и вдруг ему послышался где-то далеко за спиной, за торосами, как будто бы звон поддужного колокольчика, именно поддужного, он не мог ошибиться, он даже открыл глаза. Так могут звенеть колокольцы только под дугой больших саней, запряжённых одним коренным и двумя пристяжными. Александр Петрович удивился, откуда сейчас может появиться тройка, да ещё с колокольцем.

Он огляделся: он сидел на льду реки – тогда чему тут удивляться? Вот река за спиной, та самая. Сейчас как раз Крещение! Как тут не быть тройкам? Он всё яснее слышал колокольчик и приближающийся перестук копыт по льду. Всё правильно! Всегда так было – на Сунгари пробивали большую иордань на Крещение, и половина Харбина стекалась на водосвятие, воду набирали в серебряную посуду и несли домой. Пробивали ещё одну иордань, и самые смелые окунались и даже плавали в ней.

Колокольчик приближался, Александр Петрович дожевывал оторванный от большой свежей краюхи кусок хлеба и оторвал следующий.

«М-м-м! Как хорошо!»

Хлеб был тёплый и согревал пальцы.

«А где Анна? Почему её здесь нет? – Он снова оглянулся. – Понятно, она никогда не любила ходить зимой на реку. Она сейчас в костёле! Да, да! Конечно! А где же ей ещё быть? Надо идти к ней. Сейчас, только наберу воды!» Он наклонился к чёрно-белому краю зачерпнуть серебряное ведёрко. Анна стояла рядом и придерживала его рукой за плечо шинели, чтобы он не упал в прорубь.

– Аннушка! Ну что ты, я же не упаду!

– На всякий случай, – сказала Анна, – я всё же подержу тебя!

Адельберг не дотягивался вниз к воде, поэтому встал на колени, одной рукой опёрся о край иордани, другую занёс с ведерком, и ему показалось, что воды очень много и он не на коленях стоит на льду, а посреди воды, вода была вокруг него... кругом...

Он соскользнул с тороса и боком упал на лёд.

Четвертаков сидел на лавке в ногах у подогнувшего колени недовольного Петровича и с хрустом грыз омулёвую голову. Из-за стены было слышно, как в дозоре топчется Серёга, нарочито громко скрипит снегом и слишком далеко от дверей не отходит. Мишка взял чайник с кипятком, посмотрел на сидора, подумал немного, подхватил сидора на плечо и подался наружу. Как только Мишка вышел из дровяника, Серёга тут же шмыгнул внутрь.

Мишка оглянулся на парнишку, хмыкнул, подошёл к кошёвке, вытянул за верёвочную петлю деревянное ведёрко, зажёб снега и вылил туда кипяток, ведро подставил лошади, сидор с патронами спрятал под мешки, огляделся по сторонам, потом набрал в чайник снега и вернулся в дровяник.

– Ну что, Кеш? Домой али здесь останисся, глядишь, на каку должность определят, а? А то айда на Байкал-море!

– Байкал-море никуда от меня не уйдёт! – ответил Четвертаков. – Останусь пока, дальше видно будет!

– Бабе как обсказать?

– Скажи, што видал, што живой-здоровый, к весне буду.

– Ладно! А ты, Серёга, – обратился он к пареньку, – на том берегу ежели будишь, в Мысовой, к примеру, спроси, где найти Мишку Гурана, кажный скажет и дорогу укажет. Вёрст пят-

надцать по тайге, а где под сопкой Мантуриха с Мал-Мантурихой стекаются, там моё зимовьё. Разнотравья да ягоды на зиму насобираешь, и чай не спонадобится. Уразумел?

Серёга, не выпуская из ладоней тёплую кружку с отваром, радостно кивнул:

– Спасибочки, дядь Миш, с делами управимся и напрямиком к вам. По теплу, с дядь Кешей.

Мишка глянул на него и с сожалением покачал головой:

– Дела, дела! Эхма! – Он махнул рукой. – Ладно, слово за слово, а внушки ждут! Прощайайте!

Он вышел, поднял пустое ведро, шлёпнул по холке лошадь и взялся за вожжи.

– Пошла, што ль!

Метель утихла, солнце слепило, Мишка надвинул шапку на самые брови и подумал: «Жисть они нову будут строить! А чем стара была плоха, или я не понимаю ни чё, в своей тайге?»

Дорога шла вдоль правого берега Ангары, ещё несколько вёрст, и от южной стрелки Конного острова она перейдёт в широкий зимник в сторону Байкала. К ночи можно будет добежать до Листвянки, переночевать и с утра – на лёд.

– Тпр-р-р! Стой!

Он изрядно отъехал от дровяника, соскочил с кошевы, поднял пару мешков, достал огромный тулуп с высоким воротником, надел, уселся и крикнул:

– Н-но-о! Давай, родимай!

День обещал быть солнечным и тихим, однако ещё понизу узкими хвостами мёл встречный ветер, нёс по чистому льду змеиные струи снега и задувал под торосы. Маштачок отмахивался мордой от ветра, шёл сам по себе, не медленно и не быстро. За три года своей жизни он накрепко запомнил эту дорогу и, не понужаемый, мог довезти до Мысовой на том берегу Байкала.

Мишка только было смежил веки задремать, как вдруг от сильного толчка очнулся и по привычке натянул вожжи:

– Тпр-р-р, чёрт, чё там такое?

По инерции сани поддали маштака под задние ноги.

– Тпр-р-р, чёрт! Чё встал?

Маштак стоял на краю большой, уже начавшей схватываться проруби, и хватал губами лёд.

– Не напился, чертяка! Ну давай! – Мишка стряхнул сон, соскочил, достал берданку и пару раз ударил прикладом у самого края проруби по льду, ангарская вода вышла наружу. – Пей, чево с тобой поделаешь!

Он обошёл прорубь, похоже, ту самую, выдолбленную Кешкой: «Майна как майна, чё не рыбачить?»

– Ну чё? Напился? Айда домой! – он укутался в тулуп и махнул вожжами. Умный маштачок сдал назад, объехал майну и уверенно потащил к зимнику.

Мишка даже не заметил этого; он сидел и думал: «Каку чечу, кому подарить?» Для младшенькой он выменял у городской барыни целую жменю разноцветных стеклянных шариков: «На кой ляд им энти шарики, кака от их польза, одна только забава». Для средней за «цельный омулёвый хвост» надыбал обтрёпанный букварь с картинками: «Нехай в буквицы пальцем тычет!» Старшей достались длинные бусы и зеркальце в бронзовом окладе с ручкой: «Девка, чай, скоро на выданье!» Дочери за мешок рыбы выменял швейную машинку и пару штук хорошей мануфактуры: «Эка ладно, бравый купчишка попался!» – но самой большой удачей был сидор с патронами к карабину, подобранному им в снегу на обочине. Было ещё немало полезного, чего он наменял, у кого за хлеб, у кого за медвежий жир, у кого за рыбу.

За этими мыслями после нескольких суток без сна и отдыха он начал клевать носом и слышал только, как тукали лошадиные копыта. Вдруг сквозь сон чутким охотничьим ухом он стал различать дальнейшее позванивание колокольца. Он мысленно отмахнулся и попытался снова задремать, но ясный звон поддужного колокольчика мешал, как будто по льду где-то далеко бежала почтовая эстафета.

«Не-е, чё мне мерещится? Стафеты не бегают уж сколь годов, как чугунок построили! – подумал он, но звон колокольчика слышался настойчиво. – Чур меня! Нету здесь никаких почтарей! А ну-ка я!.. – И, не открывая глаз, он полез рукой под сено в головах кошевы и вытащил старую латунную фляжку. – Ща глотну, и всё...» Он открыл глаза, чтобы вынуть из фляжки деревянную пробку, и звон колокольца смолк. Мишка укоризненно мотнул головой и вздохнул, он вспомнил, что давно ничего не ел, уже больше суток, подумал, что есть рыба и хлеб, и посмотрел на солнце: «Делото к мёжени, с голодухи, што ли, мерещится? Правду бают, что голод не тётка!»

– Тпр-р-р!!!

Он остановился.

«Надо бы кипяточку, дак ведь дрова!..»

Он огляделся, до ближнего берега Ангары было уже далековато, подъехать бы туда на санях, но чем ближе к берегу, тем больше торосов, а между ними сани не пройдут.

– Чай не барин, и пешком доберёсси!

По привычке к таёжному одиночеству Мишка разговаривал в голос, «чтобы от человеческого на звериное не привыкнуть!», он заткнул за пояс топор, за плечо закинул карабин и пошёл к берегу.

– Эхма! Кабы денег тьма, купил бы девок деревеньку, и всех жалел бы помаленьку! – Громко, стараясь попасть в шаг, он мурлыкал частушку, которую услышал несколько дней назад, когда на привале грелся у костра среди белых. – Ма! Тьма! Девки! Деньги! Так они таку власть-та защищают? – Эту же самую частушку он раньше слышал среди красных. – А те? Таку хотят заваявать? Тьфу, гадство!

Под пимами скрипел снег. Большие и малые ледяные глыбы, а иногда громадные, больше человеческого роста, присыпанные нанесённой ветрами из Иркутска серой печной гарью, смёрзшиеся во время ледостава, напоминали Мишке осыпи таёжных валунов, скатывавшихся по распадкам между сопками. Мишка обходил их и, хотя и привычный, но вспотел, в ушах стучало, и ухала кровь в висках.

«А можа, это и был колоколец?!» – подумал он и вдруг рядом с собой ясно услышал:

– Анна! Ну что ты, я же не упаду!

От неожиданности Мишка отпрянул и чуть не хлопнулся задом на лёд.

«Чур меня, чур! Опять чудится!» Он сдвинул шапку, потом снял и вытер вспотевший лоб, ладони в варегах тоже вспотели, он сбросил их под ноги и сдёрнул с плеча карабин.

– Анна! Ну что ты!.. – снова услышал он.

«То колоколец, то Анна, а ведь уж какі сутки в рот не брал...»

– Аннушка! Ну что!..

«Заступница! Царица Небесная! Кто ж энто меня морóчит?» Мишкины ноги дёрнулись было обратно к саням, но он пересилил себя и стал прислушиваться. Из-за торосов, от берега, снова послышался внятный человеческий голос, опять позвавший Анну.

Мишка перекрестился: «Уйтить, што ли, от греха подальше, не искушать судьбу? А вдруг он приманивает, а сам в прорубита поджидает? Будит тебе тады и «ма», и «тьма»!»

Он сплюнул и, прячась, пошёл на голос.

Всё оказалось близко, всего в нескольких шагах. Как ни страшно было, Мишка заглянул поверх льдин и увидел, что под одной что-то чернеет: на льду навзничь лежит человек.

Он откинул одну руку и, опираясь на локоть другой, пытается встать. Несколько мгновений Мишка медлил, потом понял, что человек хочет подняться, но сам не может.

«Раз лежит на спине, то можно без опаски!» Он подошёл и узнал недавнего своего попутчика. Мишка мигом прикинул место, где он сейчас находится, вспомнил разговоры в дровянике и, как ему показалось, всё понял: «От, Кешка, сучий потрох! Таки попал!», и он шагнул:

– Петрович! Давай-ка подсоблю тебе!

– Стой, стрелять буду! – неузнаваемым голосом промычал лежавший на согнутом локте Адельберг.

– Стреляй, стреляй! – ухмыльнулся Мишка. – Из пальца, што ли, стрелять будишь?

Мишка подхватил Александра Петровича под мышки и подтащил спиной к торосу.

– Ща, погодь, окажу тебе первую милосердную помощь! Как ты, ваше благородие, тута оказался?

«Вот тебе и «ма»! Широка страна Сибирь, дивна просторами, а дорога – одна-едина!»

Лицо Александра Петровича было малиновое, со лба и по вискам тёк пот, Мишка прихватил снегу и обтёр.

– Эк тебя угораздило! Лихоманка али тиф?

На Мишку смотрели горящие, бессмысленные глаза.

– Вот! Анна! Ты и пришла!

– Анна! Анна, пришла, а то как же! – Мишка распрямился и огляделся: до прибрежных кустов было недалеко. – Всё одно хворосту надо наломать!

Он оставил Адельберга и пошёл к берегу.

Александр Петрович, привязанный верёвками к саням, уложенный на сено и мешки и прикрытый всем, что Мишка мог извлечь из своей поклажи, звал людей, имена которых Мишке были неизвестны, и метался, пугая лошадь. Единственное, что понял Мишка, – это то, что жену Александра Петровича звали Анной.

Он правил по ангарскому зимнику на юго-восток к Байкалу; солнце, ещё несколько часов назад ощутимо припекавшее, к вечеру стало только светить; мороз усилился, и Мишка стал подумывать о том, что надо бы остановиться на ночлег в какой-нибудь деревне на берегу Ангары. Они проехали Бурдугуз, там жили знакомые, но он всё же не остановился, оставалось ещё несколько часов светлого времени, и он решил ехать дальше, к Байкалу. По дороге слышал стрельбу: два или три выстрела, но в морозном воздухе звук растекался понизу, и он не понял, это было сзади от Иркутска или спереди от Байкала. Потом, уже в сумерках, когда проехали небольшой остров, он увидел «лёжки»: «Похоже, отсюда и стреляли! Кешкины сукины дети, што ли?»

Вдруг из-за спины послышался ясный голос:

– Ты кто? Куда везёшь?

Мишка даже вздрогнул, Александр Петрович был до этого в забытьи, и Мишка уже начал беспокоиться, жив ли.

«Ну, слава тебе, Господи, живой!»

– Ты, ваше благородие, не голоси пока што! Тебе силы надо беречь!

Он соскочил с саней, достал фляжку и вынул пробку:

– Дай-ка я тебя попользую! Со снежком будишь, с рыбкой али так, лекарственно? – Он оказался по правую руку от Александра Петровича, рука была прихвачена верёвочной петлёй, накинутой поверх рукава бекеша, чтобы не поранить кожу, и привязана к борту. Адельберг пытался поднять её, как бы целясь в Мишку, как во врага. – Давай, Петрович, давай, только не промахнись! А я вот спиртцу тебе! – Он поднёс горлышко к губам Александра Петровича, тот вонзил в Мишку пронзительный взгляд, и спирт потёк по плотно сжатым губам. – Ах ты, беда

какая! Да ты глотни малость, всё с нутра согреишься, его и так немного, всего-то полведра, а ты по бороде пускаешь.

Спирт обжёг сухие губы, Александр Петрович мотнул головой и попытался облизать, в этот момент Мишка влил порядочно, Александр Петрович глотнул, его глаза округлились, Мишка плотно зажал ему рот, Александр Петрович всосал носом воздух, стал выдыхать, и в этот момент Мишка положил ему на губы снег.

– Ну вот, ваше благородие! И никаких похмелиев не буить!

Адельберг пожевал губами и закрыл глаза, спирт подействовал, и до самой темноты Мишка ехал не тревожась.

Зимник круто забирался на левый берег Ангары, под самые железнодорожные пути, по которым сплошной вереницей катились и катились чёрные эшелоны чехословацкого легиона. Мишка дал маштаку пару хороших кнутов, лошадка взялась, натянула постромки и бодро вытащила сани наверх. Вдалеке, верстах в двух из-за выступавшего правого берега, закрывавшего полреки, из темноты вдруг открылось множество огней.

– Мать честная! – выдохнул он.

Было тихо, только стучали колёсами вагоны, ниоткуда не слышалась стрельба, и он догадался, что это, наверное, та самая армия, которая отступала на Байкал, и, скорее всего, тот самый обоз, из которого он совсем недавно вырвался и теперь снова догнал.

– Тпр-р-р!

– Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.

– Очнулись, ваше благородие? – Мишка не удивился, он знал, что так бывает, когда объятые «огневицей» больные ненадолго приходят в себя.

– Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.

– Давай к ним!

– А куда же ещё? Тока к ним. Тебя тамо-ка признают, Петрович?

– Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.

Последние две версты дорога шла то зимником, то поднималась на берег, Гуран шёл мерно, не понужаемый, не дёргая и не толкая саней, и, если бы не огни впереди, Мишка давно бы уже заснул.

Глава 7

9 февраля 1920 года, ближе к ночи, в десяти – двенадцати верстах юго-восточнее Иркутска из тайги на ангарский лёд вышли остатки колчаковских армий.

Командиры колонн разрешили людям короткий отдых, чтобы завтра, к утру 10 февраля, сосредоточиться у истока Ангары около деревни Лиственничной, пройти от неё вдоль западного берега Байкала сорок вёрст на север до мыса Голоустный, последним рывком в шестьдесят вёрст пересечь Байкал по льду и добраться до восточного берега до станции Мысовая.

Колонны и тянувшийся за ними обоз шли на голодных, измотанных лошадях. Дивизии, сократившиеся по своему составу до полков, а полки до батальонов и рот, почти не имели припасов и фуража: на солдата и офицера приходилось по фунту сухарей и по десятку патронов. Шедшая в арьергарде Вёткинская дивизия генерала Молчанова сохранила несколько орудий, которые в разобранном виде везли санным ходом. Люди были раздеты, разуты и голодны. Больных тифом, привязанных ремнями и верёвками к саням, и раненых не бросали.

За два дня до этого, 7 февраля, остатки 2-й армии генерала Вержбицкого и 3-й армии генерала Сахарова под общим руководством генерала Войцеховского, который принял командование вместо умершего 26 января от гангрены и крупозного воспаления лёгких генерала Каппеля, стояли в нескольких верстах от Иркутска, на станции Иннокентьевская, и были

готовы атаковать город. Если бы они продвинулись немного южнее, на высоты Глазковского предместья, их позиция была бы господствующей и взять наполненный припасами Иркутск, который обороняли неопытные рабочие дружины и немногочисленные отряды красногвардейцев, им, скорее всего, удалось бы. План наступления был готов, но пришло известие о том, что эсеровский Политцентр, подконтрольный большевистскому ВРК, за несколько часов до этого в устье впадавшей на северной окраине города речки Ушаковки расстрелял на краю проруби Верховного правителя России адмирала Колчака и вместе с ним Омского премьер-министра Пепеляева. Сразу пришло ещё одно известие от руководства Чехословацкого легиона: они предупредили, что в случае атаки белых на Иркутск они вмешаются в дело на стороне красных.

Белым генералам это было непонятно и до ужаса обидно, потому что несколькими годами раньше всё с них, с чехов, и началось, и даже ещё раньше, задолго до этого.

В августе 1914 года, когда началась мировая война, солдаты и офицеры австро-венгерской императорской армии: чехи, словаки, сербы, поляки – стали сдаваться в плен к русским; в одиночку, группами, ротами и батальонами, добровольно. К 1917 году их, пленных, набралось более пятидесяти тысяч; из них составили легион и расквартировали в Малороссии, под Киевом, а союзное командование Антанты с согласия русского царя стало считать их своим резервом и намеревалось перебросить через Владивосток во Францию, тем самым усилив французскую армию и весь Западный фронт.

Однако 2 марта 1917 года, после Февральского переворота, русский царь отрёкся от престола. Образовавшееся Временное правительство обещало союзникам исполнить союзнический долг и «довести войну с Германией до победного конца». Но оно не смогло принудить своих солдат идти в наступление, и начиная с лета полки и дивизии стали роптать и выражать настроения разбежаться по домам. Началось братание, и фактически с этого момента русской армии и Восточного фронта больше не существовало.

Перемены в России сильно изменили конфигурацию мировой войны.

После большевистской Октябрьской революции крушение победных планов Антанты стало почти реальностью, и оно стало очевидной реальностью после того, как Ленин и Троцкий подписали с Германией Брестский мирный договор.

Французы и англичане почувствовали это скоро, как только германское командование перекинуло освободившиеся войска из России на запад, и в июле 1918 года начштаба германской армии Эрих Людендорф повёл наступление на Марне. Однако к этому моменту на театре военных действий уже высадились американские войска и совместными усилиями немцы были остановлены.

Однако Антанта серьёзно испугалась и попыталась договориться с большевиками о восстановлении Восточного фронта, но те уже объявили программу своего нового государства Страны Советов, и самым значимым на тот момент было их требование «прекратить войну без аннексий и контрибуций». Президентам, премьерам и генералам Франции и Англии стало понятно, что они не могут ждать, пока Ленин и Троцкий со своими большевиками самоликвидируются, или когда их режим сойдёт на нет, или когда их кто-нибудь победит, и союзники вспомнили о своих резервах.

К весне 1918 года Чехословацкий легион под давлением занявших Украину немцев отошёл на восток в район Поволжья и Приуралья. На красных в это время с юга – с Дона и Кубани – наседала Добровольческая армия Деникина, и довольно скверно складывалась обстановка на севере – под Мурманском и Архангельском, где против большевиков дрался генерал Миллер. В Эстонии шевелился Юденич, и кольцо вокруг большевиков должно было сомкнуться! Вот-вот! Не хватало всего лишь нескольких усилий!

И союзники сделали ставку.

По их планам легион должен был соединиться с Миллером и англичанами на севере, с Деникиным на юге, и они должны были осуществить это «вот-вот», то есть замкнуть кольцо

вокруг Москвы, уничтожить большевиков, восстановить старую власть и Восточный фронт и тем самым помочь разбить немца.

Это был план!

И как будто его кто-то в нужный момент подтолкнул.

Во вторник, 14 мая 1918 года, в Челябинске военнопленный венгр, перемещавшийся вместе со своими на запад к красным, проломил ломом голову военнопленному чеху, двигавшемуся вместе со своими на восток. Ненависть, которая накопилась у чехов к мадьярам, прорвалась. Чехи были жестоки, и после расправы с мадьярами заняли центр Челябинска, а заодно разобрались с местным Советом.

Большевики обиделись, и 21 мая Лев Троцкий приказал арестовать в Москве руководителей Чехословацкого национального совета, а легион разоружить. Чехи разоружаться отказались, и в ответ на это последовала телеграмма Троцкого:

«Всем Советам!

Настоящим приказывается незамедлительно разоружать чехословаков. Каждого вооружённого чехословака, обнаруженного вдоль железной дороги, следует расстреливать на месте; каждый воинский эшелон с обнаруженным в нём хотя бы одним вооружённым человеком подлежит выгрузке, а находящиеся в нём солдаты – интернированию в лагерь военнопленных. Военкомы на местах обязаны незамедлительно выполнить данный приказ; каждая задержка будет считаться изменой, приводящей виновника к суровому наказанию».

В свою очередь на эту телеграмму обиделись чехи и везде, где они находились, повернули штыки против красных: 26 мая, в субботу, они разоружили большевиков в Пензе; после Челябинска захватили Новониколаевск и Томск; в начале июня – Омск и отрезали голодную Москву от хлебной Сибири.

Но в один, как обычно, неподходящий момент между союзниками возникли противоречия: французам хотелось, чтобы чехи приплыли во Францию, а англичанам, интересы которых в России очень страдали, напротив, хотелось, чтобы чехи остались там, где они были. Вопрос решили сами чехи – они устремились домой, чтобы заняться обустройством своей маленькой красивой родины. Легион из всех мест своей дислокации начал стягиваться к Сибирской железной дороге и двигаться во Владивосток. Перспектива погибнуть на просторах обезумевшей России им не улыбалась.

7 июня вышедший из Пензы арьергард легиона под командованием полковника Чечека достиг Самары, молниеносно захватил город, разогнал красногвардейцев и расстрелял пятьдесят бывших венгерских военнопленных, вступивших добровольцами в большевистские интербригады. Власть в городе перешла к эсерам, образовавшим правительство под названием КОМУЧ – Комитет членов Учредительного собрания, разогнанного Лениным ещё 19 (5-го по ст. ст.) января 1918 года.

18 июня 1918 года чехи заняли Красноярск.

5 июля – Уфу.

11 июля в Симбирске против большевиков восстал красный командир эсер Муравьёв.

2 августа англичане и американцы высадились в Архангельске.

7 августа чехами и белыми была занята Казань и отбит вывезенный ещё царём из Петрограда подальше от немцев царский золотой запас.

8 августа против красных поднялись ижевские и, чуть позже, воткинские рабочие.

30 августа эсеры чуть не застрелили Ленина и застрелили Урицкого.

13 октября в Омск прибыл адмирал Колчак.

К этому времени, правда, большевики уже приступили к созданию своей регулярной Красной армии и начали одерживать на востоке первые победы: 10 сентября они отбили Казань и через пару дней взяли Симбирск...

И кольцо не сомкнулось.

А план был!

Была, правда, и другая причина, по которой кольцо не сомкнулось. Но она была внутренняя, чисто российская – своя.

Ещё до революции сибирские хлебопромышленники, кооператоры и другой имущий народ захотели отделиться от России и образовать в Сибири свою автономию. После революции они стали люто ненавидеть эсеров, они считали их, и вполне оправданно, авторами этой самой революции и поэтому, имея двадцатитысячную армию, не захотели помогать белым фронтам эсеровского самарского КОМУЧа на Волге и в Приуралье. В конце восемнадцатого года и в начале девятнадцатого те стали терпеть одно поражение за другим и откатываться на восток.

Красные разжимали кольцо, белые продолжали спорить и отступали, а чехи, полностью оседлав железную дорогу, двигались к Тихому океану.

14 октября 1919 года красные вошли в столицу Сибири – Омск, без боя оставленный её главнокомандующим генералом Сахаровым, покинутый правительством и самим Верховным правителем России Колчаком.

С этого и началось.

Большая страна Россия, а путь за Уралом оказался один. Войска белых генералов Капеля, Сахарова, Молчанова, Бангерского, Вержбицкого, Войцеховского, Пепеляева, битые красными, стали уходить на восток; они вытянулись по старому Сибирскому тракту вдоль железной дороги и отступали, оставляя один рубеж за другим, бросая пушки и сдавая Ново-никалаевск, Томск, Красноярск; а в Нижнеудинске чехи забрали у них и отдали большевикам даже самого Верховного правителя России – Колчака.

В ночь с 9 на 10 февраля 1920 года терпевшие поражение белые войска вышли на Ангару между городом Иркутском и озером Байкал.

Командиры колонн разрешили непродолжительный отдых.

Войска и обоз старались подойти ближе к берегу, чтобы запастись дровами и разложить костры. Люди замёрзли и были голодны; многие были истощены так, что не могли этого сделать сами, и тогда те, у кого ещё были силы, стали помогать соседям, и ночная Ангара ближе к правому берегу осветилась огнями множества костров.

Глава 8

– Мать честная! – выдохнул Мишка.

– Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.

– Очнулись, ваше благородие? Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.

– Давай к ним!

– А куда же ещё, тока к ним! Тебя тама-ка признают, Петрович?

– Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.

– Снегу-то, эт можно!

Мишка не понукал лошадь, она и так шла, слава тебе Господи, и думал: «А ну-ка, ежели я встану там, чё будит? Их благородие снова впадут в беспамятство, а в энтой темени признает его хто аль нет?»

– Петрович! А Петрович?! – позвал он через плечо.

Александр Петрович молчал.

«Ну вот, чё я говорил!»

Огни приближались, он думал, вставать ли на отдых, и решил, что «пока што» проедет мимо лагеря, а если и встанет, то на том конце, на дальнем, там, где стоят самые ближние к Байкалу: «Первыми тронемся к морю-батюшке, первыми на нём и будим, а тама поглядим

– Баргузин подует али Сарма! А ежели признают? Мне от этого кака польза? А никакой! Хорошо, ежели спасибо скажут! А ишо ково подложат, хворого, али своими голодными носами учуют чево!...» Гуран шёл прямо на костры, и Мишка машинально стал натягивать вожжи: «... Рыбы-т не жалко, вона её подо льдом немерено! Да тольки разворошат всю поклажу, собирай потом». Мысль о том, как поступить, когда он подъедет к лагерю, как быть с пассажиром, которого Бог послал ему дважды – зачем-то же он это сделал, – застряла в голове: «И отпускал я уже их благородие, так сам на дороге попался! Кто ж его под ноги... подкладывал, што ли?..»

Костры приближались, уже стали различимы отдельные фигуры, передвигающиеся по льду, и Мишка стал забирать правее: «...Ставят караулы, не ставят? Ща бы сюды Кешкину артиллерию!.. Типун тебе на язык!»

От сияния костров ночь казалась необыкновенно тёмной. Рассыпанные по небу звёзды светили как бы ввысь сами себе, ничего не освещая на земле, и тем самым только оттеняли бархатную черноту.

«А можа, сдать его с рук да не брать греха на душу, а то ишо не довезу?» Мишка поддёргивал Гурана правой вожжой, но тот упрямо забирал левее к кострам, к теплу и постою. «Ладно! – Он наконец решил. – Доберёмся до Листвянки, дождём утра, а там видно будит!»

Мишка натянул правую, совсем отпустил левую вожжу и хлестанул маштака кнутом.

Утром 10 февраля передовая Ижевская дивизия вышла у Лиственничной на лёд Байкала. В голове дивизионной колонны образовался небольшой эскорт, в котором ехали сани с простым гробом, в нём лежало замороженное тело генерала Каппеля.

Мишка старался держаться неподалёку. Перед тем как выдвигаться, он накормил горячим ненадолго пришедшего в себя Александра Петровича, дал спирту, и тот уснул, Мишке так показалось проще. Лежащий в санях, заваленный сверху взятыми у Кешкиной жены одеялами, заросший густой щетиной, Адельберг стал неузнаваемым для всех, кому мог быть знаком в колонне, и, если кто-то из воинских начальников спросил бы: «Кого везешь?», Мишка мог бы ответить в зависимости от обстоятельств.

Авангардная колонна тронулась из Лиственничной. Мороз, доходивший утром до тридцати градусов, стал смягчаться, но поднялся сильный низовой ветер. Лошади, голодные и иззябшие, из последних сил тянули сани, на которых сидели и лежали по несколько человек, и с трудом преодолевали версту за верстой. Под ними был саженный, прозрачный, как стекло, лёд, над которым летел, скользя и не задерживаясь, снег. Ветер дул ровный и сильный, он выдувал не поставленных на зимние подковы и вообще давно не кованных, ослабевших лошадей вместе с санями, и тогда люди бросались на помощь, но лошади ложились на лёд и уже не поднимались, и тогда их бросали – и их, и сани. Из унесённых ветром саней Мишка взял в свои ещё двоих человек, таких же больных, как Александр Петрович. Низкорослый лохматый Гуран клёкал широкими копытами по льду и косил то левым, то правым глазом на своих исхудавших, еле-еле поднимавших копыта товарищей, которые совсем недавно, но, казалось, уже в другой жизни, были статными, строевыми красавцами.

От Лиственничной колонна вытянулась чёрной длинной нитью с юга на север до мыса Голоу́стный. От Голоу́стного колонна повернула направо, пересекла озеро, и к ночи её голова дотянулась до станции Мысовая, оставляя на своём пути заметаемые снегом брошенные сани и лошадиные трупы.

В Мысовой Мишка заехал к родне, оставил им на подкорм Гурана, запряг его старшего братца, с рук на руки передал докторам привезённых больных, и с Александром Петровичем, который весь переход был в беспамятстве, подался в тайгу.

Глава 9

Где-то близко что-то сильно хлопнуло, похожее на выстрел.

Александр Петрович очнулся и закашлялся.

– Чё, Петрович, никак прохватился? Долго-онько же ты...

Дальше слов Александр Петрович не разобрал, не узнал и голоса говорившего человека, хотя тот показался ему знакомым.

– Слышь, Петрович! Дай-ка, што ль, я покормлю тебя?

Кто-то, кто с ним разговаривал, был ему определённо знаком, но он не мог его вспомнить, надо было открыть глаза. «Нет, сначала вспомню...»

– Щас чевой-то принесу... – услышал он.

«Кто это? Откуда? Я же только что был с Анной, она была здесь, рядом, ну конечно! Мы сидели за столом, она отпустила повара и вышла... за чем-то. Чей это голос?»

Что-то заскрипело, похожее на дверь, и опять хлопнуло, и отчётливо послышалась негромкая речь того же человека:

– Вот погоди, щас только печку раздую, и будет тебе похлёбка, целебная. – Говоривший это чем-то гремел и звенел, что-то глухо ударилось, похожее на стук полена, упавшего на деревянный пол.

«Если Анна только что была здесь и мы сидели с ней за столом, то почему я... лежу?»

Александр Петровичу показалось, что человек, который с ним разговаривает, находится очень близко, ходит, кричит, гремит железом и стучит чем-то деревянным. Стало тепло, даже немного вспотел лоб, он дрогнул рукою вытереться, но рука была тяжёлая. И пахло кислым и дымом, будто выделанной шкурой дикого зверя.

Он открыл глаза.

Он лежал на лавке у глухой стены из толстых, едва ошкуренных брёвен, проложенных мхом, кое-где сивыми бородами свисала пакля. Справа через узкий проход дышала теплом белёная стена.

Александр Петрович был укрыт большой шкурой шерстью вниз, он только что её нащупал потерявшими чувствительность пальцами.

Он стал осматриваться.

За стеной кто-то возился, наверное, с печкой и дровами, и разговаривал, проход туда был занавешен рядом.

Он совсем не узнавал этого места: «Анна не могла быть здесь, значит, она мне приснилась!»

– Щас, Петрович, щас, погоди чуток, щас я тебя подкреплю!

Рядно отодвинулась, и в комнату, горбясь и держа обеими руками грубо сколоченный табурет, на котором стояла глиняная чашка с торчащей деревянной ложкой, вошёл человек. Он поставил табурет у изголовья и шумно выдохнул:

– Очнулся, слава тебе, Господи! – и перекрестился.

Человек с трудом поворачивался в узком проходе между лавкой и белёной стеной; устроив табурет, он присел. Тут Александр Петрович увидел, что в углу, напротив, под самым потолком, на полочке-божнице стоит тёмная, почти чёрная икона и лик на ней едва-едва угадывается.

– Святой Пантелёймон, угодник наш. Старая икона, семейная, древлего письма. Вот накормлю тебя и маслица в лампадку подолью, и светлей будит, и ты помолишься. А щас дайка я тебя приподыму.

Человек низко наклонился над Александром Петровичем, почти касаясь бородой; от него пахло дымом, звериными шкурами и морозом; он приподнял Александра Петровича за плечи и подбил свёрнутую кулёму в изголовье.

– Ослаб ты совсем, Петрович! Как с Байкала-т пришли – так ты три седмицы в себя не приходил. У меня уж и опаска появилась, что помрёшь, – человек встал, поклонился иконе и снова перекрестился, – прости, Господи!

Александр Петрович попытался пошевелить губами, чтобы спросить, где он.

– Ты, Петрович, покаместь молчи, тебе гуторить не надо. Ты покеда в бреду металси, много чево наговорил, открывай-ка лучше рот.

Александр Петрович попытался открыть рот, но получилось какое-то неуверенное шамканье, губы слиплись, и во всём теле он ощутил слабость. Человек грубыми, шершавыми пальцами оттянул за подбородок ему нижнюю челюсть и между разлипшимися губами влил из ложки тёплую вязкую жидкость.

– Ты только глотай, не выплёвывай.

Александр Петрович с трудом продавил глоток.

– Скуса оно, конечно, в энтот поиле нету никакова, а пользы-та – куды с добром, – энтот толчёный овёс на медвежьем жиру. Ты не жуй, не жуй – так глотай. А я поведаю тебе... да ты, видать, и не признал меня! Мишка я, Гуран! Припамятовал поди?

Александр Петрович продавил второй глоток.

В сумерках полутёмной комнаты над ним нависал огромных размеров мужик, под самые глаза заросший чёрной бородой.

– Не вспомнил?!

Александр Петрович отрицательно повёл головой.

– Ну ин ничево! Ещё вспомнишь, вот я поведаю тебе – так ты и вспомнишь. На станции мы с тобой повстречались, за Зимой, посла как чехи тебя и тваво ахвицерику арестовали. Ты ишо шалон с золотишком провожал. Вспомнил? Шинелишка на тебе бравая была. Так я тебя на свои сани посадил. Ну, не вспомнил? А и нет, так не беда!

Александр Петрович смотрел на мужика, назвавшегося Мишкой.

«Анны здесь нет!.. Золотишко? О чём это он?»

– ...Покеда ты в бреду лежал, так всё распетрёшил: и про службу свою, и про жёнку, Анкой кличут! Так? Тока отчества я еёшного не разобрал, Савельевна, што ли?

– Кса...

– Молчи, молчи! Энтот сейчас не ко времени, посла побалáкаем. Так вот! От энтот станции мы с тобой много вёрст в моей кошёвке пробежали, в обозе. А потом я ссадил тебя, перед самым Иркутском, а то не прошли бы мы через красные кордоны. Ты потом с чехами, видать, маленько проехал, а да́ле на льду я тебя нашёл, уж за Иркутском. Хвóрого! Не вспомнил?

Говоря это, Мишка ложку за ложкой подносил к открытому рту Александра Петровича; сначала глотать было больно и мучительно, и ложки после десятой Александр Петрович закрыл глаза.

– Ну поспи! Тапэря опасаться нéча, раз уж в себе пришёл. Спасибо святому Пантелёй-мону-врачевателю! – И Мишка снова перекрестился на образ. – А ты пока засыпайшь, я тебе и поведаю. Глядишь, и припомнишь чего!

Александр Петрович почувствовал, как он начал проваливаться куда-то глубоко; Мишка то растворялся и терял очертания, то появлялся и говорил не умолкая; он узнал этот голос и вспомнил, кто такой Мишка; а иногда ему казалось, что на его месте сидит только чья-то тень; он силился снова увидеть Анну, и в это время слышал урывками:

– ...перед тем как тебя на льду увидеть, с Кешкой я постречалси, энтим... он от вас оборóнь держал... и ещё таких же, как он, два варнака с винторезами...

Александр Петрович увидел, как из темноты на него надвигается Александр Третий, он попытался до него дотронуться, но вместо холодного металла почувствовал тёплую Мишкину посконную рубаху.

– ...а тут слышу, колоколец звенит, адáли стафёта почтовая по льду гонит, дак и не поверил даже...

На санной тройке с колокольцем к нему ехала Анна, к иордани, где он хотел набрать святой воды.

– ...ну а дале, тут и ты прохватился, ваше благородие, это уж мы почти што к лагерю подбежали, ты сказал, что домой торопишься, и останавливаться не велел...

«Врёшь! Я сказал: «К ним!» Дальше не помню!...» И он глянул на Мишку через щёлочки глаз.

– ...а тама народишу, всё голодные, холодные, глазища только на лице одне... Сарма дуйт, сани с людишками на Байкал уносит, тока все за Каплина-инерала, то есть за домовину его, и цепляются... которые неподалёку от него телепáлись, те и выбрались... про других не знаю, они всё позади остáлись...

– А ты? – Александр Петрович стал понемногу укрепляться в сознании.

– А я, ваше благородие, подумал, што всеми силами не отдадут они его, ежели не бросили и красным не отдали, дак и Байкал-моря не отдадут, и держался вблизь, как мог. Строгий рядом с ним начальник ехал...

– Полковник Вырыпаев? Василий?

– О! Вишь? Ваше благородие, как память тебе овёс толчёный даёт... щас ещё чей-то похлебаем.

Уставший Александр Петрович отрицательно покачал головой, но Мишка его уже не видел и не слышал, взял миску и вышел за занавес.

Александр Петрович начал чувствовать, как к нему понемногу возвращаются силы, напрягся и положил руки поверх полости, память тоже возвращалась, иногда он ещё куда-то уплывал, но воспоминания становились всё явственнее, твёрже и начинали срастаться своими окраинами, кроме тех моментов, когда он был в забытии. Как они переправились через Байкал и как он оказался в этой комнате, вспомнить не смог.

Мишка, по-медвежьему сгорбавившись, протолкался через занавес, он держал в руках деревянную посудину, из которой поднимался пар и исходил приятный запах.

– Черёмуха! Невестушка наша, таёжная. Из неё отвар. Ты только руками не цапай, в их силы у тебя пока нету, губами, губами прихлебни, края не горячи. Укрепись маленько, а то посла медвежьего жиру я тут с тобою набегаюсь. – Он взял ступку в руки и поднёс её к губам Александра Петровича. – У вас такая в столицэх, поди, и не растёт?

– Растёт, Михаил, отчего же!

– Ну коли растёт, значит, знать должен, что целебная очень, особливо для кишок. Ты в беспамятстве ел, почитай, с пятого на десятое, да и помногу-т нельзя. Тиф тебя заел и грудная огневица. Когда сил прибавится, ты рукою по башке-т проведи! Всего тебя оскоблить пришлось! Так-то!

Александр Петрович попытался поднять руку.

– Не-е, этого щас даже не думай!

Александр Петрович всё же напряг мышцы и подтянул руку к подбородку, дальше сил не хватило.

– Ты, Петрович, видать, интересуешься, где ты оказался?

Александр Петрович кивнул.

– Далече я тебя увёз, далече! – Мишка сказал это как будто даже с сожалением. – Есть у мене интерес к твоей перьсоне, однако нынче не энто важно. – Он помолчал и негромко добавил: – Не доездили бы тебя...

Александр Петрович посмотрел на него.

– Твои как до Мысовой добрались, так сразу лагерем стали, их тама японцы дожидали и атаман Семёнов. Не сам, конечно, а энти его...

– Представители!

Мишка даже хлопнул себя по коленям:

– Ах, как шустро ты на поправку-т пошёл! Любо-дорого глядеть! Тока ты не торопись. – Он огладил бороду и продолжал уже не так радостно: – Ну, которые хворые были, их по вагонам растолкали и отправили до Читы. Тама дохтора, гошпиталя, одначе по дороге много народу помёрло, особливо тифозные, потому как их сразу в тепло перенесли. Покеда они по морозу ехали, в санях, значит, мороз тиф-то отпугивал, а как в тепло... – Мишка снова поднёс посудину с отваром к губам Александра Петровича. – А я у знакомцев своих тебе отмыл, как хряка палёного оскоблил, спиртом напоил, одёжу твою всю пожёг! Тока бумаги оставил.

Он достал откуда-то кисет, помял его и убрал.

– Здеся ты далёка от всех: от Байкала далёка, от красных – далёка, от всех далёка. На заимке ты моей, в тайге. Тута тока буряты промышляют, да я! Так-то! Щас я тебе ишо чё принесу, хлебнёшь, и спать, щас тебе силы надо набираться, а посля нагуторимся. Ты обскажешь мне – чё было, а я тебе – чё будит! Поворотись-ка на бок, я тебя подсушу малость да маслицем спину протру. – Он откинул полость, подхватил Александра Петровича под правый бок и повернул на левый. – Ухватись рукой, тама у щели, у стены и полежи так, а то у тебе вся спина сторит!

Александр Петрович уже довольно долго лежал на боку, спина была голая, её то грело, то знобило. Мишка пока не шёл.

«...через Байкал меня перевёз, в Читу не отправил... От всех далеко... Это значит, что мы сейчас в глухой тайге... Добрый он мужик, но что-то ему от меня всё же надо! И про золото напомнил!»

Он всё вспомнил, как сопровождал эшелон в три вагона с частью золотого запаса, вспомнил долгие разговоры с артиллерийским поручиком Михаилом Сорокиным, вспомнил арест чехами, станционную каталажку, знакомство с мужиком Мишкой, Рыбную пристань в Иркутске, пулю...

«Пуля! Неужели Мишка её выкинул или обронил, не заметив. Жалко будет! Надо спросить!»

Мишка ввалился в комнату, снова что-то держа в руках, Александр Петрович, лёжа на боку, не разглядел.

– Ну как? Дай-ка!.. – Он провёл шершавыми пальцами по его спине. – Эх, ваше благородие, берёг я тебя, да не уберёг! Не бравая у тебя спина. Полежать бы тебе так с денёк, она бы и подсохла. Я щас маслицем помажу, а ты постарайся энту ночку поспать вот так на боку или ничком, не укрываясь, тута тёпло! А пока оборотись, я тебе дам чего хлебнуть для сна.

Александр Петрович, поддерживаемый Мишкой, лёг на спину – спина горела.

– Потерпи маленько, да вот, глотни. – И он поднёс склянку, наполненную мутноватой жидкостью. – Это травка такая, бурятская. Хлебнёшь, скока сможешь, поверну тебя, и спи.

– А какой сегодня день?

– Март на дворе, пятнадцатое.

– А время?

– Ночь уже, спи, Петрович!

Лежать на боку было неудобно, временами он захлёбывался кашлем; настой, которым напоил его Мишка, отдавал горечью; сон то приходил, то пропадал, и Александр Петрович будто качался на волнах. Впадая в забытьё, он видел много людей: они на санях и пешком,

тяжело и громоздко одетые, в бесформенной обуви непомерных размеров, шли по бесконечному белому льду зажатой вертикальными скалами реки; её берега поросли серыми, как будто бы каменными, засыпанными снегом деревьями; потом людей сдувало ветром, он бежал, но не мог их догнать, и тогда уже какие-то другие люди гнались за ним и возвращали его в череду бредущих по льду; потом эти люди ехали в вагонах, заставленных гостинной мебелью. Среди их бесконечной вереницы появлялся и исчезал маленький мальчик в чёрных лаковых туфлях, матроске и смешной детской бескозырке, задранной на самый затылок; но он не мог разобрать его лица. Иногда ему казалось, что это он сам, в детстве, а иногда, что это его сын. А то он явственно слышал, как за стеной возится Мишка, и он понимал, что это Мишка, потом всё стихало, и он силился перебороть желание повернуться на спину, потому что перевернуться на другой бок сил не было. Под утро он заснул.

* * *

– Петрович, а Петрович, просыпайся, день уже, всё счастье своё проспий.

Александр Петрович с трудом открыл глаза. Рядом, будто бы и не было ночи и сна, в тех же сумерках сидел Мишка. На табурете стояла лохань и лежало чистое полотенце.

Александр Петрович пошевелил руками и даже попробовал приподняться.

– На-ка, вот тебе вода ключевая и убрус, обтерись, а я тебе потóмака спину обтерú, – сказал Мишка и вышел.

Александр Петрович почувствовал в себе силу, и ему захотелось, чтобы в комнате было побольше света.

– Михаил! – попросил он. – Можно полость отдёрнуть?

– А как же, ваше благородие, энто с нашим удовольствием. Свет денной – любой твари родной. Так-то!

Мишка встал, сдвинул ряднину, и в комнате стало немного светлее.

«Ну что ж, хоть так!»

Александр Петрович смочил полотенце, обтёр лицо, грудь и почувствовал свежесть. Мишка снова зашёл, повернул его на бок и намазал спину чем-то пахучим.

– Щас вашему благородию завтрак будет.

После завтрака, на который Мишка принёс ту же пресную безвкусную жижу, снова захотелось спать, но Мишка сказал:

– Не-е, Ляксандра Петрович, щас тебе спать негоже, щас я тебе лечить буду. Видать, огневица твоя грудная не вовсе прошла, ты ночью так кашлем заходилсь, я думал – захлебнёсси ненароком. Подставь-ка ладонь... – Мишка из-под лежака поднял глиняный горшочек, снял с горлышка тряпицу и подковырнул заскорузлым чёрным ногтем полупрозрачный янтарный жир, – ... натри грудь.

От жира исходил удушливый запах, Александр Петрович поморщился, но откинул полость и задрал под подбородок рубаху.

– Не морщись и нос не вороти, энто тебе не пирьмидонт с пирьмезантом, энто жир барсучий, по-особому приготовленный, втирай-ка вот!

«Пирьмидонт с пирьмезантом» рассмешил Александра Петровича, и он закашлялся.

– Да ты не усмехайся, а то вовсе задóхнешься, вон кака кашель тебя бьёт.

Александр Петрович почувствовал, что сил за ночь у него прибавилось.

– Михаил! – спросил он прерывающимся голосом, втирая жирную массу. – Ты говорил, что живёшь в деревне, дочь там у тебя и внучки, что поп ваш к красным убежал... – Александр Петрович оторвал взгляд от груди и посмотрел на Мишку.

– Батюшка! – поправил тот. – Так и правду баешь. – Сидя на табурете, Мишка развёл руками. – Так и есть! И дочка, и внучки...

– А отчего ты не с ними?

Мишка молчал и поглаживал бороду, когда его ладони доходили до самого низа, он хватывал пальцами конец бороды и слегка дёргал, как бы испытывая, крепко ли она приросла, и смотрел в одну точку. Александр Петрович глядел на него и понимал, что, наверное, сам того не желая, он затронул чувства этого человека, спасшего ему жизнь, но он не просил Мишку его спасти и не просил ни о чём рассказывать. Он потянулся рукою к Мишкиному локтю, тот вздрогнул, огладил колени своими грубыми, как корни старого дерева, руками и внимательно посмотрел на Александра Петровича.

– Отказало! – коротко сказал он и резко ударил себя по коленям. – Отказало мне общество в сожительстве!

– А что так? – Александру Петровичу захотелось что-то выяснить об этом человеке, во власти которого он оказался, хотя каково это будет – лезть к нему в душу. – Но если тебе не с руки, Михаил, ты не говори, это твоё право.

– Отчего же, ваше благородие! Отчего же! – Он ненадолго задумался. – Травники мы. По всей тайге все травы знаем. Ишо дед мой копал, и сушил, и толлок. И всё по добру было! И корни, и травы, и от зверя чего брали, и желчь, и ишо чего много. Батка научился у деда, тот у бурятёв, а я у батки, потому святой Пантелёймон и есть наш заступник и учитель!

– И так много лет?

– Много, ваше благородие, много. Я ж говорю, и дед, и батя...

– Так отчего?..

– Отчего да отчего?..

Александру Петровичу показалось, что в глазах Мишки блеснули слёзы.

– Собрали сход и указали, мол, иди на зимовье... и весь сказ...

Александру Петровичу стало интересно.

– Вот прямо так и указали?

– А как ишо? Прямо так и указали!

– А кто был на сходе главный?

Мишка резко поднялся с табурета и в полшага вышел в соседнюю комнату, там он долго гремел, шуршал, что-то с деревянным стуком падало у него на пол, и вдруг он почти крикнул, только крик получился сиплый, сдавленным горлом.

– Батюшка! – Он откашлянул и тихо добавил: – Батюшка сказывал обществу, что рядом со святой церковью не должно быть знахарей, что с чёртом они водятся! – И опять у него что-то загремело.

Как ни болела у Александра Петровича грудь, он опрокинулся лицом в мягкую кулёму, которая лежала у него под головой, и расхохотался: «Вот так дела! Батюшка выгнал лекаря из деревни, а сам подался к красным! Новомодный какой-то батюшка!»

Александр Петрович заставил себя не смеяться и прислушался – Мишка возился за стеной.

«Слава богу, не услышал!»

– Михаил! – уже успокоившись, вытерев слёзы и отсморкавшись в оставленное хозяином полотенце, позвал он.

– Чё тебе, Петрович?

– А позволь я тебя ещё спрошу?

– Спроси, чё не спросить?

Александру Петровичу показалось, что он услышал в голосе Мишки боль и горечь.

– Михаил, как же так получается? Батюшка тебя выгнал, сам к красным убежал, а что сейчас твоё общество? Не разрешает тебе вернуться? К дочке и внукам – батюшки-то нет!

– Батюшки нет, а общество опасается!

Мишка сказал это и появился на пороге с дымящейся миской в руках, поставил на табурет, вышел и вернулся со склянкой и двумя дешёвенькими городскими лафитниками мутного стекла.

– Нак вот, шулю похлебай, тута чисто мясо, да вода да соль, ну и корешки каки да травки, как без них! Да и... – Мишка хрипнул в кулак, – за оздоровление твоё!

Он перекрестился на образ, поклонился и зашевелил губами, и Александр Петрович услышал в тишине Мишкин шёпот:

– Старотерпиче святой и целебниче Пантелеймоне, моли милостиваго Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим...

В комнате пахло варёным мясом и душистыми травами.

Александр Петрович перекрестился одновременно с Мишкой, тот покосился на него и сказал:

– А вроде, Петрович, не по-нашему ты крестись!

Александр Петровичу не хотелось объясняться, он почти перестал чувствовать слабость, тревогу, боль в груди, и только сказал:

– Народы, Михаил, разные, а Бог один, как ни крестись, – и сам удивился тому, что его слова были похожи на проповедь какого-нибудь батюшки из сельского прихода.

Мишка вздохнул, присел на лежак, подал ложку с парящим бульоном и разлил по лафитникам жидкость оттенка светлой сирени, от которой пахло спиртом.

– Особое снадобье, тоже от бурятёв научились – зюбрийный зародыш, в водке настоящий, много сил даёт.

Александр Петрович с удивлением посмотрел на Мишку.

– Матку бьют, када она брюхатая ходит!

Александр Петрович поднял лафитник на просвет, посмотрел на мутную жидкость и принахался.

– Не нюхай, пей единым духом, да вот медку зачерпни, и я с тобой заодно, покеда пост Великий не начался!

У жидкости был неприятный привкус сырого мяса, мёд его перебил, и в груди стало тепло.

– Свой мёд? – зачем-то спросил Александр Петрович.

– А чей? Вона весь омшаник бórтью забит, под самый охлупень. – Мишка собрал всё на табурет и тяжело вздохнул. – Ты спрашиваешь! Да разве б я ушёл, от своих-то? Село у нас больно хорошо, в скольких верстах всего-то от Байкала-батюшки, и река, и тайга. Да только общество мне отказало в сожительстве. Потому я здесь и обретаюсь, а дочь и внучки тама остались, чего им в тайге делать? – Он помолчал. – Я их проведаль уже и гостинцев свёз, были очень даже радые. Када снегом тропки не заваливает, наезжаю к ним, кабана привезу али сохатины, снадобий каких, а у них хлебушком раздобудусь. Так и живём. – Он тоже выпил и зачерпнул мёду. – А ить, Петрович, мужики-то у нас, даже те, хто с германской повертались, и не белые и не красные... один только ирод нашёлся...

– Батюшка?

– Дак какой он таперя батюшка? Так, прозвание одно. А мужики все при хозяйстве, зверя бьют, рыбу ловят, лес валят, мёд качают, на лужках да на таёжных полянах сено косют, скотина опять же! Сытно живут. Тока работай, горя знать не будишь. Не то что ваши, росейские, голь перекатная...

– Помню, Михаил! Ты мне рассказывал, как у вас егерь гостил. – Александр Петрович сел и попытался спустить вниз ноги.

– Дай подсоблю, тока покуль ходить не пытайся, упадёшь ненароком. – Он продолжал: – Живи себе и живи, а тута на тебе, война германская, революция... – Он вздохнул. – Чё таперя будит, как жить?

– Получается, что общество совсем с тобой рассталось?
– Не, не рассталось, сюды бегают, када хворь кака приспичит, только тайно. Да как энту тайну сохранишь? Все знают.
– А обратно не зовут?
– Не зовут...
– Отчего?
Мишка подбоченился:
– А хто знает, кака власть придёт? А ежели снова энто поп...
– Батюшка! – в шутку поправил Александр Петрович.
Мишка исподлобья посмотрел на него.
– Прощу извинить, Михаил!
– ...так я и говорю! А што ежели энто... батюшка снова в деревню пожалует, да с новой властью в обнимку, об чём тада мужикам кумекать? Поздно будет!
Мишка взялся руками за табурет, намереваясь вынести его из комнаты.
– А новости откуда узнаёшь? – спросил Александр Петрович.
– Када как! – Он поставил табурет и снова присел. – Када сам до станции доеду, за порохом али ишо за чем, када рыбаки с Ангары да с Иркутска придут али охотники из Верхнеудинска. С тобой вона скока вёрст пробежали, опять новости! – Он тяжело поднялся. – А так что ж? Все жить хотят! Так Христос завещал: всем божьим тварям надобно давать жить!

Глава 10

Прошло около двух недель, как Александр Петрович очнулся и обнаружил себя на Мишкином зимовье. Он понемногу поправлялся и уже сам выходил во двор, окреп; его отпустил кашель, только после тифа глаза видели ещё плохо.

Стоял погожий день, солнце поднималось всё выше и томило снег на покато́й крыше омшаника.

«Вот тебе и Сибирь-матушка! Мороз даже днём, и лёд на Байкале в сажень, а голову...» Александр Петрович почувствовал затылком и лопатками, как припекает через толстый мех шапки и кожуха. Он воткнул в колоду топор, положил рядом оселок, распрямился, снял с руки суконную варегу, заткнул за пояс и полез под полу кожуха за табаком.

Всё это время, пока выздоравливал, он думал о том, что оказался в тупике, в глухом медвежьем углу, из которого надо как-то выбираться, и помочь ему в этом мог только Мишка, зачем-то спасший ему жизнь. Мог и помешать.

– Угостишь, Петрович? – услышал он Мишкин голос.

Александр Петрович усмехнулся.

– Почему же не угостить, – крикнул он в ответ, – табак твой! – Он не спеша достал кисет, встал и медленно пошёл к тыну, отделявшему омшаник от огорода и заимки. Мишка тоже бросил свою работу – новую оглоблю, которую тесал топором, и так же не спеша двинулся навстречу.

«Сближаемся, как на дуэли, – невольно подумал Александр Петрович, – только команду услышать «Стреляйте!», и будет как Пушкин и Дантес на Чёрной речке».

Пролетавшая высоко над ними чёрная ворона видела, как с двух сторон навстречу друг другу почти с равного расстояния по снежной целине шли два человека, разделённые чёрной линией тына; они шли медленно, отбрасывая на белый снег синие тени. Для дуэлянтов с Чёрной речки они были одеты необычно: в старые лисьи малахаи, овчинные тулупы и подшитые толстые чёрные валенки; у одного и у другого из-за пояса торчало по варёге.

Мишка подошёл к забору первым.

«Его выстрел, – подумал Адельберг. – И я убит!»

– Чур, моя газетка! – сказал Мишка.
«Ну если это и есть цена выстрела!..»

Мишка только вчера вечером вернулся из Мысовой; по дороге треснула одна оглобля на его санях, и сейчас он тесал новую. Он приехал к ночи, сразу повалился спать, и Александр Петрович не узнал никаких новостей, которые Мишка обычно привозил, он только буркнул, что «всё с утра!».

– Ну вот, Петрович, – сказал Мишка, разглядывая наполовину обтёсанную оглоблю. – Не серчай, что вчера ничё тебе не сказал, больно уставший был. – Он прислонил оглоблю к тыну. – А новость вот кака – видать, ханá твоим! Чё дальше делать-то? – то ли сказал, то ли спросил он и обтёр руки об кожух.

Александру Петровичу с самого утра не терпелось узнать, что за новости привёз Мишка, да и сказано было, что «про твоих», однако он его уже хорошо изучил и не торопился: знал, что сибиряки торопливости не уважают. Мишка, до этого молчавший всё утро и, как назло, взявшийся вместо разговора о новостях тесать оглоблю, сейчас неторопливо доставал из-за пазухи сложенную в несколько раз половинку листа, судя по цвету, свежей газеты и стал отрывать четвертушку, оторванное разорвал ещё пополам и залез в поданный Александром Петровичем расшитый бисером кисет, тоже Мишкин, как и табак. Александр Петрович оценил размер оторванной закрутки, понял, что она будет большая, а значит, и разговор, наверное, будет длинный, и краем глаза заметил Мишкин внимательный прищур.

«Ну-ка, ну-ка, – подумал он, – наверное, хочет, чтобы я прочитал этот клочок! Нет уж, не буду я при тебе устраивать суету! Если взялся говорить про новости – говори!»

Он взял протянутый листок и, как тот был «вверх ногами», стал наворачивать вокруг указательного пальца, делая тонкий и длинный конус. Завернув бумагу, он не торопясь провёл языком по краю листка, заклеил, повесил готовый конус тонким хвостиком себе на губу и из кисета насыпал в ладонь табаку. Затянул шнурок, спрятал кисет под полу и снял завёртку с губы, согнул на половине на манер курительной трубки, и с ладони, как из кузовка, стал зачерпывать табак. Последние крошки, пошевеливая пальцами, ссыпал внутрь, не проронив при этом ни одной на снег, верхние края козьей ножки скрутил в жгут, передохнул и взялся за кресало.

– Ловок ты, Петрович! Ай ловок! Глянь, ни одной крошки не сронил и запалил-то как ладно.

Александр Петрович прикурил, затянулся, поднял голову и пустил тонкую струйку густого желтоватого дыма поверх Мишкиной головы, затянулся ещё раз и выпустил дым кольцами.

Мишка смотрел из-под мохнатых, соединившихся с мехом малахая бровей, как кольца улетали и медленно, кривясь и распадаясь, растворялись в воздухе.

– Да-а, Петрович! Мастак ты, ничё не скажешь! Сколько смотрю, да дивья дивлюсь. У нас обездчик был, злючий гад, но кольца изо рта выдувать тоже мастер был великий, вроде тебя!

Александр Петрович знал, что эта городская манера пускать кольца табачного дыма очень нравилась Мишке. Тот затянулся, но сам колец пускать не стал, чтобы не опозориться.

– Какой «конец»? Какие «твои»? Ты о чём, Михаил?

Мишка на секунду задумался.

– Ты газетку-то завернул, а не прочёл, а газетка-т иркутская! Тама всё и прописано.

– Так о чём?

Мишка помолчал и раздумчиво продолжил:

– В Мысовую я бегал, на толковище был, у пристани. Тама Кешку видал, знакома с того берега, с Листвянки, эт который в тебя стрéлил, когда ты от Иркутска по льду шёл.

Александр Петрович ухмыльнулся.

– Большим начальником заделался Кешка в ихней Чеке, он мне и рассказал. – И Мишка поведал свой разговор с Кешкой в лицах. – «Слышал, – спрашивает, – новость?..» – и эдаким манером закрутку заслюнявил, а табачок, заметь, Петрович, мой! «...Беляков, – говорит, – под Читой зажали, что твою пробку в узком горле!..» – «И чё?» Эт, значит, я его спрашиваю! Ну прикурил он, раздымился, а я его: «А дальше чё?» – «Чё! Чё! – говорит. – Расчёкался, гуранская твоя душа! Живёшь как пчела в колоде, а мы там...» – «А чё вы там?» – спрашиваю. «Опять чё!» Эт, значит, сызнава он. «Знаешь, скока, – говорит, – белой сволочи тама в Чите и в окрúге? Всех выловим и укорот дадим! В расход то есть! Вот чё!»

Александр Петрович слушал Мишку и мысленно представлял себе, где находится Чита и где через неё проходит железная дорога.

«А ведь и правда, если красные займут позицию с юга и отрежут от Маньчжурии, получится похоже на бутылочное горлышко, а мы в нём как пробка!..»

– Надоела энта война! – сказал Мишка, затягиваясь и выпуская густой дым. – Злобы-то, лиха да горя людского скока!

– Да уж! – глядя на снег, тихо ответил Александр Петрович.

Солнце было в зените и до рези обжигало глаза ярким светом, отражённым от блистающего снега.

Они стояли и пыхали дымом.

«...И дадут укорот!» – подумал Александр Петрович.

Мишка ногтем сбросил огонёк со своей козьей ножки, приплюнул на неё, примял большим пальцем чёрный обугленный табак и глянул из-под козырька ладони на солнце:

– Но тока и энто не всё!

Александр Петрович удивлённо глянул на него.

– Исть будем, побалакаем и поглядим, как дальше жить. – Он помолчал и, уже повернувшись идти дотёсывать оглоблю, сказал: – А с Кешкой батюшка был – наш, да только мы разминулися.

Новость о ситуации под Читой была нехорошая, если красные одолеют, то граница с Маньчжурией окажется запертой. Александр Петрович отошёл от изгороди, вышиб из колоды топор, сунул за пояс и пошёл к омшанику; дверь омшаника была настежь распахнута, и вход над ярким белым снегом зиял чёрным провалом.

Александр Петрович глянул: «Хм, как тогда! Как похоже...»

Он остановился – этот зияющий чернотой провал напомнил ему маленькую железнодорожную станцию к востоку от Новониколаевска, на которую он попал в начале девятнадцатого года; от станции на юг уходила бесконечная Щегловская тайга до самого Алтая и Монголии.

В тот день из штаба находившейся в Новониколаевске 1-й армии генерала Пепеляева Адельберг с телеграфной командой и отделением охраны приехал на нескольких дрезинах на затерянную в тайге станцию. Вчера на неё напали партизаны и нарушили связь.

Станцию охраняли два десятка уральцев, но, когда Адельберг приехал, они лежали в ряд недалеко от насыпи в одном исподнем. Их трупы партизаны сложили на снег и облили водой. Стоял лютый мороз, вода замёрзла, и они лежали в прозрачном панцире и глядели в небо ледяными глазами. Тут же, напротив деревянного зданьица станции, стоял вагон-теплушка, и, когда телеграфисты оттолкали примёрзшую дверь, они увидели красных партизан, которые были развешаны по стенам вагона с содранной лоскутьями кожей, поэтому они действительно казались красными. На их освежёванных телах были хорошо видны мышцы и сухожилия, как в анатомическом атласе, и под каждым горкой стояла замёрзшая кровь. Партизан было десять, а между ними висел одиннадцатый – распятый, как Христос, на толстых кованых гвоздях. С него кожу не содрали, только на груди она была вырезана от соска до соска в виде большой красной звезды. Сама звезда лежала в середине вагона на полу, а в углу большим гуртом – кожа остальных.

В здании станции мертвецки пьяными вповалку спали невеста откуда взявшиеся здесь забайкальцы атамана Семёнова, расправившиеся с этими партизанами. Их было около двадцати, не спал только один подхорунжий, он клевал носом около пулемёта. Рядом с ним на корточках сидел полубездыханный пожилой начальник станции и молча дрожал в истерике, потому что всё произошло на его глазах. Увидев это, Адельберг поймал себя на мысли, что ему хочется дать команду расстрелять пьяных забайкальцев, но он понял, что это и есть та самая бесконечная бойня, и тогда он позвал старшего из прибывшей с ним команды телеграфистов. Тот, с круглыми от ужаса глазами, враскоряку подбежал на разъезжавшихся по обледенелому снегу ногам.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!!! – У него тряслась челюсть и дрожали руки. – Что прикажете, господин полковник?

– Успокойтесь, Кузьма Ильич, – сказал он прапорщику, хотя от увиденного его самого била дрожь. – Вы не первый раз видите мёртвых людей. Скажите, сколько времени потребуется вашей команде на выполнение ремонтных работ?

– Господин полковник! – У старшего телеграфиста мысли разбегались, и он не мог сосредоточиться. – Извините меня великодушно, но я ещё такого зверства, Господи помилуй, не видал! Дело в том, – продолжая дрожать как осиновый лист, он пытался что-то доложить, – что пока неизвестно, сколько надо перетянуть проводов, а из-за этого кошмара я не успел посмотреть, что с телеграфным аппаратом.

Адельберг слушал прапорщика и, сопротивляясь собственным мыслям, думал о том, что ему сейчас придётся отдать неожиданную команду – собрать трупы и похоронить. Адельбергу почему-то казалось, что эта команда должна будет сразить прапорщика Тельнова наповал, он понимал, что после того, как линия связи будет исправлена, он вполне мог бы связаться со штабом, доложить о ситуации, попросить прислать похоронную команду и больше никогда об этом не вспоминать. Но эти тридцать убиенных... Тридцать один!

Адельберг посмотрел на хронометр, было пять часов вечера, через час стемнеет.

«Да, – подумал он, – они смёрзлись так, что целёхонькими пролежат до весны. Казаков не поднять, этих, прости Господи, пьяных. Тех-то уже и без того не поднять, и мои сейчас тоже никаких проводов уже не перетянут, так что...»

Он оторвал взгляд от хронометра и увидел, что прапорщик Тельнов ещё рядом и, похоже, немного успокоился.

– Вот что, уважаемый Кузьма Ильич! Отправьте несколько человек по линии – пусть посмотрят, сколько надо менять проводов, да пусть они же на дрезине в штаб и отправляются, чтобы завтра вернуться со всем необходимым. Так что сегодня ремонтных работ как таковых я не предвижу. А поэтому, Кузьма Ильич, – тут Адельберг, неожиданно для себя и совсем неожиданно для прапорщика, положил ему руку на плечо, – остальных соберите в здании станции, приведите в порядок смотрителя, без него нам не обойтись, и... надо этих всех похоронить.

Услышав это, Тельнов – уже пожилой человек, призванный в 1916 году на германскую как специалист, выше призывного возраста, – стоял ни жив ни мёртв! Он видел много убитых, но вряд ли когда-то и от кого-то получал такие приказы. И как его выполнить? Как их хоронить? Всех вместе? Для этого нужно откопать большую яму, и тогда в одной яме окажутся те, кто друг друга убивал и перед смертью смотрел в глаза; если раздельно, то тогда у его людей просто не хватит сил долбить эту насмерть промёрзшую землю.

Адельберг думал то же, с холодным и спокойным ужасом: сам он уже как бы смирился с мыслью о необходимости этого, но понимал, что ни ему и никому из тех, кто находится с ним здесь, это не нужно, и одновременно понимал, что это – нужно.

Он продолжал держать Тельнова за плечо и вдруг почувствовал, как тот оседает; ноги Тельнова обмякли, и он тихо опустился на снег.

– Фельдфебель! – крикнул Адельберг старшему отделению охраны.

Тот выскочил из здания станции.

– Приведите прапорщика в чувство и постройте людей! Да! Растолкайте подхорунжего! Даю вам на всё пять минут!

Большое красное солнце садилось за кромку леса за вагоном-теплушкой, и его дверной проём зиял чёрным провалом. Внутри вагона в контрастном свете заката ничего не было видно, никаких тел, чернота их как бы пожрала.

«Чёрт побери! Всех бы расстрелял, всех, кто в этом участвовал, – думал он с яростью. – Всех к чёртовой матери!» И тут же закричал:

– Стройся, сволочи! Тельнов! Ш-што вы рассопливились, как девица в анатомическом театре? Приведите ко мне станционного начальника!

По команде Тельнова, еле-еле ворочавшего языком, два солдата, подхватив винтовки, побежали в здание станции, через секунду они уже держали под руки и вели станционного начальника.

– Раздайте моим людям ломы и лопаты, – снова закричал Адельберг, – и покажите им, где угольный склад! Трупы будете складывать там! Вы меня поняли? Выполняйте! Фельдфебель, проследите!

Адельбергу показалось, что он себя не слышит, но, наверное, он кричал таким страшным голосом, что все его команды выполнялись мгновенно.

Через минуту он уже сам долбил лёд между двумя крайними казаками.

Лом вышибал брызги, холодно таявшие на лбу, щеках и оголённых запястьях. Разгорячённый работой, он уже снял португею с шашкой, расстегнул ворот шинели, снял было и папаху, но фельдфебель посмотрел на него с укоризной, и он понял, что на морозе за тридцать придётся попотеть.

Первого казака он обколотил быстро, двое нижних чинов подняли негнущееся тело и оттащили в холодный угольный склад. Второй – старый бородатый казак – был не положен, а брошен на третьего, и выдалбливать его надо было осторожно. Адельберг почему-то заботился о них, как о живых, поэтому старался ударить ломом так, чтобы не отбить руку, не пробить голову или грудь. Голова старого казака была завалена набок, его огромная борода смёрзлась, и её пришлось бы выдалбливать отдельно.

– Принесите кипятку, – крикнул он кому-то и краем глаза увидел, как Тельнов бросил свой инструмент и быстро, не по возрасту, побежал в здание станции.

Адельберг воткнул лом и достал портсигар, сбоку к нему подошёл фельдфебель и молча пристроился по стойке «смирно».

– Объявите людям, пусть передохнут, – распорядился Адельберг, повернулся к фельдфебелю, протянул ему портсигар и спросил: – Как подхорунжий?

– Не могу знать!

– Приведите!

– Мигом!.. – ответил фельдфебель и, недовольный – он уже протянул руку к портсигару, – повернулся и побежал за казак. Через короткое время он уже стоял перед Адельбергом и придерживал за рукав шинели нетвёрдо державшегося на ногах забайкальца.

– Зовут как?

– Подхорунжий Иван Зыков, сын Петров, ваше высокоблагородие!

– Как вы здесь оказались?

– Команди-о-о-вка! – перемалывая трудное слово, ответил ещё не до конца протрезвевший казак.

– Давно служишь?

– С японской... ваше высокоблагородие!

– А ты? – спросил Адельберг у фельдфебеля и снова протянул ему портсигар.

Фельдфебель потянулся за папиросой, отпустил рукав хорунжего, тот пошатнулся, и фельдфебель снова ухватил его.

– Стой, чёрт! – Он виновато посмотрел на Адельберга. – Премного благодарен, ваше высокоблагородие, в четырнадцатом должен был вчистую, дак ведь оказия, – германская началась... – он хотел ещё что-то сказать, но уже подбежал Тельнов с полным парящим чайником.

– Поливайте, не смотрите на меня! – сказал ему Адельберг.

Тельнов жалобливо сморщил узкое лицо, наполовину закрытое густыми чёрными усами, показывая, что вся эта работа с мертвецами для него, телеграфиста – человека интеллигентной профессии, – была мукой.

– Отдайте фельдфебелю, – сказал Адельберг. – Вот что, ты ему бороду отлей, только на лицо не плесни.

Фельдфебель отпустил подхорунжего, хмыкнул в сторону Тельнова, взял чайник и стал поливать кипятком на бороду старого казака. Сначала всё получалось ладно, но вода, ещё паря, стекала под ботинок фельдфебеля и замерзала, он хотел перешагнуть, запнулся и рухнул на мёртвого казака вместе с чайником. Кипяток выплеснулся казаку на лицо: Адельберг увидел, как лицо мигмом очистилось ото льда, через секунду кожа на лице ожила и съёжилась, а открытые глаза помутнели и стали белыми. Тельнов тоже это увидел; он согнулся пополам и отбежал на несколько шагов; стошнить у него не получилось, было нечем, потому что они ехали на эту станцию почти целый день без еды. Несколько раз его насухо вывернуло, он постоял немного и, как был, согнувшись, воткнулся головой в снег.

Подхорунжий, с трудом удерживавший равновесие, с блаженной улыбкой смотрел на барахтавшегося с чайником фельдфебеля, который скользил по свежей наледи солдатскими ботинками и не мог подняться, и на валявшегося без сознания Тельнова, потом поднял глаза на Адельберга и промолвил:

– Ну чисто дети! Мат-ть их передерё!

Александр Петрович немигающими глазами смотрел на чёрный проём омшаника и вдруг услышал:

– Ты тама чё, Петрович, примёрз никак? Али вспомнил чево? Исть идём!

Александр Петрович мотнул головой, отбрасывая воспоминания, в нём, как и тогда, на той станции, всколыхнулась злость, и только тут он почувствовал, что его пальцы горят вместе с козьей ножкой.

– Идём, – ответил он и захлопнул дверь в омшаник.

Глава 11

Мишкино зимовье было большое, он расстроился широко. Александр Петрович, пока выздоравливал, успел оглядеться. Начинать здесь осваиваться Мишкин отец, но успел построить только омшаник и отрыть землянку, где сейчас был лёдник. Мишка достраивался под большую семью и довёл дело до конца, а когда его выгнали из деревни – пригодилось.

Кроме холодных сеней и комнатушки, в которой отлёживался Александр Петрович, в избе была просторная светлица с огромной, обложенной диким камнем русской печью с большим челом и обширным подом, там легко помещался ведёрный котёл, а на полатах могли спать трое, а то и четверо взрослых. Напротив печи, в стене, – два небольших застеклённых оконца, их было достаточно: перед избой – открытая поляна, ничто не загораживало свет, поэтому было светло. В середине светлицы стоял сажённый в длину стол из толстых досок и три табурета, по стенам протянулись широкие лавки, и сбоку висела городская книжная полка, на которой лежали старинная Библия и стопка старых газет и журналов. Слева от полки висел портрет

Николая Второго, одетого русским витязем, а справа – городской пейзаж с видом Московского Кремля. На божнице стояла икона Спаса Вседержителя.

На подворье, кроме огорода, омшаника и ледника, была небольшая конюшня на два денника и баня, а ещё Мишка держал большое пчелиное хозяйство и всегда имел достаток в свечах.

* * *

Когда Александр Петрович вошёл в светлицу, Мишка вытаскивал из шелестевшей горящими углями печи котелок с половиной варёной козьей ноги.

– Эт тебе, ты хворый, а у нас пост Великий, нам не можно оскоромиться.

Он принёс из сеней миску с солёными грибами и вынул из печи ещё и чугунок с кашей.

– И хлебушек! Наш, деревенский!

Они сели, и Мишка налил Александру Петровичу медовухи.

– Так и живём, Петрович, хлеб жуём. – Он взял большую деревянную плоскую миску и ножом подхватил в неё парящую козью ногу. – Мясо сам нарежай и хлебай шүлю. – И Мишка положил перед Александром Петровичем резную ложку. – Ну, помолясь!

Ели долго и молча, а когда поели, Мишка заварил трав и сушёных ягод.

– Ну что, ваше благородие, завернём табачку, и пусти-ка ты пару колец, порадууй!

Уже подступил апрель, день удлинился, солнце грело, с крыши тёк талый снег и долбил по намерзавшей за ночь под стенами зимовья наледи.

– Новости я тебе доложил, про Читку и про батюшку, а теперь ты мне скажи, давно хотел у тебя спытать, Петрович, да хворый ты был...

– Как такое могло произойти?... – предугадал вопрос Александр Петрович. Он задумался, у него было много времени, чтобы на этот вопрос ответить, но сделать этого он не смог до сих пор, он не мог на него ответить самому себе, а теперь надо отвечать Мишке. Мишка молча дымил и смотрел своими умными серыми, как совсем недавно сумел разглядеть Александр Петрович, глазами.

– Ты сам многот не дыми! У тебя в грудях покамест ищю шибко хрипит, а просто побалакай со мной. Помнишь, када по тракту бежали, пытал я тебя, как так могли царю-батюшке досадить, што он от престола отрёкси? Помнишь?

– Помню, – задумчиво ответил Адельберг.

Он, конечно, помнил: помнил и бесконечный тракт, забитый плотной вереницей едущих в одну сторону людей, и мёртвую попадью с её мёртвыми детьми и только живой лошадей, которая, никем не понужаемая, тащила их вперёд; и чехов, и метель, и Иркутск с памятником царю Александру на берегу...

– Что тебе сказать? Я был на войне... Нам там было не до того... Помню только, что в конце шестнадцатого года сильно переменилось настроение солдат. Они не отказывались воевать, но и в бой шли с неохотой, совсем не так, как было за полгода до этого. Мы не знали доподлинно, что происходит в Санкт-Петербурге, при дворе. Отречение государя императора было для нас новостью, как гром с ясного неба...

Александр Петрович говорил и... лукавил.

Офицеры штабов и генералы в Ставке, конечно, знали, что происходит в столице. Они знали про Гришку Распутина и про многое другое: знали и тихо шептались об измене императрицы; видели «тыловых крыс», богатевших на поставках и откупках, и «гражданскую сволочь», которая от имени Временного правительства агитировала за продолжение войны до победного конца. Те приезжали на позиции в военной форме, но без знаков воинских отличий – «ряженные», и за это их прозвали «гражданской сволочью». Знали о письме к императору великого князя Николая Николаевича, родного дяди государя, с просьбой отречься, подписанном всеми

командующими фронтами. Александр Петрович не лукавил только в одном: в том, что все они, бывшие свидетелями этого – кто издалека, а кто вблизи, во всём происходящем мало что понимали.

– А я так думаю, что не углядел царь-батюшка измену кругом себя. Доверился! А? Как ты думаешь?

– Думаю, что ты прав... – приняв лёгкий путь, согласился Александр Петрович и снова лукавил.

– А вот таперя гляди! – Мишка не распознал его лукавства, широко расставил на столе руки и распрямил спину. – Все, кто за царя, все здесь, за Байкалом-морем, и ты, и все остальные. А в столице Ленин, а здесь ишо Кешка Четвертаков, да с батюшкой нашим заодно. И што будит?

Новость про батюшку была для Александра Петровича удивительной.

– Вот и я говорю, новость! А делать-то што? Таперя мне в деревню вертаться уже никак нельзя. Сожрёт живьём. И обчество не поможет!

В тот вечер разговор у них не кончился, и так вдвоём они просидели ещё много вечеров.

* * *

Прошёл апрель.

Александр Петрович набирался сил и привыкал к жизни в тайге. Мишка тайно бегал в Мысовую, заезжал к родне и привозил известия о том, что красные всю весну затягивали кольцо вокруг стоявших в Чите белых, однако белым помогала 5-я японская дивизия, и наступило затишье, вроде перемирия.

Были и другие известия, тоже любопытные: поп-большевик в селе не осел, а с отрядом красных партизан Каландаришвили прочёсывал тайгу, разыскивал заблудившиеся отряды белых и уничтожал их. Поэтому Мишка, когда май смыл дождями в тайге снег, опасаясь прихода красных, ушёл с Александром Петровичем на самую дальнюю свою заимку, под самый Хамар-Дабанский хребет, а в начале ноября пришла весть о том, что красные под Читой победили, пробили «читинскую пробку», и остатки белых ушли в Маньчжурию. И ещё одна новость – где-то в бою убили батюшку.

И по ноябрьскому снегу они вернулись.

Глава 12

Последние десять вёрст Мишка и Александр Петрович шли с раннего утра и пришли в зимовье, когда было уже светло. Александр Петрович распряг Гурана из волокуши и поставил в стойло. Мишка не стал распрягать свою лошадь, приведённую им из деревни перед тем, как уйти в тайгу, заскочил в избу и ахнул, на ходу перекрестился и засобирился.

– Ну ты, ваше благородие, пока тута хозяйствуй, скока сдюжишь, а я сбегая, проведу дочку с внучками и погляжу, как она с пчёлами-то управилась. Хорошо, что мы бёрти по весне к ней перевезли.

Александр Петрович остался один. Он вошёл в дом и увидел почти полное разорение. Судя по всему, прошедшим летом здесь стояли красные, а может быть, белые. Они забрали с собой всё, что могли унести и что могло пригодиться в тайге: весь Мишкин инструмент, припасы, одеяла. Нетронутой осталась только громоздкая посуда: в углу сиротливо стоял большой чугунный котёл, видно, «гости» шли пешком и налегке или если верхом, то без обоза.

Один раз они видели в тайге, правда издалека, как в глубокой расщелине по руслу ручья двигался небольшой отряд в четырнадцать всадников. Среди них Мишка признал своего знакомого Кешку и ещё одного, непомерно высокого в громадной, несмотря на лето, казачьей чёр-

ной папахе, ноги которого волочились по самой земле. Мишка попытался вспомнить его имя, но вспомнил только имя третьего знакомого, ехавшего рядом с Кешкой, которого звали Серёга. Он ещё с сожалением тогда покачал головой и сказал, что, мол, «спортят» парнишку, потом пояснил, что это те самые трое, которые «стрéлили» в Александра Петровича, когда тот шёл по Ангаре после Иркутска. Александр Петрович, не удержавшись, спросил:

– И Серёга стрелял? Молодой!

Мишка зашикал на него:

– Тише ты, Петрович! Тут далеко слышать, – и приложил ладонь ко рту. – Кто его знает? Но сдаётся мне, он не стрелил. Только Кешка и энтот, верзила.

– Нет, Михаил, я слышал только один выстрел, и пуля была одна.

Выяснилось, что Мишка, когда жёг тифозную одежду Александра Петровича, нашёл эту пулю и не выкинул её, сберёг: «Ты же тоже не выкинул, значит, нужна она тебе была!»

Они долго наблюдали, как удаляется отряд от хребта вниз, в сторону Байкала, тихо, только иногда по широким и плоским камням, похожим на растёкшееся серое слоистое тесто, тукали замотанные в тряпки конские копыта и изредка доносились обрывки разговоров.

– Вот бы послушать, о чём они гуторят, и узнать, куды идут!

Они дождались, когда всадники скроются из вида и утихнут все звуки, потом встали и по широкой звериной тропе пошли вверх по склону в сторону заимки. Тропа поднималась на острый длинный хребет, а дальше тянулась по кромке. Александр Петрович поднимался первым и вдруг в просвете деревьев, там, где тропа переламывалась на хребте, увидел две промелькнувшие в прогале серые спины. «Кабаны», – успел подумать он и увидел, как слева в трёх-четырёх саженях на сухую высокую лесину, царапаясь когтями, шустро вскарабкался медвежонок, – он видел его совершенно отчётливо. Между тропой и сухим деревом рос подлесок, медвежонок поднялся сажени на две и замер, обхватив лапами ствол. Александр Петрович не успел ничего сообразить, как рядом, совсем близко услышал шумное сопение, храп и треск сучьев и сквозь кусты увидел бурый с сединой загривок.

Прямо над его ухом грохнул выстрел.

– Пойдём глянем, – сказал Мишка и закинул карабин за спину. – А ты чё не стрéлил?

Александр Петрович промолчал и про себя передразнил Мишку: «А я чё не стрéлил?.. Не успел!»

– А и успел бы, так только бы хуже было, – без всякой злобы непонятно кому сказал Мишка.

Шагах в пяти лежала медведица, это её седой загривок видел Александр Петрович, он потрянул головой, ухо оглохло от выстрела. Медведица лежала с вытянутыми перед собой передними лапами и мордой, выдрав задними лапами до самых камней рыхлую, поросшую травой землю. Мишкина пуля попала ей в голову, когда она уже собралась для длинного последнего прыжка, который мог закончиться там, где он только что стоял. Медвежонок испугался выстрела, камнем упал с дерева, и они его не нашли.

– Жаль, надо было забрать с собой, пропадёт без матки в тайге, совсем ишо малой.

Александр Петрович огляделся в разорённом зимовье, снял бекешу, повесил на стену берданку и снова огляделся: изба простыла, надо идти за дровами и топить печь.

Зимовье стояло на пологом склоне, спускавшемся к широкой мелкой речке с каменистым дном и галечными берегами. Снег уже лежал, он укрыл берега, а над струящейся прозрачной водой нависали тонкие и звонкие, как хрусталь, ледяные забереги.

Он обнаружил развороченную поленницу, дров почти не осталось, одни поленья; разобрал волокушу, ту что тянул Гуран, снял с изгороди несколько жердей, всё порубил на растопку, вернулся в избу и с грохотом сбросил на припечник. Отдирая кору, подумал, что, если бы была бумага, печь взялась бы быстрее. Бумага была – на полке на старом месте лежали

нетронутые газеты и журналы, он подошёл и взял верхний, это был сентябрьский номер «Русского инвалида» за 1915 год, и Александр Петрович открыл первую страницу, потом вторую, ему захотелось присесть и листать дальше, но холод пронизывал ознобом.

«Нет, сначала надо растопить печь, ничего, помучаешься с корой!»

Печь, за долгое невнимание к себе, задымила, её не топили уже несколько месяцев. Однако от сухой растопки раздышалась, а та от сухой коры быстро взялась и уже потрескивала, отблёскивая огоньками. Пока разгоралось, Александр Петрович исполнил Мишкин урок и расставил на божнице иконы, они их забирали с собой. На полку рядом с газетами положил Библию, всё как было, потом развернул шкуру убитой летом медведицы, погладил седую шерсть и завесил пустой проход в маленькую комнату, рядом «гости» забрали, оставалось нарубить дров и почистить берданку.

Когда он вернулся с дровами, уже темнело, и он пошёл в баню за свечами. Баня счастливо избежала разорения: видимо, никому из непрошенных гостей не пришло в голову, что в одном из ларей под лавкой был их большой запас. Он зажёл свечи, расставил в разных местах, изба осветилась; тогда он достал ветошь, масло и вытащил шомпол. На столе нужно было что-то постелить, и он снова подошёл к книжной полке за газетой и понял, что в зимовье стояли белые – рядом с полкой, как прежде, справа и слева висели городской пейзаж с видом Московского Кремля и нетронутый портрет императора.

Александр Петрович почистил выданную Мишкой берданку, сам Мишка не расставался с «кавалерским» карабином, и никакие попытки Александра Петровича объяснить разницу между «кавалерским» и кавалерийским ни к чему не приводили.

Печь разгорелась, Александр Петрович взял котёл и пошёл за водой.

Из тайги опустился туман и всё превратил в белые сумерки.

«Самая подходящая погода, чтобы на всю ночь с бутылкой коньяку в хорошей компании сесть за партию преферанса», – невольно подумал он.

Весной, а потом и летом, и осенью, здесь, в тайге, он не часто вспоминал о том, что когда-то жил по-другому, что был Санкт-Петербург, двор, Царицын луг, Марсово поле и плац-парады, его полковые казармы недалеко от Обводного канала, Мариинка, Александринка... Всё это было, но когда-то давно, в другой жизни, и иногда у него возникало ощущение, что после начала Германской кампании и отъезда из Харбина у него началась и никак не может закончиться ещё какая-то жизнь, другая.

Он принёс воду и поставил котёл; на сегодня было сделано всё; подошёл к полке и хотел взять журнал, который уже начинал листать, но взял Библию, положил перед собой и открыл на середине. Корешок давно высох и потрескивал, и Александр Петрович вдруг осознал, что уже минимум как полгода он не видел печатного слова. Страницы были из плотной, похожей на пергамент бумаги, Библия очень старая, лиственная десятками рук, и поэтому углы страниц, особенно снизу, были промаслены и истёрлись, округлились, а некоторые склеились от свечного воска.

«И правда, «древляя»!» – он вспомнил Мишкино слово и склонился над книгой. Горящие в разных местах свечи светили тускло, он переставил их на стол, но в комнате всё равно было сумрачно, и ему пришлось ещё ниже наклониться над книгой, и тут он увидел, как на открытые страницы вылезла его борода. Он удивился, выпрямился и прижал подбородок к самой груди – борода оттопырилась. Это была его борода, к которой он привык и уже давно её не замечал, – она отросла, стала пышная и закрывала горло ниже ворота рубахи.

Александр Петрович вздохнул – желание читать пропало. Он стал смотреть на играющий в печи огонь и вспомнил, что когда выздоравливал, то попытался в Мишкином зимовье найти зеркало, или зеркальце, или хотя бы какой-нибудь осколок, намёк на него, однако Мишка сказал, что «эного нету и сроду не было», потому что «ни к чему», и «неча тама разглядывать»;

а то, что он «в городу» покупал, – всё свёз дочери, мол, «пушай они, бабы, прихорашиваются». Потом за делами заботы о зеркале и внешности оставили Александра Петровича.

А сейчас вот оно как!

Свечи светили, дрова горели, печь топилась, Александр Петрович снял и положил рядом с собой на лавку меховую безрукавку и подумал, что если бы Анна сейчас его увидела, то наверняка бы не узнала. Он глядел на огонь и в который раз представлял себе, как бы он шёл от вокзала по проспекту. Вот он пересекает площадь, ещё несколько десятков шагов, и он уже подходит к Разъезжей, на которой стоит его харбинский дом, а навстречу идёт Анна. Александр Петрович подсчитал: он не видел её шесть лет и два месяца.

«Не узнала бы! – Эта мысль огорчила. – Ну вот ещё!»

Он достал кисет и трубку, вырезанную Мишкой, набил и затянулся. После нескольких затяжек дым слоисто повис в воздухе и застыл, свет свечей стал мягкий и округлился. Дым будто отгородил его от всего, и ему снова представилась Анна, – вот она поднимается от их дома к Большому проспекту, откуда он только что свернул, и идёт навстречу по одному с ними тротуару. Она одета в светлое платье, белую шляпку с яркими маленькими цветами, она держит раскрытый светлый шёлковый зонт и ведёт за руку маленького мальчика в трогательной детской бескозырке, матроске и чёрных лаковых туфельках. Он видел их такими уже много раз, когда метался в бреду и болел, и они такими представлялись ему все последние месяцы, в одной и той же одежде и в одном и том же месте, идущими от их дома ему навстречу. Каждый раз, когда он равнялся с ними, он видел, что мальчик пытливо на него смотрит. И никак не мог разглядеть, как на него смотрит Анна.

Александр Петрович моргнул и тряхнул головой: мысль о том, что Анна могла его не узнать и пройти мимо, давно мучила.

«Надо успокоиться! Надо просто добраться домой, вот и всё!»

Он докурил трубку, выбил и снова уселся за Библию. Взгляд побежал по строчке на раскрытой наугад странице, он ничего не понял, только понял, что это начало главы из «Книги Екклесиаста» по нескольким словам вначале, о которых можно было догадаться: «...Учителя, сына Давида, царя Иерусалима...» и больше ничего, но это отвлекло его от других мыслей.

«Написано на старославянском, по-моему... даже не печатная, а переписана от руки!» Он перелистал страницы назад и вперёд и вдруг услышал туканье копыт и скрип, кто-то конный приближался к зимовью. В деннике заржал Гуран.

«Мишка или кто-то ещё?» Александр Петрович встал, снял берданку и зарядил.

– Тпрр, леший, стой, не дёргайся, ща распрягу тебя! – донёсся снаружи Мишкин голос.

«Слава богу!» – подумал Александр Петрович и повесил берданку.

Неожиданно быстро Мишка хлопнул сначала дверью сеней, потом с шумом, ногой открыл дверь в избу, вошёл, бросил на пол большой мешок, повесил рядом с берданкой карабин и кнут и скинул на лавку тулуп.

– Уф! Замаялся я с этой тварью вовсе! – Он бросил на стол шапку; у него был красный и потный лоб, красные кисти рук; и плюхнулся на лавку. – Ляксандер Петрович, не в службу, а в дружбу! Тама, в телеге, корчага с квасом, дочка наварила, не принёс бы – ту, што ближняя к сидущке? Последние три версты – тянигусом, когда тропа верхом шла, на узде так и тащил его, проклятушего! – Мишка смотрел умоляюще. – За лето вовсе отбился в хомуте ходить! Сотвори божью милость, а? – Он передохнул и улыбнулся. – Ну, здравствуй, што ли!

– С прибытием тебя, Михаил!

Александр Петрович надел безрукавку, вышел к лошади, та его увидела, захрапела и начала снизу вверх мотать своей большой головой. Александр Петрович ласково потрепал за морду, лошадь попыталась прихватить его ладонь, но там было пусто.

– Подожди немного, сейчас твоего хозяина напою и принесу тебе что-нибудь.

В кошеве стояли три привязанные к борту глиняные ведёрные корчаги, Александр Петрович подхватил одну и занёс в избу. Мишка покосился на посудную полку около печи, та была пуста.

– От же ж гады краснюки, всё снесли, и даже испить не из чего. – Он растерянно развёл руками.

– Да нет, Михаил, здесь не красные стояли, а белые!

Мишка удивлённо посмотрел:

– Твои? А почём ты знаешь?

Александр Петрович кивнул на портрет Николая:

– Ты думаешь, красные это так бы оставили?

Мишка молча разглядывал.

– Да-а! Видать – правду баишь, энто они всё постреляли бы. Ладно, пойду в баню, можа, хоть там ковшик есть, – сказал он и вышел.

Александр Петрович сел и снова взялся листать Библию. Мишка вернулся с ковшом, взгромоздил корчагу на стол, с хлопком, как из бутылки шампанского, выбил плотно забитую деревянную пробку и налил шипящего кваса. Комната наполнилась кислым запахом вперемешку с запахом хрена и мёда.

– Мастерца она, моя дочь, квасы ставить, и мёду туды, и травки особой, аж дух зашибает... – Он протянул ковш Александру Петровичу. – Ну-ка!

Тот взял и поднёс к губам. Играя со дна струйками мелких пузырьков, квас гулял и бил в ноздри резким запахом, так, что перехватывало в горле, квас был мутноват, и только это отличало его от шампанского. Александр Петрович пригубил и тут же почувствовал, что стало нечем дышать.

– Носом дыши, а то задохнёшься вовсе.

От тёртого хрена напиток был резкий, Александр Петрович отпил два глотка и больше не смог, дыхание перехватило, и он отдал ковш Мишке.

– Вот тебе наше деревенское вино, пошибчее городского с ног сшибает! А? – Глаза у Мишки сияли.

У Александра Петровича выступили слёзы, он проморгался и осипшим голосом выдавил:

– Брага!..

– Не! Петрович, не-а! Брага, она на ягодах и меду, а энто пшеничные сухари, безо всякого примесу.

Он поднёс ковш к губам и стал пить не отрываясь. Ковш был большой, Мишка пил, морщился, то открывал глаза, то зажмурился, и выпил до капли, потом распрямился и шумно отрыгнул.

– О как! Энто по-нашему!

После двух глотков Александра Петровича немного повело, а Мишка встал, вышел в сени и вернулся с мешком сушёных грибов.

– Щас отварим грибницу, повечеряем, и можно на боковую.

После ужина он вдруг спросил:

– Чё-та ты, Петрович, Святой книгой заинтересовался? Скока она лежала, так ты её и в руки не брал!

– Да вот, почитать хотел, но ничего не понял...

– Она, Петрович, на древнем языке писана, ещё мой прапрадед её сюда... они на Байкал-море издалече... и иконы, и книгу энту Святую – всё с собой принесли.

– А ты можешь её читать?

– А тебя где интересует, ну-к дай!

Александр Петрович пододвинул ему книгу:

– Ну хотя бы вот эту страницу!

Мишка пересел поближе к свече, повернул Библию к свету и отвёл на расстояние вытянутой руки.

«Да тебе, братец, очки нужны, – подумал про себя Александр Петрович. – Как же ты стреляешь?»

– Энто Лизьяст, царь Иудейский, – сказал он и посмотрел так, будто на кончике его носа сидели очки.

– Это я разобрал. Царь Давид, назвавшийся проповедником по имени Екклесиаст.

– Да-а! – Мишка опустил голову, повёл пальцем по строчке и стал шевелить губами: – Закон Божий небось проходили в гимназиях... много мудрава тут... Царь Иудейский много правильно обсказал, а только одно он обсказал правильное всего...

– А что?

– А вот что! – Мишка уткнул палец и, глядя в глаза Александру Петровичу, произнёс: – «Оба́че се, сий обрето́х, е́же сотвори́ Бог человека правого, и сий взыска́ша по́мыслов мно́гих».

– Что это значит, Михаил, я не понимаю этого старого языка.

Мишка поднял указательный палец:

– «Только это я нашёл, что Бог сотворил человека правым, а человецы пустились во многия помыслы». – Он смотрел на Александра Петровича из-под густых бровей. – А людишки пустились за злом! – пояснил он, осторожно закрыл книгу и провёл по обложке рукавом рубахи, будто стирая пыль. – Не слушай, када человек говорит – чего он хочет, но гляди – к чему он устремляется! Добром должно жить! Добром! Будет человек жить внутри себя самого добром, не будет зла на этом свете. А жисть, она ить какая, Петрович? Она ить как тропа звериная! Куда приведёт, одному Господу Богу ведомо! Да ты и сам знаишь!

Мишка встал из-за стола, подошёл к медвежьей шкуре и погладил:

– Повесил! Памятна она тебе! Ты вот чё, Петрович, шкуры шкурами, а не держу я тебя здесь, однако трогаться тебе об энто время никак нельзя. Весной, посля Пасхи, как разговеемся, выведу тебя на чугунку, дам письмо в Благовещенский город, тама живёт моя свояченица, Марией зовут. Када доберёшься, на первых порах у неё будешь обретаться, а дальше учить не стану, сам на тот берег уйдёшь, к китайцам, и айда в свой Харбин... А сейчас через перевалы мы с тобой не перемахнём, да и красные по тайге да по дорогам рыщут.

Часть вторая

Глава 1

Александр Петрович шёл по базару походкой незанятого человека и скользящим взглядом окидывал прилавки, привычно оценивая, как меняется конъюнктура приграничного контрабандного рынка.

Несколько недель назад, в середине апреля, в самое мёртвое время, когда Амур, перед тем как вскрыться, ещё только вздыхал ледяным панцирем, он наконец-то прибыл в Благовещенск. Мишка сдержал своё обещание и сразу после Пасхи начал собирать его в дорогу. За зиму они назверовали соболей и куниц, перед Масленой неделей Мишка сдал рухлядь скупщикам в Мысовой, как будто бы ничего после всех событий последних лет не изменилось, и поделил деньги пополам, так что хватило на обновы с барахолки и про запас. Прощание было недолгим, они обменялись памятными подарками: Адельберг подарил Мишке пулю, ранившую его на ангарском льду, а Мишка – огромный коготь той самой, убитой прошедшим летом медведицы.

Адельберг прибыл в Благовещенск с документами на имя тверского губернского статистика Александра Петровича Кожина. По придуманной им легенде, он покинул Тверь после того, как в Иркутске вспыхнуло восстание и от его семьи, сначала гостившей, а потом застрявшей там у родственников, перестали приходить письма. Из Твери он поехал в Москву, потом оказался в Симбирске, дальше было Заволжье, потом Омск, а далее Иркутск и, наконец, берег Амура.

В приграничье среди беженцев он был такой не один, как пена в кипящем котле, сбивается к краям и присыхает накипью так, что ни стереть, ни смыть. Империю бросало из края в край, люди скитались, искали пристанищ, и в одном месте могли сойтись петербургский аристократ, киевский студент, витебский местечковый еврей с семейством, армавирский армянин, ростовский батюшка и московская проститутка.

Благовещенск стоял на слиянии двух больших рек и в огромной стране умудрился примоститься вдалеке от всего. На противоположном берегу Амура, тоже далеко от всего, примостился такой же маленький и одинокий городок – китайский Сахалин.

Севернее Благовещенска в восьмидесяти верстах проходила Сибирская железная дорога, а дальше простиралась безлюдная, покрытая снегом и льдом Якутия. Немногие люди, жившие вдоль железной дороги и рек Амура и Зеи там, где это было возможно, сеяли хлеб, рубили лес и мыли золото.

От китайского Сахалина, но уже на юг простиралась такая же пустыня – Маньчжурия, почти до самого Харбина. И здесь народ тоже жил по течению реки Сунгари, её притоков и вдоль Китайско-Восточной железной дороги.

Александр Петрович без особого труда устроился в статотделе городского исполкома на рядовую должность. Новой власти в Благовещенске были нужны старые специалисты, и это давало легальный статус и прожиток, а кроме того, позволяло осмотреться на месте и подготовиться к уходу.

Просто так сидеть в Благовещенске нужды не было, по крайней мере до тех пор, пока не пройдет ледоход, но и торопиться нельзя – без надёжных людей ни о какой переправе на китайскую сторону можно было не думать, а этими людьми могли быть только контрабандисты.

Как работник статистического отдела, Адельберг знал, что приграничной торговли с Китаем нет, новая власть ещё только задумывает её, однако китайские товары на базаре есть, значит, и контрабандисты имеются.

Он хорошо знал эту особенную категорию жителей приграничных районов, успел познакомиться ещё когда десять-одиннадцать лет назад прибыл служить из Санкт-Петербурга в разведку охранявшего «полосу отчуждения» КВЖД Особого Заамурского округа пограничной стражи. Бывал в Сахалине и в Благовещенске, изучил этих отчаянных, хитрых, бесшабашных и не отягощённых патриотизмом людей – по обе стороны границы они были преступниками. Они хорошо знали местность, они хорошо знали местные власти, они знали и общались между собой, хотя и конкурировали. Однако, как он заметил, когда рядом с конкуренцией соседствует опасность, то конкуренция как бы отходит на второй план. Кроме того, они были отличными разведчиками: наблюдательными, осторожными, памятьливыми и по-своему честными. Привлекала ещё одна их черта – удивительно, но чаще всего они были не жадными.

Направляясь в Благовещенск, Александр Петрович поставил себе задачу найти контрабандистов и обеспечить себе безопасный переход в Китай.

Глава 2

Ходики в комнате, где трудился Александр Петрович, стукнули час пополудни, сослуживцы сняли нарукавники, почистили перья, сложили бумаги, задвинули ящики столов и зашевелились к выходу.

Впереди был час обеденного времени, и в окружении коллег Адельберг двинулся на улицу.

Он неспешно шёл по городскому рынку, хозяева лавок успели приметить этого высокого, стройного господина, который уже почти месяц каждый день в обеденные часы по одному и тому же маршруту обходил базар, смотрел на товары, но ничего не покупал.

Он понимал, что люди могут догадываться о его намерениях, поскольку человеку его внешности и манер, как бы он ни маскировался, было нечего делать в «красном учреждении» и вообще в этом захолустье. Он даже не прочь был усилить это впечатление, потому что знал, что, если сам начнет искать нужных людей, они растворятся, исчезнут и будут уверены в том, что он есть агент или провокатор ГПУ.

Как обычно это бывает в дни ледохода, погода стояла переменчивая. Несмотря на начало мая, было холодно, дул промозглый ветер, и над самой головой бежали серые облака.

Сегодня не было настроения делать обычный обход, хотелось добраться до закуской, съесть кусок чесночной колбасы с хлебом, запить сладким чаем, отдать за это половину месячного жалованья и забыть о нём.

Он шёл между торговыми рядами в сторону чайной, думал, глядел себе под ноги и видел только сухую, пыльную землю. Вдруг он почувствовал, что кто-то на него пристально смотрит, это вывело его из состояния внутренней погружённости, он очнулся, огляделся, однако кругом были те же торговые ряды, те же крестьянские лица; он не увидел никого знакомых, но ощущение осталось. Он уже вышел на прямую дорожку к чайной, но кто-то как будто бы зацепился резиновым жгутом за хлястик его гражданского пальто и не отпускал. Он был опытным человеком, не впадал в панические состояния, умел контролировать себя и знал, что для того, чтобы понять, что происходит, необходимо всего лишь несколько секунд спокойно подумать. Но тут ему почему-то стало не по себе.

Адельберг заставил себя не оглядываться, дошёл до чайной, зашёл и встал у окна справа от двери.

Окно было маленькое, подслеповатое, с треснутым, немывтым, затянутым в углах паутиной стеклом; Александр Петрович постоял несколько секунд, осматривая людей, тех, что шли за ним. Только один сразу после него зашёл в чайную – Александр Петрович его не знал. Чело-

век подошёл к прилавку, что-то заказал, и по его поведению было видно, что ему ни до кого нет дела.

Адельберг понимал, что в этом городе за ним могли следить хоть красные, хоть белые, поэтому старался жить на виду: дом, работа, рынок, работа, дом; только изредка он прохаживался по набережной, заходил в собор, но и только.

«Может, показалось? Чёрт его знает! Столько народу переместилось с запада на восток – сослуживцы, знакомые...»

Александр Петрович взял полкруга копчёной колбасы, стакан чаю, несколько ломтей ситного и вернулся к окну. Он отломил колбасу и стал жевать. «Что это могло быть? Или кто это мог быть?» Думая об этом, он простоял у окна несколько минут и вдруг понял: «Нищий! Это нищий – он смотрел на меня! Делал вид, что... что... чёрт его знает, что, но это он смотрел на меня!» – и отчётливо вспомнил: когда, поглощённый мыслями, он шёл, то вполглаза, случайно, слева заметил сидевшего на земле, замотанного в лохмотья, похожего на бурый ком нищего. Нищих в городе было много, особенно на рынке; они попрошайничали: кто денег, кто хлеба, пытались что-то продавать или своровать; они примелькались, превратились в серую массу и слились с общим фоном.

Но этот нищий был особенный.

Адельберг наскоро прожевал колбасу и хлеб, запил чаем, завернул остатки в вощённую бумагу, сунул в карман и вышел.

Нищий сидел на том же месте, Александр Петрович подошёл и присел перед ним на корточки.

– Вы кто?

Нищий через щёлочки глаз внимательно смотрел.

– Не узнали! – с трудом перемалывая сухим ртом слова, произнёс он. – Тельнов я!

«Тельнов! Знакомое! Тельнов! – замелькало в голове. – Тельнов!» Откуда-то из глубины в памяти начала возникать смутная картинка: тёмный, занавешенный тяжёлыми портьерами кабинет, широкий письменный стол с зелёным сукном, большая, со стеклянным абажуром в металлическом окладе настольная лампа, телефонный аппарат с трубкой на высоких рычагах и торчащей сбоку ручкой... Массивное деревянное кресло с высокой спинкой... Рядом ещё один стол, поменьше, тоже с телефонным аппаратом и ещё одним телеграфным аппаратом – Юза.

«Телеграф... Телеграф... Тельнов... Господи! Тельнов! Телеграфист Тельнов!»

– Тельнов, это вы?

– Я! Александр Петрович! – с затерявшейся блуждающей улыбкой на заросшем щетиной лице вымолвил нищий.

– Не узнал! – медленно произнёс Адельберг.

– Немудрено!

Это и правда было немудрено! Мудрено было узнать в этом человеческом подобии московского телеграфиста, ещё недавно прапорщика колчаковской армии, не молодого, но расторопного и интеллигентного человека.

– Как вы здесь?

– Занесло!

Александр Петрович глядел.

Перед ним сидел настоящий нищий, на его голове был малахай с оторванным ухом, на шее висел перемотанный несколько раз, свалявшийся комками вязаный шарф. Из одежды на Тельнове была рвань пиджака, офицерской шинели, крестьянской сермяги и чего-то ещё, что кое-как прикрывало тело. Тельнов сидел с подогнутыми ногами, как показалось Адельбергу, босыми. Вокруг стоял нестерпимый запах, который Александр Петрович почувствовал только что.

– Смердím! – понимающе произнёс Тельнов. – А как же без этого, ваше высокоблагородие, – тихо добавил он.

Адельбергу захотелось отодвинуться, но он сдержался, и тут его внимание привлекли лежащие на земле рядом с Тельновым размером с ладонь дощечки. На дощечках было что-то нарисовано, сначала он не разобрал, но через секунду понял, что это иконки, видимо на продажу. Он всмотрелся и увидел, что на всех изображён святой, один и тот же, с одной поднятой вверх рукой, в которую был вложен меч.

– Святитель Николай, Александр Петрович! Тот самый! Помните?

– Как не помнить! – не задумываясь, ответил Александр Петрович.

– Купите, недорого отдам! Хоть бы одну.

Адельберг почувствовал, что в его горле встал ком.

– Вы!.. – Он не мог вспомнить имени и отчества. – Когда вы... последний раз ели?

– Кузьма Ильич, с вашего позволения! – угадал заминку Адельберга Тельнов. – Я не в претензии на вас, Александр Петрович! Столько времени прошло, как казачков-то!.. Могли и запомнить! – прошелестел Тельнов сухими губами и не ответил на вопрос.

– Вы когда последний раз... ели, Кузьма Ильич? – Адельберг спрашивал и не слышал своего голоса...

– Так что же? Александр Петрович, кúпите?

– Да, да! Конечно! – сказал он и тут же всё понял. – Вы застали меня врасплох. Давайте-ка я заберу вас отсюда...

Тельнов тускло моргнул заплывшими белёсой плёнкой глазами.

– Куда же вы со мной? Вам ведь рядом и стоять-то невозможно. Сейчас они на вас бросятся, обчешетесь и проклянёте меня, как нечистого.

– Кузьма Ильич, вы так говорите, – Адельберг сделал над собой усилие и, несмотря на ужасный запах, исходивший от Тельнова, остался на том же месте, – будто я на этой земле первый день живу. Идите сейчас в баню, вот вам деньги. Там с вами справятся, вы не первый. Остригайтесь наголо. А я пока схожу домой и принесу вам кое-что из одежды. Сейчас час пополудни, через полтора часа я вас буду ждать у выхода.

Тельнов скосил глаза вбок:

– А их куда?

– Так если вы мне продали... я заберу их с собой, – твёрдо сказал Адельберг.

Через три часа, наголо обритый, только с одними чёрными усами на лице, Тельнов сидел в комнате. Он зябко кутался в белую простыню и наброшенное поверх лоскутное одеяло и оглядывался по сторонам. Комната была с низким деревянным потолком, маленьким окошком, чистой длинной лавкой и непокрытым дощатым столом. В углу под потолком на божнице стояли образа.

С парящим чайником в руках вошёл Адельберг:

– Ну как? Сняли с вас мерки?

– Премного благодарен, Александр Петрович, – сказал Тельнов, – уж и не знаю, как...

– Полно, Кузьма Ильич, полно! – перебил его Адельберг и стал разливать по стаканам кипяток. – Поведайте-ка лучше, что с вами приключилось.

– Даа!.. – Тельнов потянул носом, от парящих стаканов пахло смородиной и ещё чем-то лесным. – Пошлó, понимаете ли, поёхало... м-м, как пахнет хорошо... Сколько же мы с вами не виделись, можно сказать, до сего дня... – Тельнов взял горячий стакан в ладони и стал смотреть на свои руки. – Чистые! Я уже и запомнил!..

Он покачал головой и, отвечая на просьбу Александра Петровича, начал с большими паузами вспоминать:

– А я... знаете ли... незадолго до тех, мёртвеньких... был назначен к Александру Васильевичу телеграфистом. С ротмистром Князевым, его адъютантом, в особняке Верховного в

Омске мы жили через стенку, такая, знаете ли, дощатая перегородка, разделяющая комнату на две половины. Его дверь была сразу перед лестницей, точнее, под лестницей, которая вела наверх, в спальню Александра Васильевича, а моя, с дубликатом аппарата, выходила в столовую и кабинет Верховного, чтобы удобней было, если сообщение поступало ночью и надо было, знаете ли, срочно доложить. Верховный тогда часто болел: лёгкие у него были застужены и кости ломило, поэтому иногда он ночевал прямо в кабинете.

Тельнов задумался, глядя на поднимающийся из стакана пар; Александр Петрович его слушал, не перебивал, а сам думал и вспоминал...

– Я, знаете ли, – вывел Тельнов собеседника из задумчивости, – уважаемый Александр Петрович, человек от озверения и садизма далекий. Помните тех казаков? Уральцев! Я потом ещё долго, вспоминая их, сознание почти терял, разум мутился. Я ведь человек сугубо штатский, вырос на Воздвиженке, рядом с университетом, в Москве, сживал там, на разных чтениях, и в кружки ходил. Не подумайте чего, упаси Бог, не революционные! Знаете ли, вслух Фёдора Михайловича читали и Льва Николаевича. Поэтому всё, что связано со смертью и болью человека, мне самому невыносимо больно. Не могу я на это смотреть. А тут хоронить!.. А ещё один, в угольном сарае, из тех... вы помните... то ли отогрелся, то ли... да, знаете ли... и пальцами стал шевелить... вы-то отбыли...

Тельнов замолчал.

– Мне только потом сказали, что замороженные, когда отходят, у них мышцы то ли сокращаются, то ли растягиваются... Долго они меня не отпускали, эти казаки. Думал, умом тронусь. Но Господь отвёл! – Тельнов перекрестился на образа и как-то вдруг заёрзал на лавке, оглядываясь и как будто что-то искал. – Александр Петрович, а где...

– Что?

– Николай-то наш, святитель?

В это время отворилась дверь и в комнату вошла хозяйка дома, нестарая, крепкая, приятной наружности женщина. В руках она несла сорочку и брюки; в её плотно сжатых губах были две иголки с вдетыми в них белой и чёрной нитками.

– Марьюшка! – обратился к ней Александр Петрович, женщина повернулась. – Я принес свёрток газетный, где он?

– У печки стоит, где ж дровам-то ещё быть...

Она не успела договорить, Кузьма Ильич, как был в исподнем, скинул одеяло и, насколько ему позволяли его слабые силы, выскочил из комнаты.

– Помоги ему, Марьюшка! Он ведь не знает, откуда ты печку топишь, – с улыбкой сказал Александр Петрович.

– Как прикажете! – спокойно ответила Марья, бросила вещи на лавку и вышла вслед за Тельновым.

Через минуту Тельнов сидел на прежнем месте и, склонившись над столом, раскладывал иконки. Рядом, тоже склонившись, их с интересом разглядывали Александр Петрович и хозяйка дома. Дрожащими пальцами Кузьма Ильич перекладывал дощечки числом шесть с изображением на каждой одного и того же сюжета – святой в правой руке держит меч, а его левой руки на иконке нет.

Александр Петрович и Марья переглянулись.

Тельнов из всех выбрал одну – она была толще, чем остальные. Он взял со стола нож и подковырнул сбоку так, что дощечка распалась на две плоские половинки. В тыльной половинке, изнутри, было сделано небольшое квадратное углубление, в котором лежал плотно, в несколько раз сложенный лист бумаги. Тельнов оглянулся на собеседников, заглянул им в глаза, вытянул шею и кивком пригласил к этой бумажке:

– Самое ценное, что у меня есть! Слушайте! Это я переписал письмо святейшего Александру Васильевичу!

Марья глянула на Александра Петровича:

– Колчаку!

– Я вам зачитаю! – торжественно сказал Тельнов, выпрямил спину и начал: – «Как хорошо известно всем русским и, конечно, Вашему Высокопревосходительству, перед этим чтимым всей Россией Образом ежегодно 6 декабря в день зимнего Николы возносилось моление, которое оканчивалось общенародным пением «Спаси, Господи, люди Твоя!» всеми молящимися на коленях. И вот 6 декабря 1917 года, после Октябрьской революции, верный вере и традиции народ Москвы по окончании молебна, ставши на колени, запел: «Спаси, Господи...» Прибывшие войска и полиция разогнали молящихся и стреляли по образу из винтовок и орудий. Святитель на этой иконе был изображен с крестом в левой руке и с мечом в правой. Пули изуверов ложились кругом святителя, нигде не коснувшись Угодника Божия. Снарядами же, вернее, осколками от разрывов была отбита штукатурка с левой стороны Чудотворца, что и уничтожило на иконе почти всю левую сторону святителя с рукой, в которой был крест. В тот же день, по распоряжению властей антихриста, эта Святая икона была занавешена большим красным флагом с сатанинской эмблемой, плотно прибитым по верхнему, нижнему и боковым краям. На стене Кремля была сделана надпись: «Смерть Вере – Опиуму Народа». На следующий год, в 1918-м 6 декабря, собралось множество народу на молебен, который, никем не нарушаемый, подходил к концу! Но когда народ, ставши на колени, начал петь «Спаси, Господи!», флаг спал с образа Чудотворца. Аура атмосферы молитвенного экстаза не поддаётся описанию! Это надо было видеть, и кто это видел, он это помнит и чувствует сегодня. Пение, рыдание, вскрики и поднятые вверх руки, стрельба из винтовок, много раненых, были убитые... и... место было очищено. На следующее раннее утро, по Благословию Моему, образ был сфотографирован очень хорошим фотографом. Совершенное Чудо показал Господь через Его Угодника Русскому народу в Москве в 1918 году, 6 декабря. Посылаю фотографическую копию этого Чудотворного образа, как моё Вам, Ваше Высокопревосходительство, Александр Васильевич, благословение на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси. Прошу Вас, усмотрите, досточтимый Александр Васильевич, что большевикам удалось отбить левую руку Угодника с крестом, что и является собой показателем временного попраения веры православной... Но карающий меч в правой руке Чудотворца остался в помощь и Благословение Вашему Высокопревосходительству в Вашей христианской борьбе по спасению Православной церкви в России».

Когда Тельнов закончил читать, в комнате несколько минут стояла полная тишина. Потом он поднял указательный палец, снова вытянул шею и торжественно сказал:

– Я помню, как адмирал, прочитав письмо патриарха, сказал: «Я знал, что меч государства – это пинцет хирурга или нож бандита... А теперь я знаю, я чувствую, что самый сильный меч – меч духовный, который и будет непобедимой силой в крестовом походе против чудовища насилия!»

Тельнов протянул Александру Петровичу одну из иконок:

– Вот, Александр Петрович! Увеличенная фотография иконы святителя Николая была преподнесена адмиралу Колчаку в Перми, практически в моём присутствии. Народу было!.. При большом, знаете ли, собрании народа!.. И даже эти предатели были, иностранцы, союзники! На задней стороне иконы, этого не все могли видеть, была сделана надпись: «Провидением Божиим поставленный спасти и собрать опозоренную и разорённую Родину, прими от православного града первой спасённой области дар сей – Святую икону Благословения патриарха Тихона. И да поможет тебе, Александр Васильевич, Всевышний Господь и Его Угодник Николай достигнуть до сердца России – Москвы»...

Адельберг и Мария слушали, Тельнов продолжал:

– Приказ Верховного вывести войска на центральную площадь в Перми начинался со слов, я их помню наизусть: «По случаю вручения патриархом Всея Руси Тихоном иконы святи-

теля Николая Верховному правителю России Колчаку...» В то утро на Соборной площади было много народу, пришли именитые горожане, обыватели, стояли войска, кавалерия и пехота, все ожидали выхода патриарха и Верховного. Площадь была накрыта, как саваном, морозным туманом. Солнце, знаете ли, позднее, зимнее, ещё только розовело, – как сейчас это вижу – край неба над крышами домов, и пробивалось эдакими лучами, косыми, между главками собора...

Кузьма Ильич рассказывал, глядя в тёмный угол между стенами и потолком, и водил руками:

– Над людьми и лошадьми пар поднимается и оседает белой изморозью на воротники, шапки, платки шерстяные – вот как у Марии! Тишина стояла, только и было слышно позвякивание сбруи конской и дыхание обожжённых морозом носов, мокрых...

Вдруг Кузьма Ильич хихикнул, а слушавшая его в некотором ошолоблении Мария перекрестилась.

– Со стороны казалось, что вся площадь с окружающими её домами, собором, людьми и всем, что движется, знаете ли, и не движется, залита прозрачной, холодной, застывшей массой, в которой, кроме поднимающегося пара, всё затихло и замерло. И колокол ударил... – Тельнов говорил. – С первым ударом раскрытый вход собора как бы всосал, знаете ли, воздух внимания всех находившихся на площади, и гул её накрыл... – Он помолчал. – А помните, Александр Петрович, как на ступеньки собора вышли святейший и Александр Васильевич и как вынесли икону?

– Увы, Илья Кузьмич...

– Кузьма Ильич, с вашего позволения...

– Виноват, Кузьма Ильич, но меня тогда в Перми не было.

Когда Тельнов наконец умолк, Марья тихо охнула, прикрыла ладонью рот и перекрестилась на его иконки.

– Я потом его переписал, это письмо, – без всякого перехода продолжал Кузьма Ильич, разглаживая на столе листок. – Взял две доски, размером с оригинал, поставил их на клинья и маслом переписал святителя таким, каким он был на фотографическом снимке. Александр Васильевич, когда увидел, даже похвалил меня за хорошее письмо. Я, правда, хотел восстановить и левую руку с крестом. Я и сейчас хорошо помню эту икону и на Никольской башне, и в доме Верховного, жил-то рядом и там и тут... Сама икона, то есть фотография, в кабинете была у него...

Марья снова с удивлением посмотрела на Адельберга, тот показал ей: мол, не перебивай, но Тельнов надолго замолчал. Видно было, что он сильно переживает всё то, что ему пришлось вспомнить, возвращение в прошлое давалось ему тяжело, он замолкал, потом начинал заикаться и опять замолкал, пытаясь привести в порядок мысли и дыхание.

Адельберг слушал Кузьму Ильича и многое вспоминал сам, но некоторые подробности вызывали у него удивление и сомнение. Ему приходилось подолгу отсутствовать, уезжать к местам боевых действий, проводить явки с агентурой вдалеке от штабов, но он был в курсе событий, происходивших в Ставке Верховного; поэтому он не мог не знать о приезде патриарха; фамилия ротмистра Князева мелькала, но в Ставке в качестве адъютанта Верховного он, по крайней мере, на его памяти, так и не появился. Адельбергу, когда он слушал Тельнова, иногда казалось, что он даже видит всё то, что описывает телеграфист, очень зримо, и у него складывалось такое впечатление, что он сам был свидетелем происходивших в рассказе Тельнова событий, но на самом деле многого из того, что тот рассказывал, в действительности не было.

Он посмотрел на старика. Кузьма Ильич сидел у стола боком к подслеповатому окошку, в контрастном свете, от этого его лоб казался совсем белым, а под глазами залегли глубокие чёрные впадины и морщины, а спина сливалась с чернотой угла.

– А вы?.. Когда вы расстались с адмиралом?

Тельнов вздрогнул:

– Я-то? В Нижнеудинске, когда его взяли под охрану чехи, разогнали конвой и передали этому, Чудновскому.

– А дальше?

– А дальше? А что дальше? Дальше я остался на станции, потом подошёл Молчанов с воткинцами, я был придан штабу Войцеховского, опять телеграфистом, только без телеграфа, вот и всё «дальше»!

– Но как-то же вы, Кузьма Ильич, попали сюда, в Благовещенск?

– А-а! Ну это известно, как! Дальше мы подошли к Иркутску и были готовы наступать, потом пришла телеграмма от чехов, что этого делать не следует, потом стало известно, что Верховного расстреляли, потом мы обошли Иркутск и вышли на Ангару...

– Вы тоже переходили через Байкал?

– А как иначе? В авангарде, в составе Воткинской дивизии. Я ехал в санях рядом с гробом Владимира Оскаровича.

«Господи! Если верить Михаилу, мы ехали рядом, и Тельнов меня не узнал!»

– А кто сопровождал гроб?

– Вырыпаев Василий Осипович. Совсем больной. Переболел сыпным, брюшным и возвратным тифом, почти совсем ослеп. Мои сани несколько раз уносило ветром, лошади на ногах не держались, раз в трещину попали... Однако же дошли, как видите.

– А подробнее!

– А что подробнее?

– Как перевозили Владимира Оскаровича?

– Вы имеете в виду гроб?

– Да!

– Как вам сказать! Тяжело перевозили! Их конь упал, скользко было, и не могли поднять. Подъехал к ним детина, чёрный такой, заросший, весь в бороду ушёл, подпряг к ним своего сибирячка, махонького, думали, не утянет. Ничего, взялся, и бодренько так, как ломовая лошадь... Так до Мысовой, знаете ли, и докатил.

– А как его звали?

– Коня?

– Да нет, детину!

– Не знаю, не до того было...

– А дальше?

– А дальше Мысовая, на том берегу Байкала, потом Чита, там хоть передохнули и отъелись... – Тельнов помолчал. – Никогда не забуду, как выкапывали генерала Каппеля из могилы... – Он поднял глаза на Марию. – Крестись, Марьюшка, крестись! Его глубоко похоронили, в мерзлоту, а как открыли гроб, так он весь как посеребрённый лежит, в инее, и целёхонький совсем... Потом, в конце октября, когда красные надавили, попал в засаду, это я, значит. Когда наш бронепоезд расстреляли, отстал от своих, оказался в тылу красных, назад пробиться не смог, и погнала меня судьба на восток. Вот так я здесь и оказался, уже полгода...

Тельнов, закутавшись в одеяло, сидел и остановившимся взглядом глядел в одну точку перед собой. Он держал в обеих руках остывший стакан и немного раскачивался взад и вперёд.

«Образа!.. Икона Николая Чудотворца с отбитой рукой... Эти дощечки, их так много...» – думал Александр Петрович.

– Кузьма Ильич, – тихо позвал он.

Тельнов не услышал.

– Кузьма Ильич, – так же тихо ещё раз позвал он.

Марья с удивлением посмотрела на Александра Петровича, потом на Тельнова.

Тот не реагировал.

– Кузьма Ильич! – в третий раз позвал Александр Петрович.

Тельнов вздрогнул. Он смотрел, никого не узнавая, не узнавая и комнату, в которой находился; и тут Адельберг увидел, что по морщинистым щекам Кузьмы Ильича текут слёзы и пропитывают чёрные усы.

Адельберг хотел возразить, что патриарх Тихон в Пермь не приезжал, а то как бы он мог об этом не знать, но, глядя на слёзы старика, понял, что этого сейчас совсем не нужно.

«Не в себе!» – подумал он про Тельнова.

Глава 3

Мария стояла около дверей городского статотдела и от нетерпения переминалась с ноги на ногу. Было шесть часов пополудни, и она ждала своего постояльца.

Адельберг вместе с сослуживцами вышел из здания, увидел Марию и подошёл. На его вопросительный взгляд она ответила:

– Сегодня, как стемнеет, к вам придёт человек.

– Хорошо, ступай. Я скоро буду.

* * *

Александр Петрович сидел за столом в свете керосиновой лампы и читал газету. С улицы слышались шаги по деревянному настилу, положенному от калитки.

– Марьюшка! Пойди встретить человека. Может, это... – обратился в открытую дверь Александр Петрович и тут же повернулся к сидевшему в углу Тельнову: – Кузьма Ильич, окажите любезность! Если это люди, которых мы ждём, дабы их не смущать, побудьте вместе с Марьей, помогите ей по хозяйству. Люди эти очень осторожные, может и сорваться.

– Не извольте беспокоиться, – с готовностью встал с лавки Тельнов, запахнул вокруг пояса Марьин толстый шерстяной платок и вышел из комнаты.

Через минуту Мария впустила молодого китайца.

Тот поклонился и сказал:

– Моя ёси Антошка Чжан! Бы́стло дзёло гово́ли, моя уходзи!

Однако Александр Петрович не торопился. Он медленно сложил газету, не спеша вернулся к китайцу и после некоторой паузы, не приглашая его сесть, переспросил:

– Чжунго дэ синмин – Чжан! Чжэйга во миньбай! Даньши, вэй шэнмо ни цзяо Антошка?

Китаец не ожидал такого оборота, что его будут спрашивать, почему он китаец – Чжан, а по имени – русский Антошка? От неожиданности он ещё раз поклонился, открыл рот и ничего не сказал.

– Садись! – медленно произнёс Александр Петрович и после некоторой паузы добавил: – Антошка! Я слышал, ты в Китае давно не был. Почему?

– Моя нельзя Китай ходзи! Япо́нса!.. – И показал ребром ладони, как перерезают горло.

– Что так? – спросил Александр Петрович.

Антошка немного поёрзал на лавке, смущённо помолчал и сказал:

– Моя япо́нса земля копай, да́сыла... – И ещё раз провёл ребром ладони по горлу.

– Убил и закопал. Понятно. Ну это ваше дело! А разве в Китае сейчас много японцев? – притворно удивился Александр Петрович.

– У-у! Многа! – воскликнул Антошка и замахал руками. – Его Сахалин японса многа! Вб́лосы стлиги – хозяин, гостиница – хозяин, аптека – хозяин, магадзин – хозяин многа. Везде многа! Дзенги многа! Всё знает!

– А за что ты их так?

- Моя исё увизу, убью! Она моя блатка убил, делевня зог, всех убил! Тамáдэ!
- Ладно, не ругайся! Я тебя не за этим искал!
- Моя знай, зачем твоя искала! Сколько дзеньги и какой дзень?
- Я готов сейчас, но нас будет двое!
- Двой плохо! Моя лодка маленький. Дзеньги два лаз!
- Хао! Кэ и! – согласился Александр Петрович.

Антошка ещё раз с уважением и удивлением посмотрел на него, встал, поклонился и, кивнув в сторону кухни, сказал:

- Ни дэн и ся! Во дуй Маша шо!
- Хорошо, я немного подожду! А Маша-то тебя поймёт?

В ответ Антошка широко улыбнулся.

Через минуту после того, как китаец ушёл, в комнату зашли Кузьма Ильич и Марья, у обоих на лице было удивление.

– Что вы на меня так смотрите? Я с ними до войны почти три года... работал. – И добавил: – Марьюшка, собирай нас в дорогу!

Глава 4

Александр Петрович, следуя за китайцем-боем, поднялся на второй этаж гостиницы «Сибирь», остановился у двери номера 23 и постучал. Дверь открыла высокая стройная русская женщина с гладко зачёсанными, светлыми, кудрявыми на висках волосами.

Адельберг представился, и она мягким жестом пригласила его войти.

– Прошу! Располагайтесь! – сказала она и показала на кресла у окна рядом с низким китайским резным столиком тёмного дерева, на котором лежали коробка с сигарами, курительные принадлежности, стояли ваза с фруктами и бутылка французского коньяку. – Сергей Афанасьевич скоро освободятся!

Адельберг сел в кресло, взялся за сигарную коробку, открыл и... закрыл.

Он переправился из Благовещенска в Сахалин всего два дня назад, не успел ещё оглядеться, как вдруг был оповещён о том, что его приглашает на разговор атаман Лычёв. О чём мог быть этот разговор, он мог только догадываться.

Сидя в кресле, он осматривал комнату – светлую: два высоких окна были занавешены короткими тюлевыми занавесками и тяжёлыми, со шнурами и кистями, коричневыми атласными порттьерами с рисунком в стиле Людовика XVI. Между окнами стоял будуарный столик, над которым висело зеркало хорошего качества в резной деревянной раме с перламутровыми накладками. В правой от окон боковой стене была дверь, видимо в соседнюю комнату. С противоположной стороны, упираясь в изразцы голландской печи с чёрными чугунными дверцами и начищенной до зеркального блеска медной круглой вьюшкой, стоял бархатный диван русской работы, с высокой спинкой с узким зеркалом и двумя круглыми валиками по бокам; пол покрывал толстый мягкий китайский шёлковый ковер. Мебель, занавески, салфетки, множество расставленных по комнате китайских фарфоровых, костяных и бронзовых безделушек, на стенах масляные картины и несколько офортов – всё было хорошо, со вкусом подобрано и находилось в полной гармонии и порядке. На всём лежал отпечаток домашнего уюта, чувствовалась хозяйская, женская забота. У Александра Петровича вдруг защемило на сердце и захотелось курить, он заставил себя отвлечься от созерцания обстановки и вспомнил женщину, которая открыла ему дверь и пригласила войти: молодую, красивую, одетую в городскую белоснежную, приталенную, с воротничком-стойкой блузку с отутюженными рукавами и буфами на плечах и широкую, в складку, фиолетовую юбку. У неё был гладкий зачёс и тяжёлый узел волос, по-казацки забранный на затылке в маленький шёлковый чехол. Он видел таких – амур-

ских казачек в Благовещенске, с такой же статью, хотя и одетых попроще. От этой женщины и всего того, что сейчас находилось перед ним, веяло забытой домашней жизнью.

Александр Петрович встал из кресла и подошёл к зеркалу. Он был причёсан и чисто выбрит, но всё остальное плохо вписывалось в обстановку комнаты: тёмно-синяя косоворотка, старый чёрный пиджак рабочего с городской окраины и шерстяные брюки, заправленные в короткие смазные сапоги, – это был его костюм. Потёртое на локтях и плечах, подбитое ватой пальто с бархатным воротником он оставил в гардеробе гостиницы: «Если не бриться и зарости под самые глаза, и картузик напялить какой-никакой, приказчиком из скобяной лавки мог бы... вполне... представиться».

Он оглядел комнату.

«Сколько же лет я не был в такой обстановке... где не пахнет ни войной, ни тайгой!» – с тоской подумал он, подошёл к окну и упёрся кулаками в подоконник.

Гостиница «Сибирь», где он сейчас находился, стояла в середине параллельной, второй от берега Амура, улицы китайского города Сахалина, и из окна был виден на противоположном берегу советский Благовещенск. Александр Петрович смотрел: он видел купола благовещенского собора и острые шпили на крыше универсального магазина Кунста и Альберса, вон на середине дороги к пассажирскому дебаркадеру на берегу высится Триумфальная арка, ею встречали цесаревича Николая Александровича; баржи и лодки облепили берег и пристани, вот пограничный сторожевой монитор «Яков Свердлов», постоянно стоящий на якоре прямо на амурском фарватере и пускающий по ветру тонкую едкую струйку угольного дыма. На набережной люди, конные упряжки и редкие автомобили, а вон между зданиями виден забор городского рынка.

Позапозавчера, только со второго этажа благовещенского статотдела, он точно так же смотрел на Сахалин, видел крышу гостиницы «Сибирь» и не знал, что попадёт сюда и будет смотреть на Благовещенск. Ощущение мира и спокойствия, которое исходило от обстановки в этой комнате и от женщины, открывшей дверь Александру Петровичу, было непривычно и не похоже на совсем недавнюю, прежнюю жизнь; поэтому казались сном видневшиеся через реку в полуверсте: советский берег, Благовещенск, статотдел, совгражданин Александр Петрович Кожин, прапорщик царской армии нищий Тельнов... Александр Петрович глянул вниз – на улице перед гостиницей стоял Кузьма Ильич: «Интересно, а что он делает под окнами, этот глупый старик! Я ведь просил его сидеть на постоялом дворе и ждать...»

Лычёв вошёл через бесшумно открывшуюся боковую дверь. Он был в солдатской гимнастёрке защитного цвета с золотыми, шитыми зигзагом генеральскими погонами русской императорской армии и в чёрных галифе с леями и жёлтыми лампасами.

Адельберг обернулся, и атаман спросил:

– Что там такого интересного, уважаемый Александр Петрович? Вы ведь только что оттуда! Или не верится? Понимаю, понимаю. – На правах хозяина Лычёв подошёл и протянул руку. – Как добрались?

– Благодарю, ваше высокопревосходительство, но пока ещё не добрался, конечным пунктом моего маршрута является Харбин.

– Ну как же, как же, Александр Петрович! Как же! Осведомлены! Однако прошу вас, давайте без чинов!

– Хорошо, Сергей Афанасьевич! Без чинов так без чинов! Тогда разрешите полюбопытствовать, чем обязан таким вниманием к моей скромной персоне?

Лычёв пригласил гостя сесть в кресло рядом с курительным столиком, открыл коробку, достал сигару и щёлкнул её кончик серебряным резак.

– Такая глушь, уважаемый Александр Петрович, а табак настоящий – Гавана! Всё-таки молодцы!.. Оборотисты эти черти косоглазые! Не успеешь глазом моргнуть, война не война, всё доставят. И извольте заметить, всё настоящее! Если коньяк, то французский; табак турец-

кий или виржинский! Или вот, – Лычёв покрутил сигару, – кубинский! А уж наши дамы в этом захоlustье! Если чего-нибудь нет в Сахалине или Фугдине, можно заказать в Харбине, на крайний случай в Тяньцзине или Шанхае, и вам всё привезут в лучшем виде!

Он, обкуривая кончик сигары, говорил спокойным голосом и покачивал ногой, обтянутой глянцевым голенищем лакированного сапога.

– Что на той стороне? Что нового в Советах? Вы ведь служили у них по ведомству статистики?

– Да, уважаемый Сергей Афанасьевич! – не проявляя удивления, подтвердил Адельберг. – По ведомству статистики! Однако подробностей рассказать не могу, потому что особо не интересовался. Надеюсь, вам понятно, по какой причине.

Лычёв качнул ногой, окутался дымом, помолчал и постарался скрыть недовольство, вызванное независимым поведением гостя.

– А можно всё же полюбопытствовать, полковник, что это за причины? На мой взгляд... – Он сделал задумчивый вид. – Да вы курите, или вот коньяку, – он протянул руку к бутылке, но Адельберг отказался, – понять, что происходит вокруг, а особенно в лагере противника, всегда полезно, не так ли? А тем более когда собираешься возвращаться к своим!

– Вы, без сомнения, правы, но в моём положении проявлять любопытство было опасно, а потом, то, что происходит в Дальневосточной так называемой республике, и без того понятно.

– И что же?

Разговор и тон Лычёва начали раздражать Адельберга, однако начатое надо было довести до конца, и не было никаких резонов входить в контры на первых же шагах, тем более что теперь было уже приблизительно ясно, к чему ведёт атаман.

– Сергей Афанасьевич! Советам в самое ближайшее время надо, первое, разобраться с нами! Я надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю! А дальше, если это им удастся, оглядеться вокруг и начать строить новое государство – более сильное, чем было у нас...

– И какие у них для этого имеются возможности?

– Это вопрос непростой, и вряд ли сейчас кто-то сможет дать на него правдивый ответ. Это будет зависеть от многих причин, в том числе и от нас с вами.

– Поясните!

– Вероятно, борьба большевиков за своё господство на этом не закончилась!

– Ну что ж! Я думаю, вы правы! – с прояснившимся лицом сказал атаман. – Об этом я и хотел с вами поговорить.

– Весь внимание!

– Господин полковник, как видите, и мы тут сложа руки не сидим!

Адельберг согласно кивнул, вспомнив вопрос Лычёва о его работе в благовещенском статотделе.

– Я со своими казаками обеспечиваю весь прикордон по Амуру от Сахалина и до Хабаровска. Есть силы, оружие, амуниция, налажено снабжение, есть поддержка союзников. Здесь у нас тихо, но только здесь и сейчас. А там, – сказал Лычёв и махнул рукой в неопределённом направлении, – в районе Владивостока, там всё только должно начаться. Кстати, все остатки армии Владимира Оскаровича, – каппелевцы, как они себя называют, стоят в Приморье, и вот-вот... Я не знаю, что вас держало в Советах, но, если вы хотите поспеть к событиям, вам надо поторопиться...

При упоминании о союзниках Адельберг неприязненно поёжился.

– Мне известно, Александр Петрович, что вы сопровождали эшелон с золотом, кстати, какова его судьба? Может быть, мы знаем не всё?

Адельберг внимательно посмотрел на Лычёва.

– Мой вопрос вызван тем, – продолжил тот, – что при всех достоинствах, которые у нас имеются, средств не хватает... Но самое главное не это. Нам не хватает опытных офицеров. Слиш-

ком великой оказалась убыль офицерского корпуса на фронтах и в Ледяном походе. Таких, как мы с вами, единицы. У меня много храбрых и мужественных офицеров, но они только умеют лихо рубиться, то есть имеют боевую закалку, и мало у кого из них хорошие знания, особенно по разведывательной части. – Лычёв замолчал и испытующе посмотрел на Адельберга.

– И что вы предлагаете? – спросил тот.

– Я думаю, вы должны догадываться, что на вас рассчитывают не только как на опытного боевого офицера, но и как на специалиста в делах разведки. Хотя, если есть желание, можете взять пару сотен моих казаков и пройти по красным тылам, особенно в тех местах, которые вы хорошо знаете!

– Ваше высокопревосходительство! Сергей Афанасьевич, – после некоторой паузы сказал Адельберг, – я догадывался, что мне ещё будет предложено послужить, и это справедливо! Однако сейчас я имею единственное намерение – добраться в Харбин к семье, а после этого можно будет о чём-то разговаривать. Пока это всё, что я могу вам ответить!

– А что всё-таки случилось с вашим литерным эшелоном?

– Это надо спросить у чехов.

– Сколько же там было ценностей?

– Несколько ящиков со слитками, по-моему, четыре, и три саквояжа с другими ценностями. У меня не было полной описи имущества, была только расписка в получении под охрану.

– А в каких числах вас перехватили чехи? Или арестовали?

– Ваше высокопревосходительство, это допрос? – Адельберг приготовился встать.

– Конечно нет, господин полковник, однако обстоятельства, согласитесь, любопытные, тем более что после 5 февраля 1920 года вас, барон, никто не видел до самого вашего прибытия несколько недель назад в Благовещенск, да ещё и с поддельными документами.

Понимая, что его участие в разговоре с атаманом далее бессмысленно, Адельберг вытащил хронометр и открыл крышку.

– Какая любопытная вещица, – неожиданно заинтересовался Лычёв, – знакомая!

Адельберг удивлённо посмотрел на него.

– Я видел уже такой редкий хронометр, и знаете у кого?

– У кого?

– У его высокопревосходительства генерала Мартынова.

– Евгения Ивановича? При каких обстоятельствах?

– При известных! В 1910 году, когда он принимал округ, я был ему представлен как призёр окружных скачек.

– Кажется, припоминаю! Вы тогда были сотником...

– 1-го казачьего полка на восточной линии!

– И они вам памятливы?

– Они памятливы всем, кто принимал участие в ристалищах. Он лично по этому хронометру засекал время.

– Как же, как же! Потом, в апреле пятнадцатого года, вы с округом прибыли в Галицию, на Юго-Западный...

– Да, в 8-ю армию к...

– Алексею Алексеевичу Брусилову...

– Перешёл к красным... слышали?

– Слышал, но не верю!

– А как же его письмо к нам, офицерам, с призывом переходить на сторону красных?

– И тем не менее!

– Как-то всё это прискорбно! – Лычёв, гася сигару, плашмя размял её в пепельнице. – Лучшие герои, можно сказать, рыцари российского воинства, а... А знаете, что произошло с генералом Мартыновым?

– Знаю, что в самые первые недели Германской кампании он с пилотом аэроплана-разведчика попал в плен к австрийцам...

– Да-с, и сидел в плену вместе с Лавром Георгиевичем Корниловым. После окончания войны, точнее, после её прекращения большевиками вернулся и сейчас служит у них, «красным», так сказать, генералом.

Новость для Александра Петровича была ошеломляющей.

– Где же вы провели эти полтора года, что для вас такое – новость?

Адельберг демонстративно захлопнул крышку часов.

– Хорошо, барон! Могу вам подсказать, что очередной караван до Цицикара отбывает завтра утром. Езжайте в Харбин, повидайте семью и не забывайте нашего разговора. Вероятно, увидимся в Харбине. Не смею задерживать! – сказал Лычёв, неопределённо хмыкнул, встал и, не подавая руки, повернулся к окну.

Адельберг вышел из номера, Лычёв оглянулся, посмотрел вслед и промолвил сквозь зубы: «Гвардейская сволочь!»

Глава 5

Ранним утром Адельберг и Тельнов покинули пропахший горелым маслом и пряностями китайский постоялый двор, дошли до городского рынка и устроились на одну из повозок большого торгового каравана, уходившего из Сахалина на юг на железнодорожную станцию Цицикар.

Пока шли на базар, Тельнов, то отставая, то перебежками догоняя Александра Петровича, бормотал себе под нос:

– Что это за названия такие, уважаемый Александр Петрович? Сахалин, с вашего позволения, понятно – это они переврали наш Сахалин, тоже далеко, чёрт-те где! А что такое Сисихаэр?

– По-нашему, это Цицикар! Это древнее маньчжурское, а не китайское название!

– А этот... Айху... тьфу, гадость, русскому человеку и произнести-то совестно!

– Это что вы такое сейчас сказали?

– Это название следующей после Сахалина остановки!

– Айхунь! – Александр Петрович вспомнил название населённого пункта; десять лет назад он их все знал наизусть. – Это деревня на берегу Амура, это на юг. Вы, Кузьма Ильич, голову себе ненужным не забивайте, а лучше позаботьтесь о наших припасах.

– Как это?

– Держите их при себе покрепче и не отпускайте ни при каких обстоятельствах.

– Что? Китайцы воруют?

– Про китайцев такого не припомню, но наши это сделают с превеликим удовольствием! Сколько, вам сказали, караван будет идти до Цицикара?

– Почти четыреста вёрст!

– Да, это я ещё помню, а времени сколько?

– Сказали, что если всё будет благополучно, дай-то Бог, то дней десять!

– Ну что же, по сорок вёрст в день, через сопки и тайгу, с ночёвками, это вполне реальные сроки!

Караван, состоявший из полутора десятков возов и телег, тронулся с места через два часа. Китайские и русские возницы долго бегали между возами, увязывали поклажу, договаривались

с казачьим конвоем, слюнявили денежные ассигнации и ударили хлыстами, уже когда утренняя прохлада стала переходить в июньскую жару.

На одной телеге с Адельбергом и Тельновым ехала русская семья, крестьяне, молодые муж и жена с грудным ребёнком. Тельнов сразу вступил с ними в разговор и был занят этим все сорок вёрст, до самого Айхуня.

Накатанная дорога шла вдоль Амура по ровному берегу. Прошедшая ночь была беспокойная: то заедали насекомые, которых на постоялом дворе оказалось с избытком и на которых Кузьма Ильич не обращал никакого внимания и мирно посапывал, то наседали мысли, особенно после разговора с атаманом. Александр Петрович не стал пересказывать его в подробностях Тельнову и сильно выиграл, поскольку в результате удалось избежать назойливых расспросов старика. На душе было невесело.

Всё время, пока он жил в тайге с Мишкой одной лишь надеждой и представлением о том, каким может быть его возвращение в Харбин, он думал об этом иначе. Но несколько недель, проведённых в Благовещенске, всё то, что он услышал там и ещё за несколько дней в Сахалине, свидетельствовало о том, что всё может быть не так благостно, как ему представлялось.

Дорога шла ровная, солнце пригревало, Александр Петрович то дремал под тихий разговор Тельнова с соседями, то просыпался. Когда он начинал дремать, ему очень хотелось увидеть Анну, он уже привык видеть её во сне, но сейчас она не приходила, вместо этого в голову лезла каша из услышанных разговоров: о том, что белые готовят наступление, о том, что они накопили силы во Владивостоке, что их поддерживают японцы, которые в Приморье тоже полагают немалыми силами, и вот-вот что-то должно начаться...

Сквозь дремоту он слышал, как скрипят возы, шлёпают по жёлтой, пыльной земле конские копыта, несколько раз ему показалось, что он слышал слово «гуран», но он не обращал на это внимания и снова погружался...

— ...гуран... — снова услышал он отчётливо.

Он проснулся, но глаз не открыл и прислушался.

— ...нас гуранами кличут, но мы семейские, старой веры люди... — говорил мужской голос.

Александр Петрович хмыкнул: «Знакомо!» Крестьянин что-то рассказывал Тельнову про житьё-бытьё, однако Александр Петрович почти ничего не услышал, поскольку запищал ребёнок и перекрыл своим тянущим тонким голосом уже давно лившуюся на телеге беседу.

«Гуран! Знакомо!»

Он вспомнил Мишку. Последние несколько вечеров перед отбытием из зимовья прошли у них в разговорах. Александр Петрович долго не решался задать ему один вопрос, а уже когда его отъезд был твёрдо решен, когда меха были проданы, деньги разделены и Мишка привёз ему городскую одежду, спросил:

— Михаил! Давно хотел тебя спросить...

— Почему я подобрал тебя, ваше благородие, два разá? Почему не бросил в Мысовой, почему не отдал красным? Так, что ли?

Александра Петровича всегда поражала его способность угадывать мысли: он мог себе объяснить это только долгим Мишкиным одиночеством в тайге, где Мишка сам с собою всегда разговаривал вслух.

— Да!

Они сидели за столом, невеликий скарб Александра Петровича был уложен в старый, потёртый, купленный Мишкой саквояж; тихо потрескивали дрова в печи, и неярко горели свечи.

— Да, Петрович, тёмная энта история. — Не глядя ему в глаза, Мишка стал набивать свою коротенькую трубочку. — Тёмная энта история души моей. Совестно сознаться. Грех попутал! Думал, не спросишь!

Трубка раскуривалась плохо, пыхала и хлюпала...

– Почистить бы надо! – сказал он, придавил пальцем табак, подождал, пока тот потухнет, встал из-за стола и выбил на железный припечник. – По первости думал, что, может, ты золотишком, которое охранял, разжился, а потом понял, что не так это, и так стыдно мне сделалось перед тобой... А потом тебя сызнова кто-то кабудто под ноги мне подкинул, уже хворого. Так я и не думал ни о чём.

Он стал возиться с трубкой, Адельберг не перебивал.

– Про то, што вагонами золото возют по всей чугунке туды-сюды, все знали. Про то, что растаскивают его помаленьку, тоже не секрет. Што чехи собираются всё энтó красным передать, шоб те им проход дали, – и энтó было известно... А вы себе шли и шли! А мы оставались! Вам энтó золото было нужно на патроны да пушки, врага своего «красного» зничтожить, хотя и проиграли вы уже всё, што только могли, – все свои войны! А нам – на порох да свинец зверя в тайге бить, да шоб хлебушка в неурожайный какой год прикупить, да мало ли чё... Без денег оно сам знаишь!

Александр Петрович слушал, а Мишка расщепил лучину и стал подстрегивать.

– ... чехи с твоим ашалоном как тебя зарестовали да засадили в каталажку, почитай, сразу и ушли, только караул оставили... я про то намерднi услышал, а с утрева ты и сам объявился! Чё было не подойти? Потом уж понял, што нету у тебя ничево, так не сгонять же тебя было с кошевы. Я, чай, не зверь! А дале Господь тебя под самые ноги так и подкинул, опять же не оставлять замерзать на льду ангарском. Да и Кешка энтот, Четвертаков! – Мишка всплеснул руками и хлопнул себя по коленям. – Бедолага! Всем хорош мужик – а чёй-то, видать, щёлкнуло у него в голове не туды. Охотник наипервейший, каженный выстрел – в цель! – Он затесал лучину и стал заталкивать в короткий чубук маленькие кусочки ветоши. – Рыбак! Нюхом чует, где рыба пасётся, а как пришёл с германской, чисто зверь, особливо до вашего брата, ахвицера. Вот так!

– А почему в Мысовой меня не оставил?

– А я и сам не ведаю. Вас на моих санях на Байкал-море трое оказалось, даже баба одна, да только я тех не знал. С-под них сани унесло, я их к себе и перетащил, а к тебе как вроде душой и притулился. И весь сказ!

– А про внучек рассказывал, что, мол, учить надо.

– Была думка в голове, врать не стану, чтобы поучительствовал ты у нас в деревне, кто ж знал, что заболеишь, да только общество отказало мне в сожительстве, сказывал уже. Потому сначала-та забрал тебя к себе, а потом куды девать? Можно было, оно конечно, отправить тебя по весне, как окреп чуток, дак полуслепой ты был, посла тифу. Куда же было отправлять? На смерть верную? А знаишь, сколько Кешка тваво брата по тайге побил? Зверь лютый! Вот и завелась в голове другá мыслишка.

– Какая?

– А как – какая? Што за власть пришла, как с ей жить; да и можно ли будет ужиться? Власть – штука чижолая, с ею управляться надобно умеючи, а хто управится, Кешка, што ли?

– А Ленин?

– Ленин! Сказал тоже! Он мужик головастый, эт понятно, таку страну на дыбки поднял, так он один, а Рассея, вона, от моря до моря! Кешка, што ль, с Серёгой – помнишь такого? – с ею управятся? Дак у Серёги ишо сопля к усу присыхаит, а как и вытрет, так по всей роже размажет. Вот я и подумал...

– О чём?

– Известно о чём! Пока ты в беспамятстве лежал, так в горячке всё поведал и про жёнку свою, и про сыночка, в Харбинé, значит. Дак ежели я с энтóй властью не слажу, дак куда ж мне деваться с дочкой да с внучками! Явлюся к тебе в Китай, не прогонишь? Али как?

– А как ты думаешь?

Мишка прочистил трубку, посмотрел на Александра Петровича и промолчал.

Растянувшийся на полверсты караван, отбрасывая на протекавшую под самой дорогой амурскую воду длинные вечерние тени, втягивался в глиняную серую китайскую деревню Айхунь. Утомившийся от долгого разговора с попутчиками Тельнов дремал, крестьянка-старовка, отвернувшись от всех, кормила грудью ребёнка, а её муж сорванной веткой отмахивал от неё гнуса.

В центре деревни располагались базар и постоялый двор, но места не нашлось; предыдущий караван ушёл ещё не весь, а уже прибыл новый, поэтому желающих переночевать было много. Проснувшийся Тельнов расстроился по этому поводу, насекомые были ему нипочём, а Александр Петрович не расстроился, он ещё помнил свои мучения на постоялом дворе в Сахалине.

Караван стал располагаться. Возницы распрягли коней и за деньги доверили их казакам из конвоя увести на ночной выпас. Телеги и возы поставили кругом и в середине запалили большой костёр. К прибывшим потянулись из деревни китайские крестьяне, которые предлагали варёную чумизу, мутноватую водку хану, вяленую рыбу, печёную картошку; которые побогаче, звали домой поесть варёного риса.

Уже смеркалось, огонь большого костра весело освещал деревню. Путь предстоял долгий. Александр Петрович и Кузьма Ильич договорились, что, пока у них будут припасы, которыми они запаслись в Благовещенске и Сахалине и приготовленные им Марьей, постараться денег не тратить.

Они вышли из образовавшегося табора и расположились своим маленьким бивуаком на берегу Амура. Под деревней Айхунь Амур тёк с севера на юг, и солнце садилось у них прямо за спиной; место было равнинное, спокойное, река текла сплошным зеркалом; под невысоким берегом плескалась мелкая рыбёшка, крупная оставляла на воде длинные стрелы чуть дальше.

Кузьма Ильич посмотрел на воду и с грустью сказал:

– Эх! Сейчас бы с бредешком походить!

– Даа! Бредешок! Не до него сейчас! Разведите, пожалуйста, огонь, а я схожу принесу картошки, – всё же горячее; завтра дорога будет не в пример тяжелее.

Адельберг ушёл и минут через десять вернулся, неся в руках два плетёных тростниковых кульки. Тельнов развернул большой белый с цветами Марьин платок и раскладывал на нём снесь. Александр Петрович раскрыл кульки.

– Это что, картошка? – с удивлением спросил Кузьма Ильич, показывая пальцем на парящие розовые плоды, значительные по размеру, продолговатые и нисколько не напоминавшие привычную ему картошку.

– Не совсем, конечно, Кузьма Ильич. Это дедушка картошки – батат. Вы ешьте, нам сейчас записываться в гурманы совсем некстати, – ответил Александр Петрович и достал хану. – Выпьете?

– Увольте! – Кузьма Ильич, глядя на мутную бутылку, сделал брезгливую мину.

– Как знаете, а я выпью для сна, вчерашнюю ночь насекомые так и не дали заснуть.

Александр Петрович взял батат, разломил поперёк, поверху разрезал ножом тонкую запёкшуюся шкурку и по разрезу разломил ещё раз – желтовато-розовая мякоть парила.

– Давайте, Кузьма Ильич, давайте, нам привередничать не пристало.

Кузьма Ильич взял предложенную ему четверть батата, немного откусил и, морщась, произнёс:

– Она... он сладкий!

– Не совсем сладкий, но сладковатый, а вы солью присыпьте. – И Адельберг строго посмотрел на старика. – Это Китай, привыкайте, мы тут надолго.

После ужина он попросил:

– Я развеселю костёр, а то мошка заест, и соберу остатки еды, а вы, Кузьма Ильич, вот вам котелок, сходите к китайцам и попросите у них кипятку, дайте им котелок и скажите «кай шуй», запомнили?

– А из Амура нельзя?

– Не рекомендую! Идите, Кузьма Ильич, идите! «Кай шуй», не забудете?

Кузьма Ильич промямлил «кай шуй» и поплёлся к табору.

Были поздние сумерки, то самое время, когда день кончился прошедшим мгновением и начиналась ночь; когда сумеречный свет почти потух, и преодолевший эту границу огонёк угасавшего костра становился нестерпимо ярким, таким, что стоило от него отвернуться, и глаза любого человека на мгновение слепли. Адельберг взял платок поменьше и, прикрываясь от костра ладонью, стал собирать в него оставшуюся еду – второй батат лежал нетронутый.

«Ничего, привыкнет! Вспомни, как сам привыкал!»

Вдруг он услышал сзади быстро приближающиеся шаги, но не успел обернуться, как кто-то навалился на него со спины, придавил к подстилке и начал душить просунутым под горло локтем. Александр Петрович схватил валявшийся на подстилке нож и ударил назад. Напавший охнул, быстро вскочил и, хромя на раненую ногу, побежал в ближайшие кусты, Александр Петрович успел глянуть ему вслед. Он сел и попытался раздышать передавленное горло, в голове мелькнула мысль: «Догнать!», но он не знал, сколько их в кустах может оказаться ещё.

Через несколько минут вернулся Тельнов.

– Вот вам ваш «кай шуй», – сказал он и поставил парящий котелок. – А что с вами?

Александр Петрович сидел на коленях и держался за горло, вдруг Тельнов увидел нож с чёрным лезвием и чёрными пятнами под ним на белом Марьином платке.

– Что это? – спросил он встревоженным голосом.

– Это батат такие следы оставляет, – сдавленным голосом соврал Александр Петрович, взял нож и вытер лезвие о свои чёрные брюки.

– Как паслён!? – Кузьма Ильич хихикнул. – Вот это еда! Представляете, какие у нас сейчас желудки, глянуть страшно – небось чёрные, как у негров! Знал бы, отговорил бы вас от этой картошки. А что вы вдруг засипели?

– Не знаю, что-то в горло попало.

– Ну тогда вот запейте это вашим «кай шuem»! Я правильно произнёс?

Глоток горячей воды немного смягчил горло, шея ещё болела, Александр Петрович повёл головой и почувствовал, что воротник его косоворотки, правая щека и правое плечо пахнут махорочным перегаром.

«Свои!»

Он собрал побольше хворосту и всякого сушняка на берегу и бросил всё это рядом с костром.

«Однако и сегодня поспать вряд ли удастся! Что же это могло быть? Случайность? И кто это мог быть? Неужели люди Лычёва? Но зачем?»

Утром следующего дня они снова уселись на телегу – уставший после двух бессонных ночей Александр Петрович и бодрый и радостный Тельнов. Они заняли её целиком, без соседей, и двинулись в путь. Александр Петрович внимательно наблюдал за караванщиками, конвоем и пассажирами, но хромящего на правую ногу среди них не обнаружил. Он попросил Тельнова его не беспокоить, растянулся на поклаже во весь рост и с мыслью «будь что будет» заснул.

Сон был хрупкий, через дремоту ему всё время казалось, что вокруг происходят какие-то события: что рядом что-то громко лопается, падает, гремит, кто-то кричит, кто-то поёт, где-то играют на звонких китайских инструментах. Он переворачивался с боку на бок, и тут же что-то начинало скрипеть, как продольная пила, которой на доски распиливают брёвна; или

рядом прямо в ухо разговаривают; а то гремят колёса, и под гору летит телега, а параллельно, стуча на рельсовых стыках, «ноздря в ноздю» с телегой летит паровоз и поглядывает на него – как-то победно. Александра Петровича это пугало, и он не понимал, где сон, а где не сон. Он открыл глаза. Несмотря на то что он проспал почти всю дневную дорогу, голова была тяжёлая.

Он огляделся. Вozy уже завели вкруговую на небольшую поляну между сопками; тайга спускалась к поляне вплотную, и под сопками протекал ручей, к которому с вёдрами ходили люди и зачерпывали воду. Посреди поляны горел большой костёр, от которого шло тепло. Тельнов сидел рядом на телеге и раскладывал еду.

– Проснулись, Александр Петрович! Вовремя! А я тут ужин готовлю. Хотел уже вас будить и идти подогревать, знаете ли, ваш батат!

Александр Петрович сел, потянулся и почувствовал, что шея ещё болит.

– Добрый день... вечер, Кузьма Ильич! Я всю дорогу проспал?

– Так и есть, Александр Петрович! И даже похрапывали! Так я пойду?

– Подождите немного, я схожу умоюсь!

– Конечно, конечно, Александр Петрович! Святое дело! Водичка в ручье ледяная, доложу я вам, освежает!

Александр Петрович спустил с телеги ноги, присел разок для разминки и пошёл к ручью.

Караван распрягли, лошади шумно жевали сено, люди ходили то к костру, то к ручью и что-то варили в котлах, подвешенных на таганах; тихо перебрасывались словами; кто-то закутывался в одеяла и пристраивался спать. Дневную жару сменила таёжная прохлада, и от котелков поднимался плотный, бело-розовый в свете костра пар.

Александр Петрович дошёл до ручья, ополоснул лицо и руки и вернулся к телеге. Тельнов разложил еду, но не притрагивался к ней, пока не вернётся Александр Петрович.

– Я всё же успел немного разогреть батат, без горячего оно плохо.

Сначала ели в тишине, Тельнов быстро справился с бататом, густо посыпая его солью.

– А я вот всё думаю, Александр Петрович, где же мы всё-таки оказались, что это за Китай такой, знаете ли, что китайцев почти нет?

Голова была ещё тяжёлая, и разговаривать не хотелось, но любознательность старика надо было удовлетворить, в конце концов, он сам позвал его с собой, в эту неизвестную старику страну, с неизвестным народом и непонятным языком, а так получалось даже неприлично.

– Это, Кузьма Ильич, даже и не вполне Китай...

– В том-то и вопрос, уж простите, что перебил! К примеру сказать, в Сахалине мы были, так там китайцев, что в Благовещенске, почти одинаково, а дальше деревня эта... Ай...

– Айхунь!

– ...та, что на берегу! И там их не так уж и много. С нами ехали староверы, я с ними разговорился, они говорят, что их деревня вся только русские. Как так получается – и вроде Китай, и не Китай! Странно!

– Почти так и есть. Это самый северо-восточный район Китая, Маньчжурия, когда-то здесь жили маньчжуры. Китайцы живут намного южнее: от Мукдена, или, как они его называют, Шэньяна, на юг, а там дальше пекинская провинция, шаньдунская, потом Шанхай и так далее. Это уже Китай – настоящий.

– Вы там бывали?

– Приходилось! Эти места, северо-восточные, они начали осваивать сравнительно недавно и делали это очень медленно. – Александр Петрович рассказывал и выполнял как бы две задачи: просвещал старика и пытался разговориться сам, потому что чувствовал, что после тяжёлого дневного сна его голова ещё была тяжёлая и медлительная. – Их сюда много приехало, когда мы стали строить железную дорогу; появилась работа, начали строиться города, стало легче осваивать землю, и русских сюда много пришло, из России, из Приамурья, Забайкалья, и жили все довольно мирно...

– Прямо пустая земля до этого была? – Кузьма Ильич явно заинтересовался.

– Не совсем. Были и есть старые китайские и маньчжурские города, вот, например, сейчас мы с вами движемся в Цицикар, это, как я вам говорил, старый маньчжурский город. К тому времени, когда начал строиться Харбин, он стоял уже много лет. Я ведь тоже знаю не так много и не так точно. Знаю только, что до постройки железной дороги китайцев здесь было намного меньше. Вы сказали – Благовещенск! Тоже стоит на отшибе, и Сахалин стоит на отшибе. Китайская цивилизация от Сахалина далеко. На востоке, если рассуждать от этого места, – Адельберг показал пальцем себе под ноги, – течёт большая река – Сунгари, она впадает в Амур. Там по берегам живёт много людей, и вдоль КВЖД. Вот мы туда и движемся.

– На Сунгари?

– Нет, на КВЖД. Доберёмся до Цицикара, сядем в поезд и приедем в Харбин, если ничего не помешает, а Харбин стоит на Сунгари.

– А что может помешать? – Тельнов от любопытства ёрзал и потирал руки.

– Случиться может многое!

– Не томите, Александр Петрович!

– Например, хунхузы!

– Это что за звери такие?

– Это не звери! Это люди, точнее, бандиты, которые нападают на такие караваны, как наш, и даже на поезда, хуже зверей!

– Откуда же они взялись?

– Старая история! Двадцать лет назад, чуть больше, в Китае вспыхнуло восстание китайских патриотов против иностранцев, которые построили здесь железные дороги, фабрики...

– А что же плохого в железных дорогах и фабриках?

– Ничего плохого в этом, конечно, нет, но китайские торговцы и ремесленники стали терять работу и, разумеется, были недовольны. Они и подбили народ поднять восстание, мы их называли «боксёрами», они вот так делали руками, – сказал Александр Петрович и поднял вверх правую руку с плотно сжатым кулаком. – «Боксёры» даже заняли Пекин, и взбунтовались на всём северо-востоке, и уничтожали всё иностранное. Однако за два года с ними справились и бунт утихомирили, но во многих местах их шайки сохранились и стали обычными бандитами и грабителями. Многие красили бороды в красный цвет, это мне так рассказывали, поэтому их стали называть «хунхузы» – «красная борода». Рассказываю вам то, что сам слышал, сталкиваться пока не приходилось, и не приведи Господь, – они очень жестокие. И если раньше они боролись за какую-то их справедливость, то сейчас это просто бандиты. Поэтому я и говорю, что дай Бог нам добраться...

– А я вот всё думал, почему вы не поехали в Китай по железной дороге, из Читы, к примеру?

– Я тоже думал, – Александр Петрович потирал виски, и головная боль постепенно уходила, – и так и этак! Но по железной дороге было невозможно. А Благовещенск всё-таки глушь, да и Мария, у которой мы квартировали, надёжный человек, и Китай – только через Амур переправиться, поэтому я в Благовещенск и приехал.

– ...и что эти хунхузы? – Тельнов начинал становиться слишком любознательным.

– Всего не расскажешь за один вечер, и не поминайте чёрта к ночи, Кузьма Ильич. Давайте-ка лучше ложиться спать!

Тельнов недовольно засопел, начал собирать остатки еды и увязывать в узелок. Судя по всему, несмотря на утомительный переезд, спать ему совсем не хотелось, а Александру Петровичу тем более не хотелось спать, а напротив, хотелось подумать в одиночестве.

– Вы ложитесь, Кузьма Ильич, ложитесь, дорога впереди ещё длинная, как ваша любознательность. Мы ещё наговоримся.

Тельнов буркнул: «Спокойной ночи», завернулся в купленный в Благовещенске овчинный тулуп, подобрал какой-то мешок из поклажи под голову и повернулся спиной к костру. Караван к этому времени уgomонился; около костра оставались только казаки из конвоя; они сидели на снятых с лошадей сёдлах, курили и держали на скрещённых по-турецки ногах заряженные карабины.

Александр Петрович слез с повозки и подошёл к ним.

– Ну что, станичники, тревожно здесь, что нам завтра Бог пошлёт?

Один, постарше, густо выдохнул дым и мрачно вымолвил:

– Что пошлет, всё наше будет!

– Хунхузов пошлёт! – хохотнул другой.

– Типун тебе на язык! А ты иди спи, господин хороший, а то старшой заругает, нам попусту болтать не положено!

Александр Петрович присел было рядом, однако разговор не получался, он докурил трубку и вернулся к телеге. Охромевших на правую ногу он так и не увидел.

Настроение было невесёлое, хотя вчерашнее нападение уже стало отходить на второй план: он думал о том, что эти семь лет дороги домой, наверное, не прошли даром. Он думал о том, что с ним может произойти завтра и послезавтра; о том, что он найдёт в Харбине и вообще, сможет ли туда добраться. И сейчас, когда, казалось, конец пути был уже совсем близок, мысли об этом навалились со всей тяжестью.

Глава 6

– А какое сегодня число, Александр Петрович?

Адельберг удивился. Он стоял посередине купе и задумчиво оглядывался.

– В ваши годы, Кузьма Ильич, – не глядя на старика, отреагировал Александр Петрович, – ещё рано, чтобы память отказывала!

– Не могу не согласиться, уважаемый Александр Петрович, в мои годы память и вправду ещё должна быть крепкой, однако разве у них не другой календарь... или вот хотя бы взять этого, с позволения сказать, «антиквара»...

– Вы хотели сказать, старьевщика?

– Старьевщик, Александр Петрович, – Кузьма Ильич, стоявший за спиной своего спутника, поднял палец и возразил, – это когда старьём человек торгует, а у него? От его прилавков так и пахнет женским будуаром, детской комнатой и...

– Гвардейским плацем! – ухмыльнулся Адельберг.

– Вам бы всё шутить!

Александр Петрович повесил на бронзовый крючок пальто и ответил:

– Кузьма Ильич, полно вам, забудьте! У нас есть вот это купе, колбаса, хлеб, китайская капуста и бутылка чистейшей чумизовой хань. Ещё несколько часов дороги, – Александр Петрович вынул часы и щёлкнул крышкой, – и впереди дом. А на ваш вопрос ответчу – сегодня воскресенье, 19 июня 1921 года – календарь в Китае такой же, как у нас.

Кузьма Ильич снял свою овчину и наладился повесить её на соседний бронзовый крючок.

– Вот это – нет! – возразил Александр Петрович. – Это на улице рядом с вами стоять ещё можно, там продувает, а здесь извольте свернуть поплотнее и отправить под полку, иначе задохнёмся.

Обиженный Тельнов постоял, держа в руках овчину, пару раз вздохнул ответить, но, увидев лицо своего спутника, довольное и радостное, чего он не видел с момента их встречи в Благовещенске и вообще никогда не видел, выдохнул и нагнулся поднимать полку.

Перед тем как мелкими глотками выпить треть стакана ханы, Кузьма Ильич умудрился её понюхать.

– Предупреждал вас, пейте не нюхая! И причём – залпом!

Кузьму Ильича дёрнуло и перекосило: он сначала вытянул лицо, потом сморщил так, что не осталось ни глаз, ни носа, ни рта, а только торчали смоляные усы; потом открыл рот и округлил полные слёз глаза; вдох в его горле встал комом; потом он попытался натянуть на кулак рукав, донести его до носа и занюхать – и рукав порвался. Другой рукой он махал, будто отбивался от комаров или от чертей.

Александр Петрович смотрел на него с умилением.

– Занюхайте-ка хлебом или вот колбасой!

Тельнову всё-таки удалось занюхать хану, потом он долго молча зажёвывал выпитое куском колбасы, хлебом, китайской капустой и вдруг неожиданно попросил осипшим голосом:

– Александр Петрович, умоляю вас, закурите, что ли, отбейте этот китайский дух и закройте горлышко бутылки, ну хотя бы чем-нибудь!

Через пятнадцать минут он уже спал, свернувшись на синей бархатной полке калачиком.

Александр Петрович смотрел в окно.

Поезд ещё стоял на станции Ананьци, но по суете, происходившей на перроне, уже чувствовалось, что отправление вот-вот. Этого момента Александр Петрович ждал, чтобы улечься, как его спутник, и проснуться уже в Харбине. Он договорился с проводником, чтобы на подъезде к Сунгари его разбудили.

Незаметно для себя Александр Петрович заснул, хана оказалась крепкой, а когда проснулся, понял, что его разбудил резкий толчок. Он открыл глаза и увидел, как мимо окна медленно проплывают смутные очертания придорожных построек, кустов и посаженных вдоль насыпи деревьев.

«Ну вот, наконец-то!»

Поезд разогнался медленно, плавно покачиваясь, как детская люлька. Тельнов спал, Александр Петрович смотрел в окно и думал про завтрашнее утро; он думал о том, о чём думал в сентябре четырнадцатого года, когда уезжал из Харбина. Сейчас уже наверняка за полночь, уже 20 июня, сегодня день рождения его сына. Он думал о том, как всё будет, и в душу закрадывался страх. За это время изменилась Анна, хотя если судить по письмам – то нет. А может быть, всё изменилось, что семь лет назад их окружало: город, люди, дома, круг знакомых: одни убиты, другие пропали, третьи...

Мысли перемешивались в такт мерному стуку колёс.

Сегодня в середине дня караван наконец-то дошёл из Сахалина в Цицикар. Ещё в дороге они с Тельновым обсуждали, что они могут продать, чтобы купить билеты до Харбина. Александр Петрович показал золотую цепочку от хронометра, подаренного генералом Мартыновым. Кузьма Ильич ахал и приседал и пытался доказать, что, может быть, не стоит, но сам он мог предложить только свой старый, никому не нужный заплечный мешок и иконки с изображением святителя Николая, которые сам же и писал и которые тоже вряд ли кто-то захочет купить; поэтому решение было принято – продать цепочку.

Недалеко от вокзала они нашли лавку скупщика, над входом в которую по-русски было написано «Антикваръ», и зашли. В лавке было пусто, только на полу играл с деревянной лошадкой маленький, лет пяти, толстенький китайский мальчик. Александр Петрович нагнулся.

– А хозяин есть? – спросил он.

Мальчик кивнул, поднялся и побежал за прилавком. В это время открылась дверь, и навстречу мальчику вышел толстый китаец, и Александр Петрович, подойдя к прилавку, начал молча отцеплять цепочку от хронометра. Китаец смотрел, ни о чём не спрашивал и делал вид, что ему неинтересно. Мальчик стоял рядом, смотрел на Адельберга сквозь узенькие, заплыв-

шие на толстом лице глазки, и китаец, судя по всему, хозяин лавки, гладил его по голове. Однако Александр Петрович видел, что хозяин лавки буквально впился взглядом в золотую полусферу хронометра, у которого откидывалась крышка, играла музыка, а на крышке был рельефный, накладной российский императорский герб с орлами и в их глазах сияли красные рубины. Александр Петрович удивился, он боялся, что из-за беженцев, валом валивших из России, снявшихся с насиженных мест и оказавшихся в чужой стране в чём были, такие лавки на КВЖД должны быть завалены всем, чем угодно.

Он отстёгивал цепочку нарочито медленно, не глядя на хозяина, и внимательно осматривал лавку. Он не ошибся, на полках было действительно тесно от фарфоровых и мраморных каминных часов, бронзовых настольных ламп, скульптурных фигурок из металла и камня, под стеклом лежали ордена с драгоценными камнями, целая коллекция хронометров, наградное оружие, одна витрина была полна женских украшений. Александр Петрович смотрел и понимал, что всё, что он сейчас видит, было продано за гроши, ради куска хлеба и нужды – такой же, как у них с Тельновым, – купить билеты. Наконец он отстегнул цепочку, положил часы в карман и увидел, как китаец проследил за его рукой.

Тельнов, крутившийся всё это время по лавке и внимательно разглядывавший витрины, стал подходить ближе и присматриваться к молчаливому диалогу Адельберга с китайцем, и вдруг заорал на китайца:

– Что, сволочь косоглазая, награбили? У нищих людей понаотбирали? Мало вам?

Александр Петрович, хозяин лавки и мальчик удивлённо посмотрели на Тельнова. Адельберг ухватил его за плечи и вытолкнул из лавки.

– Дуй бу ци! – извинился он за своего спутника. – Та хэнь эла! – Он хотел сказать «Он очень злой», но получилось «Он очень голодный».

Мальчик скривил лицо, собираясь заплакать, хозяин посмотрел на него и потрепал по волосам.

– Племянника мала-мала пугайся, – неожиданно по-русски сказал китаец и дал ему сахарную палочку: – Канёсына голóнный! Сяса фсе голóнный! Моя цепóчка не нáда, моя цясы хоцю!

Александр Петрович в упор посмотрел на хозяина лавки:

– Зачем?

– Моя цясы хоцю, цепóчика не хоцю!

– У тебя в лавке часов много, зачем тебе эти? – со злобой произнёс Александр Петрович. Китаец почему-то казался ему знакомым, но он не мог его вспомнить, и это злило. Злило упрямство хозяина лавки, которое было вовсе не ко времени, на вокзале было много русских беженцев, большинство из них без средств, и они жили в душных, переполненных железнодорожных вагонах. Сейчас деньги нужны, чтобы купить билеты в приличный вагон в отдельное купе, чтобы можно было отдохнуть и привести себя в порядок – после такой разлуки Александр Петрович не мог себе позволить приехать небритым, пыльным и вонючим. Он посмотрел на китайца и с вызовом бросил цепочку на прилавок. Китаец вроде испугался или только сделал вид, но цепочку взял и положил на аптекарские весы.

– Цясы холóсы! Цепóчика дзёньги мáло!

– Давай сколько дашь!

Хозяин смахнул цепочку в ящик прилавка и вытащил серый ворох денег. Купюры были мятые, скомканные и мелкие. Мальчик протянул руку к деньгам, но хозяин лавки, видимо его дядька, мягко отвёл его руку, и мальчик снова соорудил гримасу.

«Бойкая торговля, даже разглаживать не успевает!» – подумал Адельберг про деньги и спросил:

– Как его зовут? – Он кивнул в сторону мальчика.

– Сяо пáныцзы – Чжан!

Адельберг потрепал мальчишку по волосам и сказал:

– Хороший маленький толстенький Чжан.

Мальчик заулыбался и протянул ему свою сахарную палочку, потом показал рукой в сторону двери и сказал:

– Плохой!

Александр Петрович с облегчением вышел из лавки. «Плохой» Кузьма Ильич стоял у двери с виноватым видом, но в глазах у него ещё прыгали искорки злобы.

Александр Петрович подошёл и примирительным тоном сказал:

– Так-то, уважаемый Кузьма Ильич! Мы сторона проигравшая, поэтому вести себя будем прилично.

Тельнов мотнул головой.

Однако денег на билеты хватило, китаец дал даже больше, чем предполагалось.

«Ничего не понимаю, на вес, что ли, деньги мерил, жменями?»

Глава 7

Он смотрел в темноту за окном вагона и думал, что не так он представлял себе возвращение домой.

Вдруг припомнилось детство, маленькая каменная Митава, горбатые булыжные мостовые, высокие шпили кирхи Святой Анны, приземистый, тяжёлый герцогский дворец, зимние туманы и мягкие шлепки копыт по опилкам в манеже, где занимались выездкой офицеры лейб-гвардии Литовского полка; высоченные лоснящиеся кони, как будто сделанные из бархата. Ему было четыре года, когда его отец поручик Пётр Фёдорович барон фон Адельберг из-за болезни глаз оставил службу, и они из Митавы переехали в Москву в дом мамы – Екатерины Михайловны Исаковой – в Трёхпрудный переулок. Вспомнился кадетский корпус, 2-й Московский, и отец в мундире и с орденами, когда они пришли в Екатерининские казармы. Перед тем как выйти из дому, матушка долго и пытливо осматривала его и одёргивала узкий кадетский мундирчик, потом перекрестила и поцеловала в обе щеки.

«Мамины руки!»

Он усмехнулся, вспомнив, что в корпусе кадеты за курляндское происхождение за глаза прозвали его Чухонцем, однако вслух такого не произносили. В младших классах это обижало, а в старших он привык и перестал обращать внимание. Он решил служить в военной службе, это было как бы само собой разумеющееся и все увлечения под стать: военные дисциплины, фехтование, гимнастика. Он кончил корпус по высшему разряду и зачислился в младший класс юнкером 2-й роты Александровского военного училища. Ему всегда нравилось учиться; он гордился своим сословием и с шиком носил военную форму; его много раз поощряли за успешную стрельбу и при переходе в старший класс вручили приз за образцовое решение экзаменационной задачи по тактике...

Александр Петрович смотрел в окно и улыбался; стала проходить засевшая в душе тревога.

Всю жизнь, сколько себя помнил, он старался держаться независимо: особо ни с кем не сближался, но и в помощи не отказывал. Кадетское прозвище Чухонец постепенно забылось, и появилось другое – Патрон, и он был не против. Как-то в библиотеке Офицерского собрания Московского военного округа в руки попался труд древнего китайского теоретика военного искусства Суныцзы – это было интересно, а потом пригодилось...

Тельнов, поначалу спавший тихо, как ребёнок, стал похрапывать и отвлекать, Александр Петрович потряс его за плечо, тот что-то пробормотал и затих.

Училище окончил в числе лучших, получил право выбора и начал службу в лейб-гвардии его величества Егерском полку в Санкт-Петербурге. Сначала квартировал у дяди Вальдемара, бывшего псковского вице-губернатора, в большом доме на углу Тверской и Таврической,

с мощной круглой угловой башней. Дядя Вальдемар с супругой занимали большую квартиру в половину третьего этажа и ему, своему племяннику, единственному наследнику древнего прусского рода, были рады. Однако там было шумно, потому что двумя этажами выше поселился известный всему Петербургу профессор классической филологии Ива́нов со своей женой писательницей Зиновьевой-Аннибал, и их квартиру посещала вся столичная богема: Мережковский, Гиппиус, Философов, бывал Блок. Гостей собиралось помногу, до сотни человек, они занимались, по моде того времени, спиритизмом, а ночью выходили на башню, которую так и называли Башней Ива́нова, читали стихи, и только под утро, возбуждённые общением и шампанским, разъезжались. Всегда было шумно и без всякого почтения к соседям.

«Да-а! Задала им как-то тётушка перцу!»

Жена дяди Вальдемара в одну из особенно бурных ночей вызвала полицейских. Те нагрянули для проверки документов, и по всему Петербургу был скандал, потому что Иванов заявил, что полицейские чины украли шапку у кого-то из его гостей. Шапка потом конечно же нашлась.

А через полгода он съехал на полковые квартиры – не так роскошно, но ближе к службе, тем более что неподалёку стояли семёновцы, измайловцы и лейб-атаманцы.

Служба захватила. Его егеря отличались от остальных гвардейцев: от преображенцев – архангельских и вологодских белобрысых увальней или от красавцев-брюнетов, которых набирали в Измайловский полк. У него в строю были охотники из брянских и смоленских лесов, воронежские степняки, обкладывавшие волчьи стаи, новгородские медвежатники, люди основательные и степенные. Они молодого офицера сначала приняли с прохладцей, мол, много тут командовало, но после первых учений, стрельб и ночных вылазок стали называть его «наш Петрович»...

«Было вполне даже симпатично!» Александр Петрович покачивался, сидя на полке, и растворялся в темноте ночи и уходящих в прошлое воспоминаниях.

Своего полкового командира, как поговаривали, его дальнего родственника и придворного аристократа, он видел нечасто, а вот заместитель – князь Фицхелауров с медалью «За поход в Китай» – оказался человеком интересным. В конце 1904 года именно он дал ход его рапорту об откомандировании на Маньчжурский театр военных действий в распоряжение генерала Линевича – в 1-ю Маньчжурскую армию.

«Командир Корнилов, потом командир Мартынов! Однако это уже не детство, уважаемый Александр Петрович!» – сказал он сам себе и попытался протереть рукавом оконное стекло, однако дело было не в стекле, просто была очень тёмная ночь.

Поезд набрал скорость, сон брал своё, но каждый раз отступал, когда возвращалась мысль о том, что будет завтра, вернее, уже сегодня.

«Анна!»

Александр Петрович заёрзал.

Поручик барон фон Адельберг впервые увидел свою будущую жену Анну Ксаверьевну Радецкую за кулисами.

Он быстро влился в столичное общество: театры, актрисы, кулисы, это было обычно для людей его круга. В нём угадывалась блестящая карьера – ветеран Японской кампании, георгиевский кавалер. Анна, тогда ещё только выпускница балетного класса Михаила Фокина, очень красивая девушка, мечтала о карьере в Мариинском театре, но родители искали хорошей партии и о балете запретили думать, правда, она выговорила себе привилегию – иногда посетить репетицию или спектакль, иной раз и без маменьки, а гувернантку она отпускала. Часто «по-свойски» она бывала за сценой, где после спектакля происходило самое интересное: туда врывалась петербургская золотая молодежь. Как ветер, молодые люди неслись по коридорам к гримёрным с корзинами шампанского, с букетами цветов. Заигрывали со всеми подряд, с кордебалетом, молодыми выпускницами балетных классов, в глазах которых ещё не было опыта и расчёта, была искренность, мечта о счастье, и кому-то везло. Это видели и любовались, и

грим не мог скрыть румянца. Так оживала сказка о принце и Золушке. Принцев делили на красивых, богатых и шумных – красивых было много, богатых тоже, а самыми шумными слыли гвардейцы его величества Измайловского и Московского полков.

От своих товарищей он отличался тем, что чаще был молчалив, на всё смотрел спокойными глазами, шутил иронично и остро. Почему-то от него ждали чего-нибудь циничного, но этого не бывало. Уходил не один, но ни разу с одной и той же. Интриговало то, что барышни, уезжавшие с ним, потом никому ничего не рассказывали.

И она его заметила.

В тот вечер давали «Баядерку». Он опоздал к началу и пришёл в середине первого акта, когда Раджа представлял Солóру красавицу дочь – Гамзатти. Александр Петрович не пошёл на своё место в девятом ряду партера, он не любил, когда на него шипят, оглядываются и готовы сделать замечание. Он остался в проходе под ложей бенуара, почти у самой сцены, но долго не мог сосредоточиться, потому что, когда шёл к двери в партер, в самом конце коридора увидел её, уходящей за сцену.

После спектакля она выходила из театра через служебный подъезд, увидела и сразу узнала этого высокого молчаливого молодого гвардейского офицера. Он стоял на мокром, уже опустевшем тротуаре и кого-то ждал. Она невольно оглянулась и подумала, что за ней, должно быть, выходит кто-нибудь из её подруг-балерин, кого он мог бы ожидать, – но за спиной никого не было.

Потом Александру очень нравилось, когда Анна вспоминала об их знакомстве, о том, что она тогда подумала, что, «должно быть, большая кокетка та, которую он так долго ждёт». Однако когда она ступила на тротуар, то увидела, что он направляется к ней. Он с лёгким поклоном, молча протянул букет, даже не букет, а букетик весенних белых подснежников, она так же молча приняла, но недоумение её переполняло. Он поднял руку, и из темноты со стороны Офицерского моста грянул подковами лихач, и только после того, как он громко сказал кучеру её домашний адрес, она вдруг очнулась, а он этого ждал.

– Уже поздно, Анна Ксаверьевна, вы выходили последняя, одна... Разрешите мне сопроводить вас домой.

Она тогда не сумела ответить, он опередил её вопросы, поступил, конечно, бестактно, поскольку их друг другу никто не представил и не знакомил, и ему... «ему никто не давал права...», «и даже повода!», и вдруг – и здесь Анна всегда смеялась – она подумала: «Хорошо, что я вышла последняя и никто этого не видел».

С того самого момента, когда она приняла цветы, она испытывала непривычное ощущение, и в её глазах всё тихо плыло. Он сидел рядом, молча смотрел в спину извозчика и только придерживал полость, которой были закрыты её и его ноги. Ледяной ноябрьский ветер мотал голые ветки деревьев, обрушивался на фонари и ледяным языком облизывал незащищённые лица. Она искоса поглядывала на него и только старалась глубже втянуться в воротник, а он сидел прямо и, казалось, совсем не чувствовал холода. Вдруг она вспомнила, что держит в руках весенние подснежники, он как будто бы услышал её, чуть нагнулся, достал откуда-то из-под сиденья и протянул маленькую, как сам букетик, картонную коробку. Тогда Анна спросила:

– Вам нравится «Баядерка»?

– Да!

– А что именно?

– Танец Теней.

– Почему?

– Я думаю, что они будут сопровождать меня всю жизнь, – пошутил он.

Анна заглянула ему в глаза, а он уже смотрел на неё – очень серьёзно. На секунду ей стало страшно, но она тут же почувствовала, как отчего-то на душе стало легко.

После венчания они снимали квартиру прямо напротив его полковых казарм, а в конце 1910 года один из его бывших командиров по Японской кампании генерал Евгений Иванович Мартынов получил назначение на должность командующего Отдельным Заамурским округом пограничной стражи, охранявшим полосу отчуждения КВЖД, и предложил возглавить отдел агентурной разведки 1-й бригады. Так после Японской кампании он во второй раз оказался в Маньчжурии и в Харбин приехал уже с женой.

Им хватило двух месяцев, чтобы забыть про Петербург. Мерзкий харбинский климат был лучше, чем мерзкий петербургский, жизнь молодого города была такой же бурной, как их молодость. Однако Мартынова неожиданно откомандировали, когда он схватил за руку нескольких генералов-казнокрадов. Евгений Иванович предложил Адельбергу последовать за ним к новому месту службы, однако Александр Петрович отказался. На это у него были причины: Анна любила его, но ревновала к прежним интрижкам, поэтому им обоим было во благо на какое-то время остаться в Харбине. Тогда, при прощании, Мартынов подарил ему хронометр с орлами.

Он покинул Харбин в сентябре 1914 года, и на перроне Анна тихо ему прошептала: «Возвращайся!» Он кивнул и вскочил на подножку уже дрогнувшего вагона, а потом много раз вспоминал этот её наказ. Накануне Александр Петрович получил в штабе казённый пакет с предписанием отбыть фронт.

От их дома на Разъезжей улице до вокзала ехать было совсем недалеко – через несколько сотен шагов площадь и Свято-Николаевский собор и чуть дальше под горку по Вокзальному проспекту – вокзал. Ни по дороге на вокзал, ни на перроне они почти не говорили, всё было сказано прошедшей ночью. В коляске извозчика он искоса поглядывал на неё, она сидела сосредоточенная и только иногда покусывала припухшие губы...

«Вот я и возвращаюсь!» – глядя в тёмное окно, думал Александр Петрович.

Он нащупал в кармане пиджака её последнее письмо с фотографической карточкой сына. Анна писала много, в одном из писем она описала, как в апреле пятнадцатого года заамурцы уходили на германскую войну; она написала о том, что город как будто бы сошёл с ума: улицы, ведущие к вокзалу, заполнились людьми, извозчиками, рикшами, и воинские колонны с трудом проходили сквозь густые толпы; с военными прощались даже китайцы и вели себя как русские – плакали. С особым вдохновением Анна описывала, как махали цветами, кричали, размазывали по щекам слёзы, а за солдатами вдоль колонн бежали дети, и конные подхватывали их, усаживали перед собой в сёдла, а потом спускали на руки к чужим людям, и казалось, что в те дни в городе чужих нет.

Она писала подробно, и всё, что она описывала, он видел как будто бы собственными глазами; он выучил эти письма наизусть и сейчас, под стук колёс, переживал всё снова.

Александр Петровичу не спалось, хана выветрилась, можно было выпить ещё и попытаться уснуть, но от аромата китайской водки трудно избавиться. В купе стало светлее, низкие придорожные заросли на пустынной и ровной, как стол, местности от Цицикара до Харбина не доходили до окон вагона; деревья вдоль полотна почти не росли, и нечему было закрывать полную луну, которая неожиданно повисла над дорогой и светила то в окно купе, то перебежала на другую сторону, и тогда поезд отбрасывал меняющую очертания, играющую, как на поверхности воды, тень. Когда луна заглядывала в окно, Кузьма Ильич ворочался.

«Да! Тогда, в сентябре, я уехал надолго и очень далеко». Он достал письмо, открыл памятный конверт, которому досталось за время его скитаний, и вытащил сложенный вдвое лист и фотографическую карточку. В тёмном купе при неверном свете луны текст не читался, а на карточке только угадывался силуэт мальчика в матроске и детской бескозырке. Конверт был тёплый, и от этого он ощутил сосущую тоску, это его расстроило, он всегда думал, что последние сотни километров к дому будет ощущать приподнятость и радость, а тут...

«Разлука сближает! Не помню, кто это сказал! Ни черта подобного! Что происходит, Александр Петрович? И какого чёрта эта тоска? Почему?»

Он снова стал вспоминать письма Анны, нежные, заботливые, она только изредка и скороговоркой упоминала о трудностях, с которыми сталкивалась, когда в России началась революция и Гражданская война, хотя и косвенно, но задевшие и их харбинскую жизнь. Анна писала о том, как на свет появился их сын, как рос, его первые шаги и слова, произнесённые в присутствии гости – одной из её харбинских подруг, которая, кстати, если судить по последнему письму, дождалась мужа и они переехали в Тяньцзинь...

«Разлука сближает... А какими мы становимся в разлуке? Харбин – мирный город, не познал ни войны, ни революций! Какая сейчас Анна? А может быть – какой сейчас я?...» Александр Петрович чувствовал, что за эти годы он изменился, ожесточился, что ли? Мягкими в его памяти были только воспоминания о Мишке Гуране, о таёжном житии, отношении Мишки к людям и к нему, он мог и не подобрать его, бросить, не взять в сани...

«А ведь каков, – подумал Александр Петрович. – За полтора года ни разу не спросил, кто и что я? Егерь и егерь! «Ахвицер»! Ему довольно было того, что он услышал от меня, когда я бредил. Удивительный человек! Если бы не он, я бы, наверное, стал как битое стекло – мелкий, острый и опасный, или вообще бы не был!»

В лунном свете снова заёрзал Тельнов, чуть не упал с полки, опёрся рукой о столик и повернулся на другой бок.

«Вот ещё один – божий человек!»

Вдруг Александр Петрович услышал выстрел, он не ошибся, это был выстрел, потом прозвучал ещё и ещё, выстрелы только приглушал стук колёс летящего поезда. Через короткое время послышались ещё два выстрела и звонко лопнули стёкла, но поезд продолжал идти быстро и не сбавлял хода.

«Хунхузы!» – промелькнуло в голове.

По вагону забежали люди, послышались тревожные голоса и крики, Кузьма Ильич проснулся, сел и ошалело водил глазами по подсвеченным луной стенам купе. Адельберг приложил палец к губам: мол, не шумите, тот что-то пробормотал и, видимо, так и не проснувшись, снова, как подкошенный, повалился на полку.

За несколько секунд с Александра Петровича слетела вся тяжесть прежних мыслей, он будто снова очутился в Маньчжурии предвоенных лет, когда хунхузы так же смело нападали на поезда и даже скоростные экспрессы. А поезд шёл, не сбавлял хода, по коридору ещё бегали, но скоро всё улеглось.

«Понятно, их тактика не изменилась, стреляли по паровозной кабине, но в машиниста не попали, поэтому мы едем! Ну, слава тебе Господи!»

Глава 8

Адельберг проснулся задолго до того, как колёса загрохотали по железным конструкциям моста. Сейчас под мостом в косом и ритмичном мелькании металлических ферм текла мутная коричневая Сунгари.

Проснулся Тельнов и уставился на спутника.

– Кузьма Ильич, вам на пробуждение и туалет пять минут.

Уже выбритый, Александр Петрович прислонился к окну, с середины моста он увидел город, набережную и на набережной похожий на белый корабль Яхт-клуб.

До вокзала оставалось ещё минут семь.

* * *

Он вышел на перрон и через несколько секунд зашёл в большой, с высоким сводом зал. Он не чувствовал веса саквояжа, после многих лет отсутствия ноги вспоминали неровности мраморных плит, он машинально обернулся и среди людей разглядел плетущегося за ним Тельнова.

«Господи, я и забыл про него!»

– Кузьма Ильич, наддайте, что вы, ей-богу, плетётесь!

Они вышли из-под козырька крыльца на привокзальную площадь и оказались под острыми лучами солнца. Тельнов прикрылся ладонью и стал опасливо озираться.

– Нуте-с! Вот вам и Харбин! – Александр Петрович сказал это просто так, на ходу.

Кузьма Ильич шёл и заглядывал по сторонам.

– Что такое, Кузьма Ильич? Что вы ищете?

Тельнов прошёл за ним ещё несколько шагов и встал как вкопанный.

– Что такое, Кузьма Ильич? Что вы в самом деле... – Адельберг начал раздражаться на тормозившего его старика, но тот не дал ему закончить:

– Мы где, Александр Петрович?! Разве это тоже Китай?

Адельберг остановился, и к ним тут же устремились несколько лихачей.

– Куда, барин, мигом домчим!

Он поставил саквояж на пыльную, сухую мостовую.

По площади с разной скоростью в разные стороны двигались запряжённые лоснящимися, сытыми лошадьми рессорные коляски, медленно разъезжались ломовики с поклажей огромных, перевязанных шпагатами тюков; слева, рядом с главным входом в вокзал, стояли и ждали своей очереди за выходящими пассажирами с десятков лихачей, одетых в серые кафтаны и плоские кучерские цилиндры на головах.

«Господи, боже мой! Действительно, разве же это Китай?»

Каким было долгим ожидание возвращения! Вот оно состоялось, и в это не верилось. Его охватило волнение, но он взял себя в руки, отказал извозчикам и совсем перестал обращать внимание на Тельнова.

– Дойдём пешком, тут недалеко, – бросил он, не оглядываясь.

Кузьма Ильич семенил сзади, пытаясь поспеть, он потел в своей овчине и, не переставая, бормотал:

– Свят, свят! Господи, спаси и помилуй! Разве же это Китай? Это ж Россия-матушка! Калуга! Тверь! Понюхайте! Пахнет... пирогами с капустой! Или кто-то меня морочит!

Они пересекли большую привокзальную площадь и вышли на Вокзальный проспект, короткий, широкий и прямой; проспект поднимался от вокзала на Соборную площадь и там, где заканчивался, над горизонтальной линией мостовой, пряничной горкой возвышался деревянный, сложенный из брёвен собор со многими главками, высоким шатром и золотыми крестами.

Адельберг шёл, не оглядываясь, сзади за ним еле-еле поспевал Тельнов, но он уже не слышал, как старик поминутно озирался и тихо приговаривал:

– Матерь Божья, как будто у них тут ничегошеньки и не было: ни тебе революций, ни тебе Гражданской и никакой другой...

Они миновали Вокзальный проспект и, выйдя на круглую Соборную площадь, Адельберг краем глаза увидел, что Тельнов остановился, уронил на мостовую мешок и крестится на купола.

«Чёртов старик, – в сердцах помянул его Адельберг, – успеет ещё накреститься!»

До дома оставалось всего несколько сотен шагов, сейчас они перейдут через Большой проспект и повернут на Разъезжую...

– Поторапливайтесь, поторапливайтесь, Кузьма Ильич! Ещё успеете...

Глава 9

20 июня Анна встала рано, Сашик ещё спал, день предстоял суматошный: пока сын не проснулся, надо управиться с домом, потом отвести Сашика в «маячок» и самой бежать в танц-класс, где она зарабатывала уроками. Она закончила со стиркой, подошла к зеркалу, посмотрела на свои мокрые и красные от холодной воды руки, потом перевела взгляд на себя: «Анна, Анна, что с тобою стало?» Тыльной стороной ладони она провела по лбу, пытаясь поправить длинную непослушную прядь, свисавшую у левого виска, и посмотрела на руки ещё раз: «Хороша бы я была, если бы Александр сейчас появился. Матка Боска, не дай пропасть!» Она вытерла ладони о передник и перекрестилась. Ходики показывали половину восьмого утра, Анна легко подхватила широкий тяжёлый таз с волглым, только что отжатым бельём и толкнула плечом дверь в сад. «Может быть, просто письма не доходят? Почему он не пишет! Жив ли? Езус Марья!»

Она поставила таз на траву и взяла сверху что-то первое, маленькое, туго скрученное и отжатое, это была пижамка сына, она расправила её и закинула на провисшую верёвку. Тени падали влево, она глянула и вдруг услышала, что за спиной негромко постучали в окно, обернулась и увидела Сашика.

– Доброе утро, сынок, сейчас я к тебе приду.

Сашик смотрел на неё сквозь мутноватое стекло и тёр кулачками глаза. Она подумала, что надо бы помыть окна, что всё приходится делать самой, но не хватало времени, а нанять работницу не хватало денег. Анна брала из таза бельё, встряхивала, расправляла и вешала на верёвку, она делала это механически, а мысль, которая не оставляла её уже много месяцев, была одна и та же – уже больше полутора лет она не получала от Александра писем.

«Убит? В плену?»

Четыре года, которые она провела с Александром в Харбине, пока он не уехал на германскую войну, пролетели быстро. Он и здесь часто уезжал по службе; иногда отсутствовал подолгу и возвращался с горящими глазами и уставшим лицом. После таких разлук они несколько дней могли не выходить из дома и даже не выглядывать за ограду своего молодого сада, потом вырывались на концерты в Железнодорожное собрание, в кинематограф, объезжали лучшие рестораны на Китайской, носились по городу на лихачах. Зимой на санях «толкай-толкай», а летом на лодках добирались через Сунгари до Солнечного острова... Потом он снова уезжал на линию: на Хинган – на север или в Пограничную – на юго-восток... Лучше не вспоминать, от этого делалось так больно...

Анна повесила последнее, подняла пустой таз и затылком вдруг почувствовала, что на неё сзади кто-то смотрит. Спокойно она поставила таз на траву, распрямилась, огладила влажные руки о длинную пёструю казачью юбку, которую недавно выменяла у беженки, и не знала, оборачиваться ей или нет. Солнце пробивалось сквозь ветки молодых яблонь и рисовало на траве нечёткий рисунок.

Адельберг повернул с Большого проспекта на Разъезжую. Улица шла под уклон, и вон он, его дом, выглядывает: сначала первый, потом второй, двухэтажный, большой с высоким стеклянным витражом веранды, и следующий – его. Двухэтажный закрывал его дом почти совсем, но был виден низкий штакетник под густой сиренью и красный кирпичный угол. Оставалось ещё шагов тридцать. Он подошёл к калитке, поставил на землю саквояж, обернулся к Тельнову и показал на саквояж пальцем. Тельнов сделал знак, что он его понял, и остановился.

Анна стояла в саду всего в нескольких шагах, спиной к нему, он открыл калитку, та даже не скрипнула.

«Если я сейчас её позову, она испугается, а если подойду, она тоже испугается, но уже в моих руках!»

Анна слышала шаги, подминавшие траву, начавшую подсыхать после утренней росы, и уже знала, что ошибки быть не может... Иначе...

Шаги приблизились, она почувствовала на своей талии руки, которые знала так давно, и обернулась.

Глава 10

Сашик возился с пижамкой, он пытался расстегнуть пуговицы в слишком тесных петлях и сопел, когда в его комнату вошла мама и за ней показались двое мужчин. Потрясенный, он посмотрел, хлопнул ресницами и закрыл глаза ладонью.

Анна подошла и присела рядом:

– Одевайся, сынок, у нас гости.

В гостиной на краешках стульев сидели Александр Петрович и Тельнов, они только успели оставить на веранде пальто, и Тельнов на крыльце овчину. Анна попросила подождать, и через несколько секунд в гостиную влетел Сашик в расстегнутой пижамке и с фотографической карточкой в руке. Следом вошла Анна. Сашик обернулся к матери и показал карточку, та согласно кивнула, и тогда он кинулся к Александру Петровичу и взобрался на колени. Тельнов глядел и, не стесняясь, плакал, и слёзы текли по его небритому лицу. Анна тоже плакала, в горле щипало и у Александра Петровича, но на коленях сидел его сын, и он сдерживался.

Сашик показался ему маленьким, таким, каким он видел его в мыслях, только не в пижамке, а в матроске и в лаковых чёрных туфлях. «Разве ему шесть лет?»

Дом стал наполняться суматохой: греть воду, ставить ванну, готовить еду. Анна попросила у соседей прислать повара Чжао, а ещё хотелось говорить...

Через два часа Александр Петрович был в свежей сорочке с мягким отложным воротничком, в светлых летних брюках и мягких домашних туфлях. Чисто выбритый и с запахом одеколона, он сам себя не узнавал и от этого чувствовал себя непривычно. Анна успела отвести рыдавшего навзрыд Сашика в «маячок» под честное слово забрать домой до обеда.

Пока она была занята, Александр Петрович то выходил в сад и курил, то возвращался в гостиную.

Он осматривался.

Он всё помнил в деталях и видел, что ничего не изменилось: вот его кресло-качалка, на кожаном сиденье знакомая голубая китайская шелковая салфетка с вышитым жёлто-чёрным тигром, пробирающимся через ярко-зелёную траву. Он смотрел на кресло и понимал, что в нём, пока его не было, никто не сидел, и салфетка с тигром, как ему казалось, об этом свидетельствовала. Вот круглый стол, тот же, который и был, накрытый голубой шелковой скатертью в тон салфетке. Над столом на длинном шнуре висел тот же оранжевый весёлый абажур, который он часто задевал, когда поднимался из-за стола, и они с Анной всегда смеялись. Вокруг стола расставлены те же плетёные кресла, хрустевшие, когда в них садишься. Шифоньер при входе – слева от двери, – не уместившийся ни в спальне, ни в прихожей. Анна выбрала его за большое зеркало во всю высоту средней дверцы. Только в углу, где раньше стояли рояль и огромный фикус в китайском фарфоровом сине-белом вазоне, сейчас стоял только фикус.

Тельнов сидел в хрустящем кресле, с любопытством оглядывал гостиную, тёр ладони о колени, увидел салфетку с тигром, и у него сыграло:

– А не опасаетесь, уважаемый Александр Петрович, что укусит? Сидеть-то на ней!

Адельберг обернулся, посмотрел на Тельнова, но не ответил. Он молчал, он почти всё время молчал, с того момента, когда они вошли в дом.

«Старый дурак, с дурацкими шутками! – ругнул себя Кузьма Ильич. – Взволнован! Он так взволнован! – Он глядел на Адельберга с тревогой. – Таким я его ещё ни разу не видел! Даже перед переправой в Благовещенске! У него на душе смятение, неужели он думает, что она... – Тельнов посмотрел на Анну, её быстрые, уверенные передвижения в комнатах и робкая улыбка одними губами, её взгляд, напряжённый и сосредоточенный, а глаза, как показалось Кузьме Ильичу, спокойные. – Ну нет! Такие женщины не могут!.. Такие женщины!..»

Кузьма Ильич чувствовал себя очень уютно в этом кресле и совсем неловко в этом доме. «Им бы сейчас сесть, да поговорить, чтобы никто не мешал, сына приласкать, да самим приласкаться!..»

– Александр Петрович, а может, я пойду? Прогуляюсь по саду? Посмотрю окрестности? А вы тут...

– Сидите, – резко ответил Адельберг.

«Ладно, сию! Но нехорошо у него на душе!»

Александр Петрович и вправду чувствовал себя беспокойно и не мог понять – почему? Он вернулся, чего же ещё? Сейчас надо подойти, обнять жену, поговорить с Сашиком, но что-то мешало. Тельнов? Да при чём тут Тельнов?

«Надо спросить, где рояль!»

Адельберг подошёл к окну в сад, это было его любимое место: кресло-качалка, книжный шкаф со стеклянными дверцами, бра на стене, курительный столик. Под бра висит офорт с изображением Мариинского театра со стороны Офицерского моста, заказанный ещё в Петербурге перед отъездом в Харбин. На курительном столике, на прежнем месте Шоу Син – китайский бог долголетия, тонко вырезанный из светлого серо-салатового мыльного камня, с высоким посохом в одной руке и тыквой-горлянкой в другой. У божка маленькое сморщенное в улыбке личико и неестественно большая лысая голова с выдающимся выпуклым лбом, его свободный халат мягкими складками закрывает ноги. Рядом с Шоу Сином пепельница из такого же мыльного камня – дерущиеся с растопыренными когтями и лапами, выпученными глазами и раскрытыми зубастыми пастями драконы, похожие на кошек, которых больно ухватили за загривок и оторвали от пола.

Он взял божка из тяжёлого камня, тёплого и скользкого, как кусок туалетного мыла.

Он посмотрел на книжный шкаф, увидел своё отражение, за стёклами, на полках в прежнем порядке: Толстой, Чехов, Достоевский, Григорович, Карамзин, две верхние полки занимают бесконечные Брокгауз и Ефрон, на нижней детские книжки...

Это было единственно новым в гостиной.

Ничего не изменилось, даже софа у противоположной стены, и подушки на ней, как и раньше, накрытые крашеным кружевным покрывалом, светло-голубым, в тон со скатертью и салфеткой – часть Анниного приданого.

«Глупости какие! Не нужно ничего спрашивать, где рояль!»

Вечером, уже в сумерках, пошёл дождь.

Сашика после ужина с трудом уложили спать. Кузьма Ильич, старавшийся весь день быть незаметным, с облегчением вздохнул, когда ему показали его комнату, поблагодарил хозяйку и ушёл спать.

Александр Петрович сидел в своём кресле и смотрел на фотографию, с которой Сашик утром уселся к нему на колени. Это была их с Анной фотография перед венчанием.

Глава 11

– Ты совсем не изменилась...

– Ты мне льстишь, прошло столько времени. Почему ты тогда уехал так рано? Всех отправили только в апреле.

Александр Петрович зашуршал спичками и откинул тонкое одеяло.

– Ты хочешь курить? Кури тут! Не уходи, останься сегодня здесь, со мной! У нас ведь нет прислуги, мы нарушим старые правила!

Александр Петрович на секунду замер, потом присел на кровать и положил спички.

– Спасибо, там, в пути, я об этом много думал, что не захочу уходить от тебя каждую ночь. – Он погладил её руку и поцеловал в плечо. – А почему ты думаешь, что я тебе лщу? Я тебе не лщу, ты действительно не изменилась. Ты такая же красивая!

– Я тебе не верю, – прошептала Анна, и от её шёпота пахло улыбкой, – ты видел меня сегодня, с этим отвратительным тазом...

– Да, досталось тебе...

– ...И тебе...

– ...Ничего, всё будет хорошо.

– Конечно! Ты же вернулся...

Шёпот в комнате был такой тихий, что было слышно, как в саду с яблонь на траву падают капли.

– Ты так чудесно смотрелась в этой юбке...

– Не вспоминай, мне неловко...

– Почему? Что тут неловкого, разве эта простая одежда может что-то изменить? – Александр Петрович погладил её светлые волосы.

Анна резко отпрянула, потом притянула его к себе и зашептала:

– Нет, Саша! Ты мне не ответил. Почему ты уехал в сентябре, когда ваши ушли только в апреле?

В спальне было темно. Анна смотрела на мужа и даже в темноте видела улыбку на его лице, как ей казалось, снисходительную. Александр Петрович молчал.

– Саша, ну почему?

– Разве я мог послушаться приказа? Началась война...

– Но почему *тебя*?

– Я не могу этого знать, Анни. – Он чиркнул спичкой, и она увидела его профиль.

– Не отвечай, не надо, я всё понимаю! Извини, я знаю, что спросила глупость! – сказала она, придвинулась вплотную и обхватила его грудь.

– Извини, моя радость, я так могу тебя опалить, – сказал Александр Петрович, двинулся на подушке чуть выше и пригладил её волосы; он с удовольствием затянулся папиросой, сделанной из настоящего табака, и в комнате запахло ароматным дымом. – А что, от твоих с тех пор так ни одного письма и не пришло?

– Нет, пропали, я уже и плакать перестала. Не знаю, что думать! Жалко, если Сашик никогда не увидит бабушку и дедушку.

– Бабушек и дедушек, – поправил Александр Петрович.

– Да! Извини! Расскажи, как это было!

– Оо, Анни, – Александр Петрович растягивал слова, – на это нам ночи не хватит!

– Расскажи, нам теперь некуда торопиться, завтра отдохни, хотя бы один день, визиты будем делать после...

– Да, я согласен, только к Иверской надо сходить...

– Поклониться Владимиру Оскаровичу?

– Да, старик этого хочет, он присутствовал, когда Каппеля хоронили, а потом выкапывали из могилы, в Чите...

– Матка Боска! Не надо об этом на ночь. – Она села и прикрыла грудь одеялом. – А ты заметил, как они потянулись друг к другу?

– Сашик и Кузьма Ильич?

– Да!

– Вот тебе и дедушка, – Александр Петрович погасил папиросу, – а там посмотрим, может быть, и бабушка появится, – пошутил он, улыбнулся и посмотрел на жену.

Анна подогнула колени под одеялом, уткнулась подбородком, она сидела молча, обхватив колени руками, её длинные волосы закрывали плечи.

– Может, ещё найдутся! – грустно сказала она и склонила голову к плечу Александра Петровича. – Расскажи, как это было!

– Как это было? – Александр Петрович снова потянулся за папиросой. – Я открою окно пошире?

Анна кивнула.

Он встал, открыл створки окна, забросил на одну из них занавеску, взял папиросу и стал разминать: свежий ночной воздух полился в комнату, и Анна поёжилась.

– Тебе холодно?

– Нет-нет, хорошо, пусть будет так. Расскажи!

– Понимаешь... даже сейчас, когда прошло столько времени... трудно оценить и понять, что произошло... Можно только вспоминать – как это было! – Он говорил с длинными паузами.

– Почему? Ты ведь видел всё своими глазами!

– Конечно видел, но не всё. – Он присел на подоконник. – Про войну особо рассказывать нечего, там было всё ясно: вот окопы; с одной стороны они, с другой мы. Они носят одну форму, мы другую, они говорят на одном языке, мы на другом... – Он надолго замолчал. – А вот революция, а особенно Гражданская – это совсем другое!

– Тогда, может, не надо? Может, не стоит ворошить... извини, что я попросила!..

– Да нет, стоит. В том-то и дело, что не только стоит, а просто надо это сделать; необходимо понять, что это было и почему это было так кроваво!

Анна сидела не шевелясь, она уже жалела о том, что спросила, но ей хотелось услышать что-то такое, что объяснило бы ей, почему пропали её родители, а может быть, и куда они пропали; она давно перестала получать письма от своих подруг, про кого-то слышала, что те уже в Париже, или в Лондоне, или в Риге, или в Варшаве...

– Всё началось после отречения государя...

– Второго марта?

– Да! Второго марта! Хотя, может быть, и раньше, но это если и было, то незаметно. Мы ведь не знали наперёд, что происходило при дворе. Узнали только, что Гришку застрелили, и даже вздохнули с облегчением: мол, сейчас никто мешать не будет, будем готовить наступление. То, что и австрийцев и германцев можно побеждать, доказал Брусилов и в четырнадцатом, и в шестнадцатом, а после отречения всё как будто встало. Все запутались в этих агитаторах, кто за войну, кто против. Не стало дисциплины. На самом деле это мы запутались, а солдаты – те точно знали свои интересы: войну долой, землю давай! И весь сказ! В шестнадцатом государь бросил к нам гвардию! Я приехал в свой полк. Из солдат уже никого не было, кто бы меня помнил, но они подошли, знаешь, такой делегацией, и сказали: мол, барин, шабаш войне, а «тебе надо тикать домой, к жёнке под бок». Так и сказали!

– Вот и надо было их послушать! Извини, я пошутила! Это я несерьёзно, я же всё понимаю!

– Да-да, конечно, я знаю, ты у меня умница! А в мае фронт начал разваливаться, ещё не так заметно, как-то держался, но в ноябре, после большевистского переворота, просто развалился. Солдаты бросали позиции, ошалели от свободы, начался хаос. Они брали штурмом эшелоны, толпами бежали на север, на юг, на восток, по домам. У нас, в начале, Бог миловал, а на Западном фронте, на флотах, офицеров расстреливали, поднимали на штыки...

– Как Духонина?

– Да, генералу досталось, и не ему одному. В общем, началась вакханалия... Я думаю, что и Корнилов...

– Лавр Георгиевич?

– Он самый, подлил масла в огонь, когда добивался ввести смертную казнь для солдат, для тех, которые покидали позиции...

– Солдаты перестали слушаться своих офицеров... – задумчиво проговорила она.

– Именно! Понимаешь, Анни, это нельзя, когда молодой подпоручик старого солдата, извини, в морду бьёт... Ненависть, громадная ненависть накопилась в солдате против нашего барства офицерского, хотя среди вновь прибывающих было много хороших. Нас, старой военной косточки, после шестнадцатого года оставалось совсем немного!

– Какой ужас!

– Поэтому Лавр Георгиевич, с одной стороны, был прав, конечно, как военный человек, а с другой стороны – это бы ни к чему не привело...

Александр Петрович вернулся на кровать и сел, высоко подбив подушки.

– Долго всё это рассказывать, Анни, долго, но уж коли начал... Короче говоря, я поехал в Ставку, в Могилёв, там меня встретил Володя...

– Каппель?

– Да, мы ещё в штабе Юго-Западного познакомились. И я своим глазам не поверил! Он... всегда такой решительный, бравый... а тут вижу – растерян, не знает, что делать. Что-то говорит, но я же вижу, что он не знает... Да и никто ничего не знал. Корнилов уже подался с Алексеевым на Дон, царь сидит под арестом в Тобольске, Керенский и его правительство в бегах, а кругом большевики! И я уехал в Питер!

– В Питер! – промолвила Анна. – Как это непривычно, Питер-р-р! Даже мороз по коже...

– Да, мокрый, продуваемый ветрами Питер встретил меня, прямо сказать, мрачно. К дяде Вальдемару, я у него квартировал, постоянно приходили какие-то «представители» и требовали от него уплотнения в их большой квартире. По ночам стреляют, помню, как дядя подходил к окну и кому-то грозил... Новые власти ни с чем не справлялись, старались, но... Им бы фабриками, заводами заняться, а они открыли винные склады... Кругом матросы, солдаты и кокаин! Тогда же и почта прервалась. Я ездил на квартиру к твоим, ты мне писала, что они на лето уехали в Тверь, а потом намеревались в Самару, к друзьям...

– В Твери у папы сослуживец, а в Самаре у мамы тётка, старая совсем, она хотела проведать...

– Да, я помню, но куда там! Я к соседям, но и они ничего не знают, и от тебя ничего, потом уж узнал, что почтовое сообщение прервалось где-то то ли в Москве, то ли на Волге.

– И от тебя ничего... – задумчиво сказала Анна.

– А тут ещё дяде Вальдемару пришло известие из Москвы от соседей, что в конце октября, когда красные брали Кремль, мои матушка и почти ослепший отец вышли из дома и не вернулись и больше их никто не видел. Дяде я помочь ничем не мог и был обузой, хотя встал на учёт у новых властей и даже был внесён в какие-то списки на паёк.

– Паёк? Что такое паёк?

Александр Петрович усмехнулся:

– Паёк – это когда провизию выдают по карточкам.

– По каким карточкам?

– Карточки – это вместо денег!

– А что же деньги?

– Деньги обесценились, потому что продуктов стало меньше, чем денег!

– Как необычно!

– Так долго продолжаться не могло. Я встречал в городе своих товарищей по фронту. Знаешь, они слонялись по Петрограду с лицами заговорщиков, но в явном таком безделье и в гражданском платье. Всё это было ужасно нелепо, их просто по глазам определяли, что они офицеры. Меня звали на Дон, к Алексееву, но после всей этой суеты наших генералов с их письмами к императору об отречении, в Февральскую, я разочаровался в них и отказался ехать. А потом узнал, что у вас – тут в Харбине – какой-то Рютин организовал Советы, то ли большевистские, то ли меньшевистские... Я в них тоже не разбираюсь!

– Да, это было... и мы все ужасно перепугались, но потом вроде обошлось!

– Я уехал из Петрограда, сначала в Тверь, однако там никого не нашёл, даже следов, а оттуда, в феврале восемнадцатого, в Москву. Хотя словом «ехал» это назвать нельзя! Железная дорога практически стояла. Пешком до Москвы добрался бы скорее.

Александр Петрович взял с тумбочки графин с водой.

– Может, включишь свет? – спросила Анна.

– Нет, не нужно! В общем, наш дом в Трёхпрудном, где жили родители, оказался в полуразрушенном состоянии. Из прежних жильцов там оставался только старый дворник Ренат. Он рассказал, что за две недели до моего приезда дом взорвался: то ли сажа в печной трубе взорвалась, не чистили с осени, то ли гранату кто-то кинул, из баловства, да так точно. Короче говоря, разрушился главный дымоход, поэтому жившие там семьи разъехались кто куда, чтобы не замёрзнуть. О родителях Ренат ничего сказать не мог: «Барин ушла и больше не вернулся». Попытался я было разыскать Евгения Ивановича Мартынова, о нём говорили, что он возвратился в Москву из австрийского плена, однако и это ничего не дало. Его соседи на Новинском бульваре рассказали, что он уехал то ли в Казань, то ли в Петроград и что якобы от новых властей скрывается. В Москве я прожил до начала июня, у Ренатки, в полуподвале. Прежде в Твери мне удалось выправить документы на другое имя, по ним даже устроился на работу в местный Совет и приносил Ренатке провизию, чтобы не быть нахлебником. Он на меня нахвалиться не мог. Но так тоже долго продолжаться не могло, ещё в мае пришли известия о том, что на Волге против большевиков восстали чехи...

Александр Петрович посмотрел на Анну, она так и сидела, уткнувшись подбородком в колени, она ровно дышала, и глаза у неё были закрыты.

– Ты спишь, моя голубушка! – Он осторожно обнял её за плечи.

– Нет, Саша, что ты, как можно? – Глаза у неё уже были сонные, но она смотрела уверенно. – Ты говори, говори!

– В последний вечер, перед тем как покинуть Москву, я принёс бутылку самогона. Ренатке, ты помнишь его, он всю жизнь выпивал только в виде подношения, хватило двух рюмок...

– Да, помню, только уже смутно.

– ...он плакал, вспоминал прежнюю жизнь, «сытую, и добрый барин, который ему ни раз не обидел» и только звал «нехристь татарский», я этого не помнил, помнил только, что его все называли просто Ренат или Ренатка... Как-то в один из вечеров ещё в начале марта я шёл мимо Большого театра после какого-то их большого сблища, а впереди меня шли две пары, двое мужчин и две женщины, они показались мне знакомыми, но я их не вспомнил, я только слышал концовку их беседы, говорил мужчина: «Дельный был доклад. Я этого инженера Кржижановского хорошо знаю. Вот кончим войну, – вернусь на завод...» – короче говоря, они что-то обсуждали, такое – грандиозное! Что-то вроде электричества для всей России...

Александр Петрович говорил, он перешёл на шёпот, потом ему показалось, что Анна уже спит, и он замолчал, однако мысли в голове текли, и он вспомнил свой последний вечер в Москве, когда на крепком венском стуле из верхних опустевших комнат перед старым колченогим столом в полуподвале они сидели с Ренаткой, остатками закуски и недопитой бутылкой самогона. Ренатка уже клевал носом и отстал с вопросами; он закутался в когда-то цветистое, но уже серое и лоснящееся одеяло и посапывал. На улице, где-то совсем близко, свистели, слышался топот ног, кляцанье затворов и крики: «Стой!» И так каждую ночь. Но уже никого, кто в этот момент был не на улице, это не пугало, но страшно было оказаться прохожим: или ограбят и убьют, или арестуют и, скорее всего, тоже убьют. На столе на донце старой консервной банки догорал свечной огарок, огонёк то исчезал, тихо умирая, то подмигивал утопающим в воске фитилём, потом пыхнул в последний раз... Надо было зажечь другую свечу. Оставаться в Москве было опасно. Из соседних домов люди скрытно кланялись, и никто не выдал, хотя если ЧК допытается, что он живёт по чужим документам... Об этом не хотелось думать. Но как без этого? Не думать нельзя: такая повсеместно разлилась остервенелость, а многие шли служить к большевикам. Отрабатывали жизнь? Или верили в светлое будущее? Бог их разберёт! А может, так и надо, может, перебесится народ, да и начнёт строить новую жизнь какую-то, ведь люди же когда-то напьются крови. Сколько её выпили на фронте! Всё мало? Когда в начале июня в Самаре образовалось антибольшевистское правительство и стало известно, что войсками командует подполковник Каппель, Володя, – Самара от Москвы была в направлении на восток, – он решил, что надо ехать туда... И будь что будет...

Воспоминания, картинка за картинкой, возникали в голове. Рядом тихо и тепло дышала в плечо заснувшая Анна, ему уже и самому хотелось спать, но сон как будто бы кто-то вытаскивал. Александр Петрович слышал, как по листве в саду стучали капли, снова пошёл дождь, быстро разогнался и стал бить в окно. Он встал, закрыл створки, шум дождя превратился в ровный гул, но скоро ослаб, и только отдельные капли мерно падали с крыши на жестяный подоконник. Под одеялом рядом с Анной было тепло, Александр Петрович придвинулся вплотную и почувствовал, что все его волнения были зряшными и несправедливыми, была Анна, его Анна... тогда он подумал, что больше с ней никогда не расстанется, что не нужна ему отдельная спальня и хорошо, что он не спросил про рояль: «Понятно, что продала, – нужны были деньги!» – И он заснул.

Глава 12

Когда в дверь тихо постучали, Александр Петрович не проснулся, а только повернулся на бок, лицом к окну. Анна проснулась.

– Да, Сашик, входи, – сказала она, но тут же опомнилась и попросила почти шёпотом: – Подожди, сынок! Подожди! Я сейчас к тебе сама выйду!

Она лежала под лёгким покрывалом, её ночная рубашка висела перекинутая, рукой не дотянуться, через спинку стула. Раньше, если она не вставала до того, как проснётся сын, он приходил к ней, заспанный, и ложился рядом, это стало обычаем. Он снова засыпал «у мамы под бочком» и спал ещё полчаса или час, пока не приходило его время вставать. Она поднималась, готовила завтрак и только потом будила сына. Сейчас она вовремя опомнилась и попросила Сашика не входить.

Александр Петрович ещё спал, Анна повернулась к нему и обняла. «Сколько мы тебя ждали, а сейчас я не пустила к тебе сына! Это не важно, что вы – отец и сын! Сашик никогда не видел в доме мужчину, а тем более в одной постели со мной. Не хочу, чтобы он начал ревновать и у вас испортились отношения. Пускай сначала привыкнет! А от себя я тебя больше не отпущу!» Она села, спустила с постели ноги и накинула рубашку. Всё правильно, стрелки часов показывали семь утра, это было обычное время, когда Сашик просыпался и начинался их

день. Она встала, одёрнула рубашку, застрявшую на бёдрах, и подошла к будуару: «Дождалась! Я дождалась!» Она не спала почти всю ночь и слушала, что ей рассказывал Александр, и только к утру позволила сну настигнуть себя. Когда уснул Александр, она не помнила.

Ароматным палисандровым гребнем она расчёсывала волосы и через зеркало смотрела на спящего мужа. «Господи, сколько же ты вытерпел, пока...» Она надела мягкие туфли с белой выпушкой и тихо вышла из комнаты.

Стук в дверь Александра Петровича разбудил. Он сразу понял, что это сын, и что своим появлением в доме он, наверное, что-то нарушил, и что Сашику он хотя и отец, но при этом всё же незнакомый мужчина, а отцом ему ещё надо стать. Поэтому, чтобы не нарушить привычного распорядка в доме, он сделал вид, что спит. Он просыпался и до этого, его сон был лёгкий и тревожный: каждый раз, очнувшись, он не понимал, где находится – но это было не купе, и не Мишкино зимовьё, и не тайга, через которую он ехал на телеге. И тогда он с облегчением обнаруживал, что лежит раздетый, не в брюках и не в сапогах, и даже не в онучах, а на мягкой свежей постели, в комнате с белыми стенами не из брёвен, между которыми свисают мох и бороды пакли. Тогда он рукой под покрывалом нащупывал бедро жены, гладил тёплую гладкую кожу, боялся разбудить и не мог этого не делать. А сознание подсказывало, что он дома... И ему не хотелось снова засыпать, чтобы проснуться где-то далеко или быть ещё в пути.

Он слышал, как Анна вышла.

Сашик сидел на кровати и смотрел на маму, Анна подошла, присела на корточки и прижала к груди его голову.

– Сашик, ты рад, что папа вернулся? – спросила она и посмотрела сыну в глаза.

– Конечно рад, мамочка! Я же его сразу узнал, он как на фотографии, он совсем такой же...

Анна промокнула слёзы.

– Ты почему плачешь, мамочка? Папа точно такой, как ты мне рассказывала... Можно мне к нему?

– Это от радости, сынок, это от радости! Подожди, пусть он немного ещё поспит, он так долго к нам ехал!

– А можно я покажу ему, как я его нарисовал?

– Можно, но чуть попозже, когда проснётся, хорошо? А почему ты вчера не показал?

– А я забыл, а ночью вспомнил!

– Конечно покажи, а сейчас одевайся!

Анна вышла из детской, взяла кувшин, перекинула через плечо полотенце, налила воды и тихо внесла всё это в спальню. Александр Петрович не спал, он сидел на высоко взбитой подушке и, когда она вошла, протянул руку.

– Подойди ко мне, – попросил он. – У нас дверь не запирается?

– Нет! – тихо засмеявшись, ответила Анна и поставила кувшин на подоконник. – Мне не от кого было её запирать! Дома я да Сашик. – И она присела на край кровати.

Александр Петрович смотрел на неё, не отрываясь.

– Ты что? Почему ты на меня так смотришь? – спросила она.

– Я люблю тебя! – И он притянул её к себе.

За дверью послышались шаркающие шаги, но это был не Сашик, потом хлопнула дверь, в ванной комнате застучал железный носик умывальника, и раздалось громкое сморкание и прокашливание.

Они тихо рассмеялись.

– Какой он смешной, этот Кузьма Ильич! Где ты его взял?

В дверь постучали настойчиво.

– Иди к нему, он тебя всё утро ждёт, – прошептала Анна и сказала громче: – Сейчас, Сашик, сейчас папа к тебе выйдет!

Через несколько минут Анна стояла у зеркала и осматривала себя; она надела корсет и шуршащую нижнюю юбку с широким поясом. Корсет, волосы и юбка были одного оттенка – тронутая солнцем blonde. Лицо, плечи и открытые руки были белые, даже немного бледные, и она их никогда не пудрила. Она посмотрела на кисти рук, только что намазанные кремом, от этого в спальне легко пахло лавандой, сегодня её руки уже не горели болезненной краснотой. Анна немного растянула шнуровку на корсете и оправила юбку. За глаза её фигуру сравнивали с фигурой Иды Рубинштейн и шептались, что ей надо бы немного поправиться, а ей нравилось, она чувствовала себя лёгкой. И Александру нравилось, он говорил, что она светлая и воздушная, «как облачко». Корсет слегка жал, и она ещё немного растянула шнуровку и подтянула за верхнюю кромку, подняв грудь. «Сейчас я уже не Ида Рубинштейн...» – подумала она, поставила ногу на пуф и стала надевать чулок. Она знала, что после родов немного налилась и в груди, и в бёдрах, и очень боялась, как к этому отнесётся Александр. «А он, по-моему, даже не заметил или промолчал». Анна выпрямила одетую в чулок ногу и легко повернулась коротким фуэте. Когда в танце «Семи покрывал» на сцене появлялась Ида Рубинштейн в роли Саломеи, служанки помогали ей выйти из паланкина и освобождали от лёгких полупрозрачных шалей, обёрнутых вокруг её стройного, необычно худого тела, и вот остаётся последняя шаль, самая прозрачная, полуобнажённая Ида – застывшая хрупкость, – она отбрасывала от себя и её.

«А Саша рассказывал, что мужчины в партёре в этот момент начинали шевелить пальцами!.. Говорят, она сейчас в Париже... конкурирует с самим Дягилевым!..» Анна хотела надеть другой чулок, и в этот момент в дверь постучали, она вздрогнула:

– Сейчас, сейчас! Ещё пять минут, и я готова!

Она не определила, кто стучал, муж ли, сын ли, и ей было радостно оттого, что она могла гадать – кто это.

Ещё вчера всё было по-другому.

* * *

Чёрная лакированная рессорная коляска легко шуршала резиновыми шинами по харбинской брусчатке и уже миновала железнодорожные пути и въехала на Офицерскую.

Сашик и Кузьма Ильич сидели спиной к извозчику, оба крутили головами. Сашик что-то показывал старику в незнакомом городе. Кузьма Ильич, как и вчера, раз за разом с удивлением обнаруживал, что Харбин – это «никакой не Китай», и только крестился и шевелил губами, когда видел редких в русских кварталах китайских рикш: «Надо же, иноверцы! И людей взнуздали!», а иногда тихо плевался, когда рикши везли русских – дам или господ: «Прямо патриции античные! Настоящий Вавилон! Эх, Царица Небесная!»

Сегодня утром его разбудил звон колоколов. Когда он проснулся, то в первый момент даже не понял, что его разбудило. Он несколько мгновений вслушивался; звуки, которые коснулись его слуха, были знакомые, такие, как он слышал в детстве и в юности: тихие и густые колебания заполняли через открытое окно его комнату и вливались с тёплым разреженным утренним воздухом. Вдруг ударило совсем близко, очень звонко, как будто прямо в ухо, – во всех харбинских церквях оповещали о начале утренней службы. «Колокола!!! Господи Иисусе! Это же колокола!!!» Кузьма Ильич вскочил, стал одеваться, второпях не попадая в брючины, рукава новой одежды, и даже вспотел.

Вчера вечером он слышал колокольные звоны, они долетали, но в доме было слишком шумно и суетно, это отвлекало, но он чувствовал, что слышит что-то знакомое и родное. До этого он не слышал колокольных звонов уже... «Сколько лет? На германской были походные церкви, у Верховного была своя, домовая, в Омске звонили, а после Омска мы только ехали

или шли... А в Благовещенске... – Он попытался вспомнить, слышал ли он звон колоколов Благовещенского собора, но не смог. – Может, и звонили, а я не помню...» Он кое-как оделся и решил, что добежит до расположенного поблизости собора, мимо которого они вчера прошли, и вдруг вспомнил, что Александр Петрович обещал, что сегодня они поедут в Иверскую церковь и поклонятся праху генерала Каппеля.

«Так! – подумал он. – Если я сейчас уйду, а они наверняка ещё спят, – они меня потеряют и поедут к Иверской сами, без меня!» Он сел на стул и посмотрел на часы. «Жалко будить. Ещё так рано! Но что же делать?» Вдруг он услышал, что у него за стенкой, в соседней комнате, в детской закрипела кровать, зашевелился Сашик, наверное, он уже встал. Кузьма Ильич снова посмотрел на часы, было самое начало восьмого, он тихо постучал в стену, через секунду из детской также тихо постучали в ответ. Он услышал, как зашлёпали туфли к его двери, встал и открыл, – улыбающийся во весь рот, стоял Сашик.

– Кузьма Ильич, вы уже встали? Мы едем?

Справа и слева от коляски проплывала зелень молодых деревьев, пыхали гарью редкие автомобили, стучали по брусчатке железными ободами колёса ломовых телег, разъезжавшихся от железнодорожных складов, обгоняли и отставали лихачи. Александр Петрович, Анна, Сашик и Кузьма Ильич ехали в военную Иверскую церковь поклониться праху генерала Каппеля. Анна была в тёмном, скромном и закрытом, Александр Петрович – в чёрной шерстяной паре и в котелке с шёлковой лентой, и даже Сашик уговорил по этому случаю позволить ему надеть форму подготовительного класса коммерческого училища. Он изнывал от жары, но, гордый своей новенькой, ни разу не надёванной формой, терпел.

Анна тоже томила. Она промокнула платочком пот и поправила короткую вуалетку. Конечно, в такую погоду хорошо бы ехать куда-нибудь на Сунгари: в ажурных перчатках, лёгком платье и с бамбуковым китайским зонтом! Но какая это была ерунда, зато сейчас они едут все вместе.

Александр Петрович смотрел на город и испытывал ощущение перевёрнутого дежавю: он уже всё это видел и не верил своим глазам, поэтому старался держать себя в руках и не давать воли чувствам, готовым нахлынуть.

Он посмотрел на Анну.

«Боже, как же ей жарко в этом платье! Как было бы здорово сейчас оказаться на Сунгари, взять лодку, она надела бы что-то светлое, лёгкое, воздушное, ажурные перчатки, зонт, как бы это было весело!»

Вдруг Сашик заёрзал и спросил:

– Папа, а когда мы Кузьме Ильичу покажем Сунгари?

Александр Петрович посмотрел на сына и подумал: «Почему он вчера показался мне таким маленьким? Он уже совсем большой!» – но Александр Петрович не успел ответить, их коляска уже сворачивала влево, и он увидел покрытый маленькими полукруглыми кокошниками шатёр колокольни Иверской церкви.

– Кузьма Ильич, оглянитесь!

Лошади остановились, Кузьма Ильич сошёл первым и, не оглядываясь, только подхватив за руку Сашика, мелкими шажками засеменил к ограде.

– Кузьма Ильич, а вы видели генерала Каппеля? – спросил Сашик, широко шагая рядом со стариком.

Кузьма Ильич почувствовал, как в его руке потеет маленькая ладошка.

– Видел, Александр, видел, но я тебе потом всё расскажу, а теперь давай поклонимся Господу нашему Иисусу Христу! – Тельнов остановился у входа и размашисто перекрестился.

В это время из открытых дверей вышел священник: в чёрной рясе, с крестом на груди и маленькой планкой ордена Святого Георгия с «веточкой». Он был молод, лет тридцати, не

больше, с короткой стрижкой смоляных волос, подкрученными кверху гвардейскими усами и аккуратной эспаньолкой.

«Ни дать ни взять – офицер!» – невольно залюбовался Тельнов.

– Батюшка, а куда тут к Владимиру Оскаровичу? – спросил он.

Священник коротко кивнул, и Кузьме Ильичу представилось, что он ещё должен был щёлкнуть каблуками, но вместо этого священник сделал мягкий жест рукой и пригласил Тельнова и Сашика следовать за ним.

Александр Петрович помог Анне выйти из коляски, снял котелок, вытер со лба пот и протёр котелок изнутри.

– Припекает тут у вас!

– Да, Саша, сегодня жарко, а ночью дождик прошёл, и ничего! Можно было в другой день приехать или утром, пораньше! – сказала Анна.

– Можно, Анни, конечно, можно, но ты же видишь, что со стариком делается и как ему не терпится.

– Да, да, конечно! И пусть их! По-моему, Сашику с ним интересно. Пойдём в тень или в храм?

– В храм!

Иверская, куда они приехали и где был похоронен генерал Каппель, была освящена после Японской кампании, её построили и расписали офицеры и солдаты в память о своих погибших товарищах. Она стояла немного выше Офицерской улицы, рядом ещё не было ничего построено, и её не загоразивала зелень.

Они вошли в ограду, Анна по привычке взяла мужа под левую руку и плотно прижалась.

«Вот так вы возвращаетесь! Каждый по-своему!»

Часть третья

Глава 1

Александр Петрович стоял возле зеркала и пытался вставить ножку запонки в тесную прорезь туго накрахмаленной новой манжеты. Золотая запонка не слушала пальцев и выскальзывала, у ножки был пружинный механизм, очень хитрый и капризный, поэтому, как только удавалось хоть немного просунуть ножку в маленькую, узкую, плотно обмётанную петлю манжеты, механизм запонки срабатывал, ножка щёлкала и складывалась, и всё начиналось сначала. Александр Петрович терпел, тихим, почти неслышным голосом ругал всё новое, а в особенности мелкие предметы и так туго накрахмаленные манжеты. В какой-то момент он почувствовал, что надо передохнуть, огляделся и увидел Тельнова.

– Вы чем заняты, Кузьма Ильич?

– Да вот, читаю ежедневную демократическую газету «Заря».

– Все номера подряд? Я вижу у вас их в руках несколько!

– Да, с самого Нового года!

– И что там интересного?

– Всё интересно! – Тельнов поднял голову. – На улице с Рождества собачий холод, носа не высунешь, а считаешь, и вроде как везде побывал. Вот, к примеру, послушайте! – Тельнов поправил очки и несколько откинул голову. – Вот послушайте: «Вторник, 1 января 1924 года. Номер первый! Поздравления с Новым годом!» – Он прокашлялся. – «Торговый дом «И. Я. Чурин и Компания» просит своих уважаемых покупателей принять поздравления по случаю Нового года». А? Это, значит, и нас с вами! И так целиком вся страница, понимаете ли!

Александр Петрович снова взялся вдевать запонку.

– Что ж тут такого? – Он опустил подбородок на грудь и от этого говорил сдавленным голосом. – Вчера Анни закупила у них половину мясного прилавка, а по моему заказу нам сегодня привезли дюжину Château!

Тельнов пошелестел газетой.

– А вот ещё: «Художественное кабаре «Альказаръ» в отеле «Хокуман», тут даже телефон имеется, «4018», «поздравляет уважаемых посетителей с Новым годом», и так дальше, а вот... – Кузьма Ильич поднял глаза и увидел, что Александр Петрович, не отрываясь от своего дела, пошёл к двери. – А вы куда? Я ещё не дочитал, тут много ...

– Перво-наперво, Кузьма Ильич, – Александр Петрович остановился, – вам, наконец, следует купить новые очки и не портить глаза, и второе: не выбрасывайте этот номер!

– Это почему? – спросил Кузьма Ильич и положил газету на колени.

– Не зна-а-а-ю! – растягивая слова, сказал Александр Петрович, продавливая запонку. – Вот такая мысль пришла в го-о-олову!..

Наконец всё получилось, запонка встала на место и щёлкнула, он облегчённо вздохнул, отвернул от двери, прошёл к средней створке шифоньера, посмотрелся в зеркало и поправил пластрон и бабочку.

– Вот так, Кузьма Ильич!

– Хоро-ош, кавалер, истинно хорош, – промолвил Кузьма Ильич и пожевал губами. – Жаль только вот – не в мундире! А всё ж ответьте мне, почему не выбрасывать?

– Пусть хранится! Не знаю я, Кузьма Ильич! – Александр Петрович одёрнул фрак. – Анни! Ты готова? – крикнул он в коридор и обернулся к Тельнову: – А мундир, уважаемый Кузьма Ильич, хорош при орденах!

Тельнов задумчиво покачал головой:

– Что правда, то правда, на балу будут и те, кто эти ордена получил сидя здесь, у них, конечно, всё при себе! А ваши ордена... – горестно протянул он.

Александр Петрович ухмыльнулся, открыл левую створку шифоньера, достал шкатулку и показал Тельнову Георгия IV степени и Анну с мечами III степени «За храбрость».

У Кузьмы Ильича от удивления открылся рот.

– Сохранили?! Как удалось? Если бы большевики... да за это вас...

– Половина большевиков сами такие имеют, Кузьма Ильич, а мундир... мундир и сшить можно, да только...

Александр Петрович не договорил: в этот момент в гостиную вошла Анна, она на секунду замерла, глядя на в один миг остолбеневших мужчин, и поправила на левом запястье золотую спираль браслета в виде змеи с глазами из синих сапфиров. На ней было длинное тёмно-синее бархатное платье на тонких бретелях, на оголённых плечах лежал золотой газовый шарф с синей каймой, а высокую причёску поддерживал изящный золотой гребень из перевившихся змей с такими же, как на браслете, сапфировыми глазами.

– А вот и я! Осталось только взять сумочку!

Когда стих звук последнего сказанного ею слова, в комнате повисла тишина.

– Ну что вы, дорогие мои? Саша, раз-два-три, отомри! Я уже приготовила, – быстро заговорила Анна, стараясь не показывать своего смущения, – вон же она лежит – на рояле!

Поражённый красотой жены, Александр Петрович сделал несколько неуверенных шагов по направлению к купленному год назад новому роялю, Кузьма Ильич продолжал сидеть с прямой спиной и газетой на коленях.

– Польска краля! – прошептал он. – Марина и Сигизмунд!

– Полноте, Кузьма Ильич! – засмеялась Анна. – Марина была дурнушка! Шучу, конечно, но её прижизненных фотографических карточек не сохранилось.

– И даже дагерротипов, только чёрно-белые гравюры, – тихо сказал Александр Петрович, взял с крышки рояля театральную сумочку из золотой парчи и подал Анне.

В комнату вбежал Сашик и тоже на секунду замер.

– Мама, – он стоял с открытым ртом, – ты такая красивая. Я тебя такой никогда не видел.

Александр Петрович обернулся к сыну.

– Сашик, как тебе не совестно, мама у нас всегда красивая, – сказал он и встал рядом с Анной.

– А вы скоро вернётесь?

Анна присела к сыну и поправила короткий пиджачок с бархатным воротничком.

– Нет, мой дорогой! Мы сегодня вернёмся не скоро, а ты ложись пораньше, тебе завтра на ёлку.

– А кто меня отведёт?

Кузьма Ильич пришёл в себя, хотя невольно ещё продолжал любоваться этой красивой парой.

– Я, внучек! Я тебя отведу, а теперь маме и папе не мешай, и давай мы с тобою почитаем. Сашик оторвал взгляд от матери и посмотрел на Тельнова:

– Опять историю Пунических войн?

Тельнов улыбнулся:

– Ну если не хочешь историю Пунических войн, то найдём что-то другое.

Анна накинула поверх высокой причёски тонкий пуховый платок, подставила плечи под шубу и сказала:

– Нам нельзя опаздывать, Бэ Вэ этого не любит.

В это время с улицы слышались квакающие гудки клаксона.

– Вот, Саша, видишь, и таксомотор уже подали.

Когда они ушли, Сашик спросил:

– Кузьма Ильич, а кто такой Бэ Вэ?

Тельнов посмотрел поверх очков:

– Бэ Вэ – это Борис Васильевич Остроумов – управляющий дорогой, а чтобы тебе понятно было – считай, что хозяин всей нашей русской Маньчжурии!

Глава 2

В спальне назойливо тикали часы, Александр Петрович открыл глаза и понял, что утро уже давно прошло. Рядом тихо, почти неслышно, дышала Анна, её светлые волосы падали через лоб, закрывали половину лица и лежали рассыпанные по подушке. Александр Петрович с благодарностью посмотрел на неё, осторожно откинул одеяло и постарался встать с кровати так, чтобы не потревожить. Вдруг на крыльце глухо затопали валенки, обивая на пороге снег, потом послышались шаркающие звуки веника, стук хлопнувшей двери, и мимо их спальни протопали шаги в сторону детской.

Анна открыла глаза:

– Который час, Саша?

– Начало первого!

– Надо же? Начало первого, а такое ощущение, что мы совсем не спали!

– Сашик со стариком вернулись с ёлки.

– Я слышала! – Анна откинула одеяло, встала, похлопала себя по щекам и потянулась к мужу. – Иди ко мне! Тебе нравится танцевать фокстрот?

Александр Петрович обнял её и крепко прижал:

– Ты была вчера само чудо!

Анна немного отстранилась и внимательно посмотрела.

– Ты была самая красивая... во всём Харбинё...

Анна молча смотрела.

– Как тебе удалось сохранить и браслет, и гребень... как тебе это удалось?

Анна уткнулась ему в грудь:

– Это же твой свадебный подарок...

Она сжалась в комочек и с улыбкой подумала: «Это было непросто!», потом вскинула вверх руки, сжала кулачки и долго и сладко тянулась.

– А-ах!!! – выдохнула она. – А ты не ответил на мой вопрос!

– Нравится! Только я чувствую себя рядом с тобой как медведь, которого не вовремя подняли из берлоги!

– Неправда! Ты прекрасно танцуешь – и вальс, и танго, и особенно... фокстрот!

– Тебе вчера аплодировал весь зал...

– Ты меня ревновал?

– А как же!

– Нет! Правда, ревновал?

– Как Пушкин Наталью Николаевну!

Анна упёрлась кулачками ему в плечи и изогнулась – лёгкая и изящная.

– Ты меня правда ревновал? – Её щёки были пунцовые, а глаза сверкали. Она глубоко вдохнула.

– Только один раз!

– Когда? – Она медленно и тепло выдохнула.

– Когда ты вальсировала с Бэ Вэ!

Анна рассмеялась:

– Так ты меня ревновал к Остроумову? Как можно? Он уже старый и такой маленький...

– Однако танцует он, как сказал бы Кузьма Ильич, изрядно!

Анна освободилась от объятий мужа, закружилась, потом остановилась и сказала:

– А ты знаешь? Я сама от него не ожидала, он производит впечатление человека резкого, угловатого, а оказался такой лёгкий...

– Мама! – вдруг послышалось из-за двери. – Папа! Вы уже проснулись? К вам можно?

– Через секунду! – прокричала Анна и накинула шёлковый золотистый халат. – Входи, сынок!

Сашик вошёл в спальню, он ещё не переоделся и хотел похвастать своим маскарадным костюмом, в котором только что был на ёлке, шагнул вперёд, снял шляпу с плюмажем и сделал манерный поклон, его игрушечная шпага задрала вверх голубой мушкетёрский плащ и царапнула по двери.

Анна также манерно присела, Александр Петрович приветствовал вошедшего кивком.

– Мадам! Сир! – сказал Сашик, не распрямляясь.

– Шевалье! – Анна протянула руку. – Вы ещё молоды, но я разрешаю вам прикоснуться к моей руке...

Александр Петрович сдвинул брови и сделался серьёзным:

– Ни в коем случае, молодой человек, мне придется потребовать у вас сатисфакции...

Анна обернулась:

– Сир! Какая сатисфакция, он ещё мальчик...

Все трое готовы были рассмеяться, но старательно выдерживали серьёзные мины.

– Мадам! – сказал Александр Петрович и поклонился Анне. – Этот, как вы изволили выразиться, мальчик надел перевязь капитана королевских мушкетёров и осмелился к вам приблизиться без моего разрешения! Шевалье!..

В дверь опять постучали, и послышался голос Кузьмы Ильича:

– Маленький Ли спрашивает, когда накрывать чай?

Александр Петрович сделал вид, что не услышал вопроса из-за двери, и встал против сына в атакующую позицию:

– Итак, молодой человек! Вы принимаете вызов?

Сашик удивлённо посмотрел, но тут же сообразил и тоже встал в атакующую позицию:

– А когда король в пижаме, разве он может вызывать на дуэль?... – Сашик не успел договорить.

– Ну конечно не может, – рассмеялась Анна. – Король может только повелевать...

– Ах так?!

Александр Петрович сделал два быстрых скользящих шага, как на фехтовальной дорожке, и подхватил Сашику на руки:

– Зато гвардейский офицер всё может! Даже если он в пижаме!!!

В дверь снова постучали.

– Да, да, Кузьма Ильич, через полчаса мы будем к чаю...

Анна со счастливым лицом подошла к мужу и сыну и обняла их.

– Какие вы смешные, оба! Как я вас люблю! С Новым годом!

– И тебя с Новым годом! – выдохнули они.

Когда Александр Петрович и Анна наконец вошли в гостиную, Сашик, уже переодетый, лежал на ковре с картой Евразии, а Кузьма Ильич, как будто со вчерашнего дня ничего не изменилось, снова сидел в хрустком кресле и держал в руках газету «Заря».

– Кузьма Ильич! – спросил его Александр Петрович. – А почему бы вам не почитать других харбинских газет или, например, шанхайских?

Старик удивлённо посмотрел на него:

– Каких?

– Ну... – Александр Петрович задумался. – В Харбине издаётся около десятка газет, есть журналы, например «Рубеж»!

– А зачем мне другие? Я читаю эту с самого первого номера. – Он сложил газету и показал лицевую сторону. – Хорошая газета, «харбинская, демократическая», зачем же другие?

– Так, может быть, в других газетах по-другому пишут!

– Пишут-то, может быть, и по-другому, а дела те же самые! Вот, к примеру, что о вас пишут! – И он поднял вверх палец.

– Интересно, что о нас пишут. – Анна посмотрела на мужа.

– Вот! – Тельнов продолжал держать палец. – «Заря», 13 января 1924 года, заметка называется «Вчерашний бал в Желсобе. Капище фокстрота. Корреспонденция с бала...».

– А что такое капище? – спросил Сашик, не отрываясь от карты.

Взрослые переглянулись.

– Вон стоят Брокгауз и Эфрон, ты можешь с этим вопросом обратиться к ним, – спокойно ответил Александр Петрович. – Продолжайте, Кузьма Ильич.

Но Кузьма Ильич уже отвлёкся:

– Очень полезный совет, молодой человек, вам и вправду для пользы дела надо иногда открывать умные книги...

– А что такое, Кузьма Ильич? – спросила Анна, она раскладывала по розеткам варенье.

– Ничего особенного, но молодой человек изволили надеть костюм мушкетёра его величества короля Франции Людовика Тринадцатого и при этом обещали вызвать на дуэль каждого мальчика в классе, если кто-то рискнёт прийти в таком же маскараде, а о реформах его высокопреосвященства кардинала де Ришелье и слухом не слыхивали!

Анна и Александр Петрович переглянулись.

– Знаю я о его реформах, у Дюма в «Трёх мушкетёрах» всё написано, – не поднимая головы, пробурчал Сашик и тут же вскинул глаза. – А в следующем году я сделаю форму красноармейца – такой в классе ни у кого не будет, и не надо будет никого вызывать на дуэль! – Он обвёл всех мечтательным взглядом. – Это так здорово, представляешь, мама, такой высокий шлем, как у Ильи Муромца, и синяя звезда, большая! Здорово, да?

В комнате воцарилась тишина, был слышен только стук ножа из кухни, где повар Чжао готовил обед, и поскрипывание кресла-качалки Александра Петровича.

Он серьёзно посмотрел на сына:

– Хорошо, Сашик, хорошо, – доживём до следующего года. Только эту форму, как у Ильи Муромца, шили для нашей армии, для императорской, мы ещё поговорим с тобой об этом. Продолжайте, Кузьма Ильич!

Старик поправил очки и начал читать статью:

– «Никогда, нет, вы должны поверить, что воистину никогда, Железнодорожное собрание, да что Железнодорожное собрание...» – Кузьма Ильич опустил газету и спросил: – Вам как, с выражением? – Он постарался придать своему лицу значительность.

– Можно с выражением, – сосредоточенно ответила Анна, расставляя на столе чайные чашки и принимая из рук боя Ли вазу с печеньем.

– Как изволите! Так вот, продолжаю с выражением: «...вообще ни одно бальное помещение в Харбине от дня основания города не вмещало в себя таких толп народу, как вчера. С девяти часов вечера и до полуночи автомобили выбрасывали всё новых и новых мужчин и женщин всех возрастов, всех социальных градаций и темпераментов... И сразу же, ещё в вестибюле они попадали в сказку...»

В этот момент в комнату вошёл повар с кипящим самоваром.

– «Харбин наголодался!..» – продолжал Кузьма Ильич. – Этими двумя словами Бэ Вэ Остроумова определяется причина головокружительного успеха вчерашнего празднества...»

– Bravo! Bravo! – Оглядывая стол, Анна похлопала в ладоши. – «Харбин наголодался!» Все к столу! Кузьма Ильич, продолжим после чая. – Она посмотрела на часы. – В пять часов у нас будут гости, и до этого времени никто не получит ни крошки.

Кузьма Ильич посмотрел на Анну, на Александра Петровича и на Сашика:

– Вы пейте! Аннушка, налейте мне, если вам не трудно, а я печенья не буду, утром кушал, а пока почитаю. Вы ведь с утра газет в руках не держали?

– Воля ваша, Кузьма Ильич! – ответила Анна.

Старик придвинулся ближе к столу и осторожно прихлебнул из горячей чашки:

– Так вот, я продолжаю: «...никогда не текла такой сплошной лавиной толпа по лестницам, коридорам и проходам Желсоба. Никогда Желсоб не горел пляской таких бешеных огней, как горел и переливался он вчера. Никогда не звучало одновременно под одними и теми же сводами столько фокстротных оркестров. Никогда так сильно и так разнообразно не были украшены залы, гостиные и фойе Железнодорожного собрания. Никогда не собиралось столько фраков при белых пластронах и подчёркнуто строгих смокингов... – Кузьма Ильич читал действительно с выражением, меняя интонации, повышая и понижая голос. – И уж конечно никогда, ни на прошлогоднем остроумовском балу, ни на каком другом, не было такого умопомрачительного обилия изысканных туалетов, как вчера...»

При этих словах Кузьма Ильич посмотрел на Анну и Александра Петровича.

– Даже представить себе не могу! – сказал он, но, не услышав ответа, продолжил чтение: – «Остроумов превзошёл всё своё организаторское прошлое. Превзошёл самого себя! Пляска огней. Томные и шипящие звуки пряной мелодии. То ослепительный свет люстр. То сине-пурпуровый полумрак фокстротных капищ. И эта мельница электрических ламп в большом фойе...»

Он читал и не замечал, как переглянулись Анна и Александр Петрович, в какой-то момент он только почувствовал, что в гостиной всё стихло, ему стало любопытно, и он, заглянув на несколько строчек вперёд и не переставая читать, поднял глаза и тайком, исподлобья оглядел комнату: Анна задумчиво протирала салфеткой чайные и десертные ложки, Александр Петрович качался в кресле и, как показалось Кузьме Ильичу, слушая его чтение, устремился взглядом куда-то... Сашик, упёршись подбородком в кулаки, лежал на ковре перед картой и болтал согнутыми ногами, и вдруг спросил:

– Кузьма Ильич, а что такое «лампиины»?

Тельнов вздрогнул, но не успел ответить.

– Это такие лампы, очень большие и яркие, – ответила за старика Анна Ксаверьевна.

– А-а, понятно, – сказал Сашик и снова уткнулся в карту.

Кузьма Ильич глянул на Анну и Александра Петровича, увидел, как они переглянулись, улыбнулся и подумал: «Какая замечательная пара, и зачем я отвлекаю их своим бормотанием?»

Газетные строчки были набраны криво, было видно, что шрифты в типографии «Зари» уже старые, но ни это, ни его мысли не помешали старику увидеть то, что вчера ночью происходило в Железнодорожном собрании, и он продолжал:

– «Строгая, величавая, законченная, в прямых и благородных линиях красота античного портала с его грандиозной колоннадой в главном зале. Капризный полумрак уютной «засыпкинкой» гостиной. В ней особенно нежно воркует банджо джесса...»

– Да! – задумчиво уронила Анна Ксаверьевна. – Красиво было...

«...Бар внизу, бар наверху... – продолжал Кузьма Ильич, – бар в русской буйной росписи ковров и красок. Столы, ломившиеся вчера яствами в ресторане. Стойки с шампанским, стойки с крюшоном. Уголки коктейля. Буфет демократический. Буфет фешенебельный. Буфет дам-патронесс, а рядом ниша, в которой орудуют одни бои в белых хитонах...»

– И вкусно! – добавила Анна.

«И киоски, киоски без конца и края. Кто был вчера в Желсобе? Ей-богу, легче сказать, кого в нём вчера не было. Вся иностранная колония, все экспортные фирмы: с женами, с чадами и домочадцами. Вся служилая лавина: управленская, правленская, даже те, кто мог освободиться с линии. Консула. Коммерсанты. Инженеры. Педагоги. Японцы. Китайцы. Воен-

ные. Штатские. Генералы и (даже) адмиралы. Адвокаты. Пристань и Новый город. Молодёжь и старики, такие старики, что их поддерживали, когда они хотели сойти по крутым желсобовским лестницам. А главное, дамы, дамы и дамы... Подобного вчерашнему обилию туалетов не запомнят даже старожилы харбинских мод...»

– Наряды действительно были недурны! – вставил слово Александр Петрович.

«...Женщины самых разнообразных возрастов, форм и фигур, брюнетки, блондинки, женщины в парче и строгих чёрных «робах». Женщины крашенные и зардевшиеся естественным румянцем, после истомы фокстротных касаний...»

– А что такое «фокстротные касания»? – спросил Сашик и обвёл всех взглядом.

– Продолжайте, Кузьма Ильич! – отреагировала Анна Ксаверьевна. – Ты ещё не дорос, сынок, я тебе потом объясню.

Однако Сашика ответ на заданный им вопрос уже не интересовал, – так он был увлечён картой. Взрослые опять с улыбкой переглянулись, и Кузьма Ильич снова стал читать:

«...И над всем этим плывёт и зыбит тягучий, во все поры собрания проникающий дурман танца. Почти не было людей, которые соблазнились бы картами или предались сознательному чревоугодию...»

Статья с описанием чудес вчерашнего новогоднего бала в харбинском Железнодорожном собрании заканчивалась, уже был виден последний абзац, финал, но Кузьме Ильичу хотелось, чтобы она была длинная, как какой-нибудь старинный роман. Он дочитывал уже в полной тишине, только Анна Ксаверьевна и бой Ли ещё позванивали столовым серебром, и он вспомнил себя в детстве, рядом с величественной, освещённой множеством ярких факельных огней колоннадой Благородного собрания, куда на Рождество съезжалась вся московская знать. Он, как маленькая рыбёшка, затёсывался в толпу охотнорядских зевак, которую у парадного подъезда со стороны Большой Дмитровки сдерживали полицейские с белыми витыми шнурами на шинелях, за них хотелось дёрнуть и послушать, не звякнет ли что-нибудь. Полицейские были добрые, они даже улыбались и перемигивались, никого не били, и от них на свежем морозном воздухе вперемешку с растоптанным на мостовой конским навозом слышался мягкий водочный перегар. «И подносили служивым! Изрядно подносили! А я... – закончив читать статью, подумал Кузьма Ильич и сложил газету, – пойду-ка я отдохну, пока не пришли гости!»

– А вы хороший чтец, Кузьма Ильич! – сказала Анна.

– Да, дедушка, не как пономарь на молитве, – неожиданно подытожил Сашик.

Глава 3

Напольные часы в большом деревянном футляре с блестящим маятником и тяжёлыми бронзовыми гирями за высокой стеклянной дверцей пробили пять. Александр Петрович открыл свой хронометр на новой золотой цепочке, которую на Рождество подарила Анна, и из-под крышки с орлами прозвенел гимн. Вошёл повар Чжао, и они втроём, Анна была рядом, оглядели накрытый к приходу гостей стол.

Чжао позвал Ли, что-то сказал ему, тот выбежал в сад и вернулся с хрустальным графином, только что вытасканным из снега.

Александр Петрович взял графин, на ковер капал тающий снег, и внимательно осмотрел.

– От Церцвадзе? – спросил он.

– Так! Еси! Моя на Китайский улица бегай, хозяина водыка сама носи, «На! – говори, – Александла Петловейци пей! – говори, – хвали Сельвадзе!» – говори! – выпалил бой.

– Молодец! – Александр Петрович и снова посмотрел на часы. – Хорошо, не давай остыть, положи снова в снег. Ну что, Анни, будем ждать?

Ли осклабился, поклонился, повторил: «Маладэза!» – и выскочил с графином из гостиной.

Анна Ксаверьевна обходила накрытый на девять персон стол и вдруг остановилась.

– Саша, извини, чуть не забыла, звонил Николай Аполлонович сказал, что у них дочь заболела, но обещал заглянуть хотя бы ненадолго, а от Николая Васильевича известий не было, должно быть, всё в порядке. А ты, пока ждём, не выпьешь ли, вот хотя бы коньяку для аппетита?

– Жалко, если не придёт... с тобой, Анни, выпью, а тебе что налить?

– Можно Château! Ли! – позвала она. – Открой вот эту бутылку!

– Не надо, я сам открою, подай мне штопор!

Александр Петрович открыл вино.

– Ли! – позвал он. – Принеси лимон, только нарежь колечками. А ты чем закусишь? – обратился он к супруге.

– Ветчиной со спаржей, такая аппетитная! Если они задержатся, я не выдержу! – сказала Анна и взяла тонкий полупрозрачный кусочек ветчины.

В это время с улицы послышался топот копыт и скрип тормозов.

– Ну вот, видишь? – Александр Петрович улыбнулся. – Стоит поднять рюмку, и гости тут как тут! Пойду встречу, а ты выпей... пока они разденутся... пока рассядутся...

Анна отпила глоток, откусила ветчины и, в последний раз придирчиво оглядывая стол, произнесла:

– Интересно, кто это – Байков или Устряловы?

– Сейчас увидим!

Через минуту Анна услышала, как захлопали двери, затопали башмаки и зашуршал веник, очищая с обуви снег. В прихожей было тесно, там встречали гостей Александр и бой Ли, забиравший пальто и шубы, и она решила, что будет встречать гостей здесь, в гостиной.

«Сколько же мы тут живём? – подумала она. – С января 1911 года! Боже мой, точно с января? Надо будет уточнить! Если да, то как раз в эти дни! Был Новый год или Крещение, сейчас уже не помню. Но если так, – значит, можно отпраздновать тринадцать лет, как мы в Харбине и в этом доме. Тринадцать! А можно ли праздновать тринадцать?..»

– Кузьма Ильич! – обратилась она. – А вы знаете, что мы с Александром Петровичем в этом доме живём уже тринадцать лет? На днях будет годовщина или уже годовщина!.. Надо бы отпраздновать!

Тельнов был здесь и тоже осматривал стол; он отдохнул после чая и вошёл минуту назад.

– Отчего же, матушка, не отпраздновать?

Анна посмотрела на него:

– А ничего, что тринадцать? Число-то какое!

– Да не вижу я в этом числе ничего дурного, у Бога все числа – и дни, и часы, и годы – Божии, можно и отпраздновать. Самое главное... Но он не успел договорить, в проёме открывшейся двери появилась молодая красивая женщина в свободном платье и с крокодиловой сумочкой на локте.

– Наталья Сергеевна! Наташа! – Анна всплеснула руками и пошла к госте. – Как я рада вас видеть! Вы после нашей последней встречи так похорошели. А почему я не видела вас вчера на новогоднем бале? – Гостя подошла к Анне Ксаверьевне, и та её обняла. – Наташенька, – снова заговорила Анна, – на улице мороз, а вы бледненькая, что с вами?

Наталья Сергеевна пошептала что-то на ухо Анне, и та всплеснула руками:

– Да что вы говорите, вот это новость! Я вас поздравляю, голубушка, и что, когда?.. – спросила она, повернувшись к Кузьме Ильичу и заговорщицки промолвила: – А вы нас не подслушивайте, это наши, женские тайны!

– Помилуй, Господи, какие тайны?.. – Кузьма Ильич поднялся с кресла и поклонился вошедшей. – Вы только посмотрите, у неё на лице всё написано, знаете ли, а вы говорите – тайны! Ну да ладно, вы тут... конечно, между собой... а я пойду встречать Николая Васильевича.

– Хорошо, Кузьма Ильич, встречайте, и будем звать к столу.

Глава 4

В гостиной, недавно покинутой мужчинами, сидели за столом Анна Ксаверьевна, Наталья Сергеевна Устрялова и крутился Сашик. Из-за беременности Натальи Сергеевны Анна попросила в гостиной не курить, и мужчины перешли в кабинет, где уже был накрыт десерт и приготовлено всё необходимое для преферанса.

Сашику было скучно, потому что никто из обещанных детей не пришёл, и он не знал, чем себя занять.

– Сашик, я понимаю, ты грустишь, не грусти, завтра мы позовём всех, кого ты захочешь! А пока... даже не знаю... займи себя чем-нибудь.

Анне перед сыном было неловко, но она была занята с Натальей Сергеевной и не нашлась чем его развлечь.

* * *

Талья выходила длинная, и в кабинете сильно накурили. Только что на стол была брошена последняя карта; Тельнов играючи тасовал колоду, а Байков, сидевший до этого на прикупе, записывал результаты последней игры. Он закончил расчёты, написал цифры в «пύле» и в «горе», стёр щёткой лишние записи, уложил мел в коробку и откинулся на спинку стула.

– Да, Саша, скажу я тебе, отменный у вас с Анной Ксаверьевной повар! – Всю игру Байков сидел прямо, переживал и пытался отдышаться. – Объялся, право слово!

– По наследству достался! – внимательно глядя на руки Тельнова, сказал Адельберг.

Четвёртый игрок – Николай Васильевич Устрялов – встал, чтобы размять ноги после долгого сидения за праздничным ужином и за картами, и повернулся к рабочему столу Адельберга.

– Позвóлите? – спросил он.

– Конечно, Николай Васильевич, если вы там что-то разберёте, – ответил Александр Петрович. – У меня там сплошная топография.

Устрялов взял в руки ватманские листы, посмотрел и положил:

– Да, тут действительно трудно что-то понять, – вижу, что это Малый Хинган и берег Амура, и больше ничего. А кстати, я тоже хотел поинтересоваться чудесами вашего повара...

– Особенно удался ему гусь и тыквенный суп, до сих пор вкус во рту стоит! Изумительно! – подтвердил Байков.

Адельберг оглядел гостей:

– Повар Чжао достался нам от наших бывших соседей, китайской семьи, у которой мы откупили вторую половину дома. Ему очень понравилось готовить русские блюда, и он добавляет к ним что-то из китайской кухни. А тебе, Николай, ответчу – это не гусь, а пекинская утка.

Байков удивился:

– Я слышал о пекинской утке, но никогда не пробовал и, признаться, китайскими кушаньями немного брезговал, а здесь... – Он в восхищении развёл руками. – Чем отличается наш гусь от пекинской утки?

– Отличия серьёзные, наш гусь гуляет и клюёт всё, что ему вздумается, а пекинскую утку – это блюдо, кстати, императорской кухни – кормят специальным зерном, размоченным в вине, и не дают двигаться. Чжао откармливает их у себя дома, и как он это делает – мы с Анной даже не вмешиваемся, а суп готовится из утиного жира и...

– ...и после него встаёшь из-за стола голодный, ты слышишь, Коля? – Байков обернулся к Устрялову, – ты зря отказался...

– Я уже не мог... – ответил Устрялов.

– Вот-вот, я и говорю, зря! Ладно, тогда, если ты не против, – Байков обратился к Адельбергу, – я хочу выразить Анночке особую признательность за сегодняшний ужин – всё было отлично! И если позволишь – иногда одолжить на время твоего повара!

– Сделай милость! А что у нас с игрой, Кузьма Ильич? Вы так тасуете, что на картах все картинки сотрёте!

– Да, Кузьма Ильич! – обратился к нему Устрялов.

Тельнов положил перетасованную колоду на стол и обвёл всех взглядом:

– Готово!

Байков быстро повернулся к Тельнову:

– Кузьма Ильич, у вас лёгкая рука, если вы сдали хороший прикуп, я с вас сотру «зуб».

– Как снесёте! – ответил Тельнов и двинул к нему колоду; Байков снёс, Тельнов поправил очки и начал сдачу. – Прикуп парой или по одной? – с ехидцей спросил он.

Уже взявшийся за машинку для набивки папирос Адельберг удивился:

– Хитрите, Кузьма Ильич, всё как-то по-своему норовите. Конечно по одной!

– Уж какая тут хитрость! – У Тельнова было игривое настроение, ему, чтобы закрыться, не хватало всего лишь пары вистов. – Что по одной, что парой, ну по одной так по одной!

Карты летели на стол и мягко падали перед игроками.

– А вот и прикуп!

Он закончил сдачу, сидевшие за столом открыли карты. Тельнов воспользовался моментом и подглядел у соседа:

– Никак на мизэрс идёте-с, Николай Васильевич? Если прикуп выпадет подходящий, правда, что ли, сотрёте?..

Не отрываясь от карт, Адельберг вмешался:

– Накажем, Кузьма Ильич! Николай Аполлонович сотрёт, а мы с профессором нарисуем!

– Николай Аполлонович! – обратился к Байкову Устрялов. – Вы уже записали последнюю игру?

– Записал, Николай Васильевич!

– И что там?

– Своя игра! Вы прошлись без ремиза, взяли свои висты, хотя могли поделиться с Александром Петровичем...

– Ничего, я не в претензии. – Адельберг сложил карты и налил коньяку. – Играли лёжа, и я мог спокойно покурить. Чей заход?

– Твой, Саша! – Байков заметно волновался и стучал картами по столу.

– Не торопи, а то пролью, – сказал Адельберг и поставил бутылку. – Я – пас!

Устрялов ещё раз глянул в карты:

– Два паса!

– «Два паса, в прикупе – чудеса!» – сказал Тельнов, и теперь уже он барабанил пальцами по лежавшему рубашкойверху прикупу. – Ну-с! Николай Аполлонович, господин полковник, что там у вас: «Лучше без одной на шестерной – чем одну на распасах»! Но чувствует моя душа – падать будете!

– Не мешайте, Кузьма Ильич! Пусть Николай Аполлонович подумает... У него вон какая горь, – вмешался Адельберг и снова взялся за рюмку.

– Вам, Александр Петрович, легко говорить, – парировал Тельнов, – вам сегодня карта лист в лист ложится, как говорится: «Кому в карты...»

– Ну прямо не верится, Кузьма Ильич! Экий вы оказались азартный, никогда бы о вас такого не подумал, – перебил Тельнова Адельберг и перевёл взгляд на Устрялова: – А кстати, Николай Васильевич, мне Анни сказала...

– Да, Александр Петрович, Наталья Сергеевна на третьем месяце, ждём прибавления...

– Молодцы! Это хорошо, когда между детьми небольшая разница в годах, будут друзьями. Летом должна разродиться?

– Даст Бог!

Адельберг посмотрел на Байкова:

– Ну что ты, Николай?

– Не торопи, Саша! Теперь ты меня не торопи! Может так случиться, что и мне карта пришла, дай подумать!

Тельнов перестал крутиться и откинулся на спинку стула:

– Карта не лошадь, к утру повезёт!

– Ваши шутки, Кузьма Ильич, в каноны записывать! – сказал Адельберг, взял карты и постукивал ими по столу.

Байков умоляюще посмотрел на него и попросил:

– Не стучи, Саша, не отвлекай! Поговорите лучше о чём-нибудь!

– Кстати, о «постучать»! Николай Васильевич, – Адельберг снова обратился к Устрялову и с треском уложил карты на стол, – что там из Советов – «стучат»?

Устрялов тоже положил карты:

– Занятные оттуда новости, точнее – тревожные, Александр Петрович!

– Что такое?

– Думаю, в России снова назревают большие перемены, может быть, и не сразу, но последствия могут быть очень серьёзные...

– Что вы имеете в виду? Я с конца прошлого ноября занимаюсь подготовкой партии на Хинган предстоящим летом и как-то упустил последние события. Поведайте нам, вы среди нас единственный, кто разбирается в политике.

– Не скромничайте, Александр Петрович! Однако, судя по советской прессе и сообщениям телеграфа, Ленин серьёзно болен. Вот уже несколько месяцев он затворником сидит в своём подмосковном имении, в Горках, и не посещает даже совещаний их Центрального комитета. А у болезни, как вы знаете, могут быть только два финала...

– А сколько ему лет?

– Двадцатого апреля будет, кажется, пятьдесят четыре!

– Не так уж и много! Так ли опасен?..

– Диагноз?

– Да!

– Это одному Богу известно, но сведения просачиваются такие, что он... неспособен.

– Вот в чём дело?! – задумчиво сказал Адельберг. – Вы думаете...

– Нельзя исключить, что скоро он перестанет быть главным большевиком...

Адельберг раскрыл карты и, глядя в них, сказал:

– Да-а-а! Новости! А я в Симбирске в сентябре восемнадцатого года чуть было не помог ему в этом...

– Упал!!! – вдруг раздался громкий голос Байкова.

Александр Петрович и Николай Васильевич удивлённо посмотрели на него.

– Упал, господа! Я упал!

Всё то время, пока Адельберг и Устрялов беседовали, а Тельнов ёрзал от нетерпения, Байков вёл расчёты в своих картах. Последняя сдача принесла ему туза, валета, десятку, девятку, восьмёрку и семёрку треф, восьмёрку бубён, валета и восьмёрку пик и семёрку червей.

«Вот так раскладик, – глядя на карты, думал он. – Если тоже, как они, скажу «пас» и никто не перекупит, то будут объявлены распасы, а у меня в двух мастях только по одной... Они всё быстро снесут, и я останусь с длинной трефой, и тогда малейшая моя ошибка... и вся моя трефа сыграет как козыря, и я снова окажусь в проигрыше. Посмотрим другой вариант

– сыграть шесть трэф. Король с дамой у них, – в худшем случае я смогу взять только четыре взятки и останусь без двух. Но лучше на «шестерной без одной», чем «с одной на распадах», хотя скорее всего, что всё-таки без двух. Что остаётся? – Байков думал и перестал слышать, о чём говорят Адельберг и Устрялов. – Напрашивается мизёр, – это если к длинной трефе придут король и дама. Король и дама! – рассуждал Байков. – Семёрка червей проскакивает, пика тоже маленькая, значит, опасность в том, что у меня бланковая восьмёрка бубён и нету моего захода. Тогда вопросов два: что в прикупе и как разложилась карта у них?»

Байков думал.

«Если я прав, то... игру я закрою, хотя гора большая... Аналогичный случай был под Перемышлем в пятнадцатом... Но тогда ведь – пришли король с дамой!!!»

Можно было ещё подумать, но он решил.

– Упал, господа! Я упал! – решительно сказал Байков, посмотрел на Тельнова и увидел, как у того запрыгали пальцы, нависшие над прикупом. «Вот шельма, – мелькнуло в голове. – Неужели там и вправду тот самый марьяж и он об этом знает? Тогда и мне в руку, и он закрывается первым!»

Адельберг и Устрялов переглянулись. Устрялов спросил:

– Николай Аполлонович, вы сегодня падаете уже в третий раз! Не рискуете?

– Да уж, Коля! – с ухмылкой поддержал Адельберг. – Ты подумай, пока мы не легли! Ты на концессии работаешь, у тебя денег много! Но ведь и слава! Три несыгранных мизёра за одну игру? Каково тебе будет?

– Ах, господа, – уже спокойно парировал Байков. – Кто не рискует!.. Да знать бы прикуп!.. так и жил бы в Копенгагене, а не в Харбине! А ты, Саша, у себя на дороге тоже ведь приличное жалованье получаешь, что ж тебе жаловаться? Прикуп, Кузьма Ильич!

Кузьма Ильич с мягкой улыбкой открыл прикуп.

В прикупе был трэфовый марьяж.

– Открывайтесь, господа!

Адельберг и Устрялов снова переглянулись.

– Нет, Николай, ты сначала снеси!

Кузьма Ильич захихикал и стал потирать ладони.

– Ну, господа, естественно! Да только, как говорится, взятку снёс – без взятки остался! – пошутил Байков, вставил прикуп в свои карты и выкинул две лишних.

– Ложимся? – спросил Адельберг Устрялова.

– Конечно! – ответил Устрялов, и они положили на стол открытые карты.

Тельнов мельком глянул и, не удержавшись, закричал:

– Неловленный! Господа! Неловленный!

«Какой азартный, старый чёрт! Никогда его таким не видел!» – подумал Адельберг, но вслух сказал:

– Не торопитесь, Кузьма Ильич! – и они с Устряловым стали внимательно изучать свои лежащие открытыми карты.

Николай Аполлонович увидел, что карты у его противников распределились так, что перехода не получалось, поэтому его единственная дыра – бланковая бубновая восьмёрка – действительно оказывалась неловленной. Тельнов, сдавший нужный прикуп, набирал свои очки и закрывался, и партия была кончена.

– Ну что? Николай Васильевич! Попробуем поймать его бубновую восьмёрку? – спросил Адельберг.

– Попробовать можно, но у нас нет перехода.

Байков улыбался.

– Ловите, господа, ловите, если сможете!

Партия действительно оказалась конченной, и Байков обратился к Тельнову:

– Вот так, Кузьма Ильич! Как вы говорите: «Дети хлопают в ладоши, папа в козыря попал»?..

– С этой приметой, Николай Аполлонович, вы ошиблись, в данном случае говорят, что «мизэра парами ходят», а тут третий! Сдать бы ещё, однако у нас есть закрывшиеся!

– Ну что ж! – Профессор Устрялов, единственный оказавшийся в проигрыше, встал из-за стола и обратился к Тельнову: – На что истратите выигрыш, Кузьма Ильич? На акварели или на масло?

Тельнов не успел ответить.

– А вы рисуете? – спросил Тельнова удивлённый Байков.

– Пописываю! – скромно ответил старик.

– Не интригуйте, Кузьма Ильич, – Адельберг бросил карты на стол, – принесите свои работы. Николай Аполлонович и Николай Васильевич ещё не видели.

Тельнов сделал вид, что смущается.

– Ну же, Кузьма Ильич, принесите! – снова попросил Адельберг.

Тельнов пожал плечами и вышел, а Байков сидел и тихо радовался неожиданному и столь блестящему финалу игры, потом востроился и спросил:

– Саша, пока я мороковал с картами, вы говорили о чём-то интересном!

– Да, – подтвердил Устрялов. – Александр Петрович хотел что-то рассказать забавное, про какой-то случай, в сентябре восемнадцатого в Симбирске... – Он обратился к Адельбергу: – Вы что, имели там дело с Лениным?

Адельберг не спеша собрал карты и попросил боя Ли принести фрукты.

– Не совсем так, конечно. Вообще-то Николай Васильевич рассказывал о том, что Ленин сильно болен и даже неспособен...

– Это я знаю, он даже в Кремль не показывается... *ты* про что рассказывал?..

– Я рассказывал, что осенью, а дело было в восемнадцатом, в Симбирске, но... Николай Васильевич, – Адельберг налил профессору, – в то время, насколько мне известно, Ленина там не было, просто такая фантазия пришла в голову, что *если бы* он там оказался...

– А что за фантазия, Саша, расскажи!

Адельберг налил всем.

– Всю весну восемнадцатого года я провёл в Москве, разыскивал родителей Анны и своих и пытался найти генерала Мартынова, ты его помнишь, Николай.

– Конечно помню, в первые дни германской он попал к австрийцам в плен.

– Да, повоевать ему не пришлось...

– А он, насколько мне известно, здесь в десятом году командовал замурцами? – поинтересовался Устрялов.

– Так и есть, был нашим с Николаем Аполлоновичем командиром...

– И неплохим, – подытожил Байков.

– Так вот! – продолжил Адельберг. – В конце весны, когда на Волге поднялись чехи, я решил, что пора мне двигаться на восток...

– А давайте, господа, – перебил его Байков, – помянем те времена! Много было надежд...

Тельнов всё не возвращался, и Адельберг, Байков и Устрялов подняли рюмки.

– Продолжай, Саша! Извини!

– ...До Симбирска я добирался долго... сами помните, какие были дороги, что творилось на железке...

– А почему в Симбирск? Ты мне этого не рассказывал! – снова перебил Байков.

– В Самаре в июле 1917 года уехали родители Анны и пропали...

– Как твои?

– Наверное! Никто не знает, выяснить не удалось! Добраться смог только до Симбирска, кривым путём. Туда приехал как раз в разгар боёв. Суeta была и полная неразбериха. Все

одеты одинаково, все стреляют. Кто? В кого? Наших можно было отличить только по белым повязкам на руках.

– А ты был в чём?

– В цивильном, конечно! В чём же я ещё мог быть, если приехал из Москвы? Носить мундир было невозможно! Так вот, я прямо на улице прихватил валявшийся рядом с каким-то убитым револьвер и стал пробираться к берегу Волги. Наших, то есть симбирцев, красные уже теснили – у них за спинами, как говорили, маячил сам Троцкий, в своём автомобиле...

– Это там его чуть не поймали?

– Нет, по-моему, это было то ли в Казани, то ли в Свияжске... Многие, в том числе и я, кто пешком, кто как, пробивались к железнодорожному мосту. Надо было перебраться через Волгу и соединиться с отрядом Каппеля. Кутерьма, стрельба такая, что казалось, пули пачками летят... Где пешком, где ползком, я добрался до конца последней фермы и прямо-таки ссыпался с насыпи, – Адельберг ухмыльнулся, – кубарем, и тут бабахнуло... взрывная волна была такой силы, что уложила всех на землю...

Он секунду помолчал и затянулся папирсой.

– Взрыв был мощный, но мост устоял... а левый берег Волги – кто был, тот знает – низкий, правому, городскому не ровня, на правом возвышается Венец. Так вот, артиллерия Каппеля, всего несколько орудий, стреляла по красным из низины, с левого берега. Красные засели как раз на Венце, в самой высокой части. Потом выяснилось, что Каппель расположил свой штаб так, чтобы видеть отступление симбирцев, то есть совсем недалеко от моста, в ложине рядом с железнодорожной насыпью. Тут вижу: к нам – а людей, тех, кто только что перешёл на левый берег, было много – скачут три кавалериста – хорошим таким галопом. Артиллерия красных в это время перенесла огонь и стала обстреливать насыпь, справа и слева... Снаряды рвутся, люди падают, а эти к нам... Ну вот, в одном из них я узнал Володю Каппеля. Я встал, как мог, отряхнулся – надо выглядеть, – подхватил саквояж и пошёл навстречу... Что-то Кузьма Ильич так долго возится!

– Да бог с ним, с Кузьмой Ильичом, дальше что было? Ты мне этого не рассказывал, – нетерпеливо заёрзал Байков.

– Дальше? Каппель тоже меня сразу узнал, ещё издалека, и направился прямо ко мне. Поздоровался, спросил: мол, какими судьбами? А я, хотя, и ждал, и искал этой встречи, но всё же несколько замешкался с ответом, наверное, взрывом оглушило. Он даже поинтересовался, не контузило ли меня? Мне надо было как-то выходить из положения, и я спросил: «Кто взрывал, мы или красные?» Он сошёл с коня и подал мне руку: «Да им-то зачем? Им наступать! Наша работа! А жалко, хороший был мост!» Я тоже подал ему руку, только сначала обтёр об брюки. Мы стояли друг против друга, знаете ли, с каким-то одинаковым чувством неловкости.

Адельберг помолчал.

– Мы познакомились за два года до этого, ещё в Могилёве. Тогда мы были, как положено, в мундирах, нам не надо было думать, как приветствовать друг друга, что делать и о чём говорить. А тут, представляете, я стою в пыльной брючной паре, в туфлях, в фетровой шляпе, эдакий шпак. Каппель тоже в штатском... с белой повязкой на рукаве. Он тогда ещё сказал: «Вот так, полковник! Русские люди взрывают русский мост, печально, конечно, что и говорить, но не отдавать же его Тухачевскому. – И спросил: – Вы уж простите мою бестактность, но, как я полагаю, в гости к нам – вы?» – «Прошу располагать мной, господин...» – я не знал, как к нему обратиться. «Подполковник! – заметил он. – В наше время, Александр Петрович, чинов не присваивают, да и не в этом дело».

Адельберг пригубил коньяк.

– А ведь я его хорошо помнил, – всегда улыбчивый и живой, он почти никак не переменялся за это время, если не считать непривычного гражданского платья. Те же, знаете ли,

жёсткие русые волосы, курчавые, и так же расчёсаны на прямой пробор. То же... никто из вас с ним не был знаком?..

Устрялов утвердительно кивнул.

– ...то же широкое лицо, – продолжал Адельберг, – и глаза голубые, со смешинкой, та же борода.

– Он ведь служил у красных в Самаре у Куйбышева, в штабе Волжского округа? Хотя тогда многие служили, и не только у Куйбышева! – заметил Байков и обратился к Устрялову: – Это из-за этого у него был «ледок» с Колчаком?

– Нет, уважаемый Николай Аполлонович! Не из-за этого! Сибирское правительство было кадетское, а Самарское – эсеровское. Каппель влился в Белое движение с самарцами, и почти до конца его считали близким к эсерам, хотя таковым он не являлся, – ответил Устрялов, – но это я уже потом, в Сибири, узнал. Однако продолжайте, Александр Петрович, прошу вас!

– Да, благодарю. Так вот! Стоим мы так, беседуем, и тут недалеко, саженьях в пятнадцати, наверное, взорвалась шрапнель, выпущенная красными. Мимо нас бежали с обеих сторон два добровольца, тоже с белыми повязками... Как упали ничком и дальше не шевелились. Владимир Оскарович не дрогнул и спрашивает меня: «Не отвыкли ещё?» Я посмотрел на него, на его коня, тот при разрыве тоже не дрогнул. «Думаю, что нет!» – «Вот что, полковник, я сейчас черкну вам записку, мой штаб расположен во-он в той ложине, идите туда, скоро мы будем отсюда сниматься, тогда поговорим».

Прощаться я не стал, взял дирекцию на ложину, где находился штаб. Я от Волги шёл медленно; горизонт впереди немного повышался; оттуда из высоких плотных кустов стреляли по красному уже Симбирску на предельном возвышении пушки Вырыпаева, полковника, он тоже присоединился к Каппелю в Самаре. Справа, на некотором отдалении, по насыпи и мосту ещё бежали люди – последние. Я недалеко отошёл, и даже видно было, как у них вздрагивали винтовки, – это они стреляли по тому берегу. Сейчас я это всё вспоминаю, но как в тумане, даже не знаю почему... Вот так я шёл к ложине; смотрел под ноги; видел траву, начинала жухнуть, сентябрь был сухой... Рвалось то тут, то там, мешало думать...

– А о чём вы могли тогда думать? – спросил Устрялов. – Надо было бежать в укрытие!

– Думал о том, что хорошо, что я его сразу встретил! О том, что если доберусь до штаба живым, значит, первую половину пути сюда, на восток, я прошёл. Мне тогда эта простая мысль показалась неожиданной и какой-то радостной! Давайте, господа, ещё по одной, – сказал Адельберг и на правах хозяина разлил коньяк.

– Интригуешь, Саша, рассказывай, что было дальше! – стал подгонять Байков.

– Я и рассказываю! Так вот! Вдруг так бабахнуло, я с ног – как подкошенный. Лежал, правда, недолго, поднялся, отряхнул землю и понял, что взорвалось совсем уже рядом. Честное слово, какая-то ошалелость была в голове, и тогда я подумал, что надо бы двигаться быстрее – тут вы правы, Николай Васильевич, – а то вторая половина пути могла оказаться совсем короткой!

Они выпили.

– И тут, почти сразу, взорвалось ещё раз, опять рядом. Я увидел впереди яму или воронку и добежал до неё. Через несколько секунд отдышался, выглянул в сторону Симбирска и сразу вспомнил – Ленин-то родом отсюда, как и Керенский...

– Родила же земля два чудовища в одном месте, – задумчиво промолвил Байков.

– ...я и подумал: «Так это, наверное, вы, уважаемый товарищ Ленин, сидите во-он на той колокольне и управляете огнём?» – и сразу понял, что два взрыва, эти два посланных красными снаряда, предназначались для меня, рядом никого больше не было. Первый лёг, ещё дымилась воронка, – справа, второй – в десяти саженьях впереди, а третий... А третьего, господа, это я осознал очень ясно, ещё не было, и вдруг я увидел, что к моей яме бежит сломя голову какой-

то мужчина с белой повязкой, свой, то есть. И тогда же прилетел третий! Снаряд упал прямо под его пятки, и я увидел, как его забросило далеко вперёд. Вот такая картина!

Адельберг замолчал.

– Ну? – нетерпеливо спросил Байков.

– Всё произошло в течение нескольких секунд: два взрыва, яма, третий взрыв, и тогда я понял, что третий снаряд предназначался мне... И ещё я понял, что больше сюда стрелять уже не будут, потому что красный корректировщик наверняка принял попадание в того бежавшего мужчину с белой повязкой, добровольца, за попадание в меня. Сами понимаете, засечь такую подмену, на таком расстоянии, было невозможно. Когда до меня это дошло, их корректировщик, скорее всего, был уверен, что я убит, и стал искать другую цель.

– А доброволец? – одновременно спросили и Байков, и Устрялов.

– Доброволец? Вот это было любопытно. Вы уж простите меня за такой длинный рассказ, но это было самое интересное. Я посмотрел в ту сторону, куда он должен был упасть, потом посмотрел на город и зацепился взглядом за колокольню, где, скорее всего, засел тот самый корректировщик, и в этот момент прямо у меня на глазах верхушка колокольни лопнула, эдак бесшумно брызнула красным огнём и исчезла. И знаете, что я подумал?

– Что?

– А я подумал: «Молодцы! Вот тебе! Ленин! Прямым попаданием!»

Байков схватился за живот:

– Как ты подумал? «Вот тебе! Ленин!»?

– Да, я так и подумал!

Байков и Устрялов смеялись так громко, что вошедший в этот момент Кузьма Ильич застыл в дверях.

– Что это вы, господа?

Вытиравший слёзы Байков только замахал ему рукой: мол, входите и не мешайте.

– А дальше? Что было дальше? С этим добровольцем? – пытаюсь как-то сдержать смех, спросил Устрялов.

– А представьте себе, ничего! Я выбрался из своей ямы и увидел его. Он лежит и, гляжу, даже пытается приподняться, эдак на локтях. Сами понимаете, мы привыкли ко всяким положениям смерти, но тогда она только повисела над нами и уже куда-то улетела, наверное, искать себе другую жертву. А человек был жив и даже не ранен, у него только были начисто срезаны подмётки сапог, и из них торчали, никогда этого не забуду, розовые ступни. Я тогда даже подумал про смерть, что, мол, о! неудачница! А доброволец тряхнул головой и сел, его кепка лежала чуть поодаль, она была вся изорвана и растерзана, как будто бы её грызли собаки. Я его спросил: «Вы можете идти?» Он посидел ещё, поводил из стороны в сторону глазами, ошалелыми, потом попытался подняться, пошатнулся... ну я подхватил его, и так мы с ним до штаба и добрались. Вечером отряд Капеля собрался, сели на катера и баржи, и мы отвалили от берега... Вот так я в мыслях распорядился жизнью вождя... и спас добровольца, наверное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.